НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ А. ДОНИША

УДК 658.5 (575.3) (09) *На правах рукописи*

Ёгибекова Бека Турдибековна

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ТАДЖИКОВ ГБАО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Специальности 5.6.5 – историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н. Иброхимов М. Ф.
Научный консультант:
д.и.н. Додхудоева Л. Н.

Душанбе – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 3

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ ПО НАРОДНОМУ КОСТЮМУ ТАДЖИКОВ ГБАО (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.) 18

1.1. Изучение народного костюма ГБАО западными и русскими учеными в конце XIX – начале XX вв. 18

1.2. Историческая периодизация изучения костюма таджиков ГБАО в советское и постсоветское время..... 28

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ И УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ ГБАО..... 50

2.1. История текстильных и портновских традиций в ГБАО в трудах исследователей 50

2.2. Исследование семантики декора традиционной одежды таджиков ГБАО 67

ГЛАВА 3. НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ТАДЖИКОВ ГБАО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 87

3.1. Мужской костюм таджиков ГБАО в историографии XX – начала XXI вв. 87

3.2. Особенности женского костюма таджиков ГБАО в трудах исследователей XX – начала XXI вв. 127

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 164

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ 168

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПО НАРОДНОМУ КОСТЮМУ ГБАО 194

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ АЛЬБОМ 202

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ГБАО – Горно-Бадахшанская автономная область

ГИИИДТ – Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана

Дис. – диссертация

ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР

МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук

МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований

НАНТ – Национальная академия наук Таджикистана

СПГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографичекое обозрение

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Народный костюм таджиков является важным культурным явлением, поэтому его изучению уделялось и уделяется особое внимание. Важность системной работы в этом направлении вытекает, к примеру, из того момента, что, хотя сегодня в городах и районах Таджикистана народными мастерами изготавливаются различные художественные изделия, к сожалению, знания по становлению технологий их производства, как и истории ремесла в целом, находятся пока на довольно низком уровне. К тому же, отдельные их области уже прекратили существование. Это означает, что назрела необходимость проанализировать историографию вопроса, дасть объективную оценку выполненным научным трудам, проводить новые исследования по народному костюма. Актуальность выполнения этих работ заключается, в частности, в том, что они способствуют возрождению богатого нематериального наследия таджикского народа и совершенствованию его ремесленных традиций. Не случайно, Лидер нации, Основатель мира и национального единства, Президент Таджикистана уважаемый Эмомали Рахмон в своих выступлениях неустанно отмечает значимость национальной одежды как важного фактора этнической идентификации, подчеркивает необходимость ее защиты и всемерной пропаганды.

В прошлом Бадахшан из-за своего сложного ландшафта и природной изолированности не имел устойчивых связей с равнинными районами. Естественно, такие условия не могли не повлиять на материальную культуру населения региона, своеобразие деталей одежды, способы их изготовления и применения. Вместе с тем, данное обстоятельство способствовало более продолжительному сохранению здесь национальных традиций прошлого. Это послужило немаловажным фактором, побудившим исследователей обратиться к изучению жизни и быта населения данного региона Таджикистана.

Можно констатировать, что в отечественной и зарубежной историографии традиционная одежда таджиков Горно-Бадахшанской автономной области в сравнении с другими регионами Республики Таджикистан получила не

меньшее отражение. Однако материал и результаты выполненных в этом направлении исследований зафиксированы лишь в нескольких разрозненных статьях, посвященных отдельным аспектам региональной одежды. В связи с этим, история изучения народного костюма таджиков ГБАО является актуальной проблемой, так как она расширяет наши знания по разнообразию национальной одежды. Ее разработка позволяет глубже разобраться в особенностях костюма таджиков - жителей высокогорья и выяснить степень их отражения в трудах исследователей материальной культуры.

Степень изученности проблемы. Историография народного костюма жителей ГБАО еще не становилась предметом исследования. Вместе с тем, системное изучение костюма, как и других важных аспектов жизни населения региона, было начато после его присоединения к России во второй половине XIX в. За дореволюционный, советский и постсоветский периоды по выбранной проблематике выполнен ряд исследований в основном исторического и этнографического характера, в которых нашли отражение отдельные вопросы разрабатываемой темы. Публикации по ним можно сгруппировать следующим образом:

Первую группу составляют фундаментальные труды по истории таджикского народа[1], в которых обобщены материалы и результаты ранее проведенных исследований, в том числе по истории материальной культуры. В этом контексте заслуживают также упоминания труды Б. И. Искандарова[2], Р. М. Масова[3], М. Н. Назаршоева[4], Х. Пирумшоева[5] и других известных

---

[1] Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя, средневековая и новая история (тадж.). - Душанбе: Дониш, 2008 и др.

[2] Искандаров Б. И. Из истории проникновения, капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая пол. 19-го века). - Душанбе: - Дониш, 1976; Он же. История Памира. - Хорог: Мерос, 1995; Он же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. - Душанбе: Андалеб, 2015.

[3] Очерки по истории Советского Бадахшана / Отв. ред. Р.М. Масов. - Душанбе: Ирфон, 1981..

[4] Назаршоев, М. Н. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира / М. Назаршоев. - Душанбе, 1975; Он же. Культурное строительство в Советском Бадахшане (тадж.) / М. Н. Назаршоев, Н. М. Назаршоев. - Душанбе: Ирфон, 1985.

[5] Пирумшоев Х. Ванч. Научно-популярный очерк (тадж.). - М.: ФАРАС, 2004; Он же. История Дарваза (тадж.). - Душанбе: Ирфон, 2008;

исследователей по истории ГБАО и ее отдельных историко-культурных областей[1].

Во вторую группу входят публикации, посвященные этнографии Горного Бадахшана. Это отдельные труды А. А. Бобринского (1861-1938) по Вахану и Ишкашиму[2], А. П. Шишова (1860-1936) по горным районам в общем[3], А. А. Семёнова (1873-1958) по Дарвазу[4], И. И. Зарубина (1887-1964) по долине Бартанга[5], М. С. Андреева (1873-1948) по долине Хуфа[6], Н. А. Кислякова (1901-1973)[7] и Л. Ф. Моногаровой (1921-2011) по Язгулему[8], Т. С. Каландарова (род. 1970) по Шугнану[9]. Как следует из названий, в этих публикациях можно обнаружить сведения, касающиеся особенностей традиционного костюма конкретных районов Горного Бадахшана. Исключение составляют некоторые работы Л. Ф. Моногаровой, в которых география изучения охватывает всю территорию ГБАО. К этой группе можно также отнести совместное исследование Л. Н. Додхудоевой, З. Юсуфбековой и М. Шовалиевой по состоянию ремесленной деятельности в ГБАО в 2016 г.[10] Материалы,

---

[1] Шугнон / Под ред. акад. М. Илолова и др. - Душанбе: Ирфон, 2014; Бахтиёров М. История Рушана (тадж.) / М. Бахтиёров. - Душанбе: Илм, 2013; Каширина Т. В. Культурное строительство в Горно-Бадахшанской автономной области / Т. В. Каширина, Д. Давлатѐров // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе: Ирфон, 1981. - С. 242-280 и др.

[2] Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. - М., 1908.

[3] Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. – Алматы, 2006.

[4] Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903.

[5] Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник МАЭ. - Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. - С. 97-148.

[6] Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Сталинабад: АН Тадж. ССР, Ин-тут истории, археологии и этнографии. - Вып. 1. – 1953; Вып. 2. - 1958.

[7] Кисляков Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк) // ИВГО, 1948. - Т. 80, вып. 4. - С. 361-372.

[8] Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. - Т. 2. - М., 1959. - С. 3-94; Она же. Современные этнические процессы на Западном Памире // Советская этнография. - М., 1965. - № 6. - С. 23-33; Она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. - М.: Наука, 1972; Она же. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. - Вып. 16. Памир. - М.: Наука, 1975. - С. 174-191; Она же. Об этнической принадлежности населения Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус: Каракалпакстан, 1989. - С. 201-210.

[9] Каландаров Т. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). – М., 2004.

[10] Додхудоева Л. Н. Ремесленное производство Таджикистана (по материалам полевых исследований 2013-2017гг.) / Л. Н. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева. - Душанбе, 2019.

собранные А. Саидовым в рамках археолого-этнографической экспедиции МИЦАИ в КНР в 2006 г., позволяют сравнить особенности костюма таджиков ГБАО и таджиков Китая - ваханцев и сарыкольцев[1]. Отметим также монографии и статьи В. П. Сайнакова[2] и других исследователей по истории и этнографит региона.

Третью группу составляют труды, в которых затрагиваются некоторые конкретные аспекты рассматриваемой проблемы: альбом А. А. Бобринского по орнаменту дарвазских вышивок и вязаний[3], трактат М. С. Андреева по орнаменту таджиков Верховьев Пянджа и памирских киргизов[4], статья И. И. Зарубина про обувь жителей долины Бартанга[5], статья Н. А. Кислякова о свадебных лицевых занавесках Дарваза[6], статьи и монографические издания З. А. Широковой (1925-2006), в которых имеются материалы по традиционному костюму жителей Дарваза[7], статья Н. З. Юнусовой по джурабам[8], статьи Л. Б. Бахтоваршоевой, посвященные кустарным тканям, традиционным платьям и поясной одежде жителей региона[9], книга П. Киматшоева и В. Алидодова[1],

---

[1] Саидов А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. - Вып. 34. – М.: Наука, 2009. - С. 342-375.

[2] Сайнаков С. П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): Дис. ... канд ист. наук. – Душанбе, 2015; Он же. Исследование традиционной культуры и быта памирских таджиков дореволюционными русскими учеными-естествоиспытателями // Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана: Мат. международной научной конференции 17 ноября 2017 г. – Душанбе, 2018. – С. 147-156.

[3] Бобринской А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900.

[4] Андреев М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. - Ташкент: Типо-литография № 2 Казгиза, 1928.

[5] Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник антропологии и этнографии. - Т. 3. - Петроград, 1916. - С. 89-92.

[6] Кисляков Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек // Сборник Музея антропологии и этнографии. - Т. 15. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 291-316.

[7] Широкова З. А. Одежда таджиков Дарваза // Известия АН Тадж. ССР. - Сталинабад, 1956. - № 10-11. - С. 111-124; Она же. Альбом одежды таджиков / З. А. Широкова, Н. Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1969; Она же. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970. – Вып. 2. - С. 116-202; Она же. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976; Она же. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. – Душанбе: Дониш, 1993 .

[8] Юнусова Н. З. Джурабы Памира (Ванч, Ишкашим) // Памироведение. - Вып. 2. - Душанбе, 1985. - С. 298-310.

[9] Бахтоваршоева Л. Б. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») //

статья С. Мамадамоновой[2] на тему памирских джурабов, статья Л. Н. Додхудоевой по портновским традициям населения ГБАО[3], работы М. Ф. Иброхимова по традиционным тканям и народному костюму жителей этого региона[4], диссертационное исследование С. А. Содиковой по истории вязального дела таджиков[5], опубликованных статьях автора настоящего исследования, посвященных художественным особенностям памирского орнамента на примере ваханских шерстяных чулок и тюбетеек[6], а также

Советская этнография. – М., 1973. - № 3. - С. 110-118; Она же. Платья традиционного покроя таджичек Памира // Памироведение: Сб. статей. - Душанбе, 1984. - Вып. 1. - С. 145-152; Она же. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана // Этнография в Таджикистане: Сб. Статей. – Душанбе, 1989. – С. 165-185.

[1] Киматшоев П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира / П. Киматшоев, В. Алидодов. – 2-е изд. – Хорог, 2011.

[2] Мамадамонова С. Вязальное искусство жителей Бадахшана (тадж.). – Хорог, 2010.

[3] Додхудоева Л. Н. Памирский костюм с крыши мира (англ.) // Дискавери. - Алматы, 2017. - № 1. - С. 78-83.

[4] Иброхимов М. Ф. Текстильное производство в горных районах Таджикистана в конце XIX – начале XX в. // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/3(87). – Душанбе, 2012. – С. 23-25; Он же. Текстильные промыслы таджиков Припамирья и Западного Памира в конце XIX – начале XX века // Матер. межд. научно-практической конфер. «Подготовка конкурентоспособных специалистов рынка труда в условиях интеграции высших учебных заведений зарубежных стран и Республики Таджикистан» (Кулябский филиал Технологического университета Таджикистана, 17-18 мая 2013 г.). – Душанбе: Империал-Групп, 2013. – С. 77-80; Он же. О традиционном вязании как самобытной отрасли ремесла горных таджичек (конец XIX – XX вв.) / М. Ф. Иброхимов, С. А. Содикова // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/6. – Душанбе, 2017. – С. 42-46; Он же. Семантика оригинальных образцов кроя в народной одежде ГБАО / М. Ф. Иброхимов, М. Хусравбекова // Мат. республ. научно-творческой конфер. “Народное художественное творчество в контексте истории, современного состояния и перспектив развития туризма и культурных традиций Таджикистана (Государственный институт изобразительного искусства и изайна Таджикистана, 26 апреля 2018 г.). - Душанбе, 2019. - С. 58-60; Он же. Вклад ученого-этнографа И. И. Зарубина в изучение особенностей одежды дореволюционной одежды таджиков Бадахшана / М. Ф. Иброхимов, Б. Т. Ёгибекова (тадж.) // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 150-153 и др.

[5] Содикова С. А. История зарождения и совершенствования вязального дела таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 2022. - 180 с.

[6] Ёгибекова Б. Т. Бадахшанские джурабы (тадж.) // Материалы республиканской научно-теоретической конференции «Народное художественное творчество в контексте современного состояния и перспективах развития туризма и культурных традиций Таджикистана (ГИИИДТ, 26 апреля 2018 г.). - Душанбе, 2019. - С. 28-32; Она же. Национальная идентичность и символика узора в ваханской тюбетейке (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, М. Ф. Иброхимов // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2020. - № 1(21). - С. 99-106; Она же. Орнаментальная символика в декоре рукоделий традиционной одежды Горного Бадахшана // Муаррих. - Душанбе, 2022. - № 3(31). - С. 141-148.

традициям и инновациям в мужской и женской одежде жителей этого региона[1] и др.

К четвертой группе имеют отношение труды западноевропейских авторов, посетивших Памир в дореволюционный период: публикации венецианского купца Марко Поло (путешествие 1270 г.)[2], датского офицера Оле Олуфсена (1890 г.)[3], английского офицера Т. Э. Гордона (1874 г.)[4] и др.

В рамках **пятой группы** мы объединили книги и альбомы, посвященные народному декоративно-прикладному, изобразительному, музыкальному искусству Горного Бадахшана, изданные в годы независимости Республики Таджикистан. В них избранные образцы традиционной одежды рассматриваемого региона представлены в качестве знаковых произведений местной культуры и выдающихся достижений ремесленничества. Примерами являются альбом, подготовленный в соавторстве Н. Э. Юнусовой и Л. Н. Додхудоевой “Народное искусство Памира”[5]. Особое значение имеют архивные документы М. А. Рузиева под названием “Искусство Памира”, основанные на материалах его полевых исследований 1960 г. в Вахане[6]. Различные

---

[1] Ёгибекова Б. Т. Дореволюционная мужская одежда жителей Горного Бадахшана (тадж.) // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2021. - № 3(27). - С. 154-163; Она же Некоторые сведения о дореволюционной женской одежде жителей Горного Бадахшана (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, С. Силмонова // Материалы республиканской научно-теоретической конференции «Вклад ГИИИДТ в изобразительное искусство Таджикистана (ГИИИДТ, 28 октября 2022 г.). - Душанбе, 2022. - С. 14-19; Она же. Традиции и инновации в женских платьях Памира в конце XIX - середине XX вв. // Вестник Педагогического университета. № 5(100). - Душанбе, 2022. - С. 388-393.

[2] Поло Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. - Алма-Ата: Наука КазахССР, 1990.

[3] Ole Olufsen. The second Danish Pamir-Expedition: old and new architecture in Khiva, Bokhara, and Turkestan. - Copenhagen 1904; Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - London 1904; Додхудоева Л. Н. Экспедиции Оле Олуфсена на Памир: Ваханская долина // Труды междун. научной конфер. «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. – М., 2020. – С. 354-378.

[4] Гордон Т. Э. Путешествие на Памир. - СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1877.

[5] Юнусова Н. Э. Народное искусство Памира / Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева (рус,.англ.), ред. Р. М. Масов. – Душанбе, 2009.

[6] Додхудоева Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева) // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. – М., 2020. – С. 354-378; Она же. Ресурсы визуальной репрезентации полевых материалов (на примере «Альбома одежды таджиков» Н. Н. Ершова и З. А. Широковой) // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества

особенности местного, особенно обрядового, костюма нашли свое отражение в пятитомном издании "Музыкальное искусство Памира" (авторы - Ф. М. Кароматов, Н. Х. Нурджанов, Б. Т. Кабилова), которое содержит ценный этнографический материал историко-культурного и этнографического содержания[1].

Таким образом, исследователи еще не обращались к теме историографии народного костюма ГБАО. Сведения по отдельным аспектам национальной одежды таджиков ГБАО приводятся в трудах многих авторов, хотя еще нет ни одного специального исследования по этой теме. Со времени обретения Таджикистаном государственной независимости историография народного костюма таджиков ГБАО значительно пополнилась, что позволило нам провести данное исследование.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационной работы является историографический обзор народного костюма таджиков ГБАО как носителя особых этнознаковых функций в отечественной и зарубежной науке конца XIX – начала XXI вв. Для достижения поставленной цели требуется решение следующего комплекса задач:

- выявление вклада исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов в разработку отдельных аспектов настоящей темы;

- анализ заключений исследователей о влиянии разных факторов на формирование состава, силуэта, покроя, декора и видового разнообразия региональной традиционной одежды;

- отражение в научных публикациях общей характистики одежды жителей ГБАО в ее основных чертах и выявление в них районных, половозрастных и социально-утилитарных особенностей;

- исследование учеными традиционных приемов изготовления одежды таджиков ГБАО как самобытной отрасли народных промыслов;

таджиков. Материалы международной научной конференции (г. Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2022. - С. 184-195.

[1] Кароматов, Ф. Музыкальное искусство Памира / Ф. М. Кароматов, Н. Х. Нурджанов, Б. Т. Кабилова. - Кн. 1 - М., 1978; Кн. 2. - М., 1986; Кн. 3. - Бишкек, 2010; Кн. 4. - Бишкек, 2014; Кн. 5. - Бишкек, 2015.

- изучение специалистами способов декора традиционной одежды и ее семантики;

- изучение зафиксированной специалистами отраслевой терминологии по народной одежде региона, приведенной в публикациях экспертов;

- составление тематического иллюстративного альбома.

Источниковедческая база исследования базируется на изучении всего комплекса доступных источников, которые можно разбить на следующие категории:

1) научная и научно-популярная литература согласно установленной хронологии исследования, использованная в качестве основного источника;

2) публикации дореволюционных русских и европейских авторов (дневники путешествий, воспоминания чиновников, ученых разных направлений науки и др.), в которых содержатся сведения по дореволюционной одежде Горного Бадахшана. Значительную ценность имеют тематические материалы, зафиксированные в работах В. А. Баньковского (1860-1922)[1], Н. Л. Корженевского (1879-1958)[2], В. В. Эггерта (1867-1918)[3], Б. В. Станкевича (1860-1924)[4], Д. В. Путяты (1806-1889)[5], А. Е. Снесарева (1865-1937)[6], А. Г. Серебренникова[7], Г. Е. Грум-Гржимайло (1860-1936)[8], М. А. Кирхгофа[9], Д. Л.

---

[1] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно // Туркестанские ведомости. - 1894. - № 11-14.

[2] Корженевский, Н. Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. - СПб., 1906.

[3] Эггерт В. В. Очерк Памиров (Сведения, собранные в Памирском отряде с августа 1896 года по июль 1897 года) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 76. - СПб., 1902. - С. 2-30.

[4] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича // Русский вестник. - 1904. - № 8. - С. - 625-658; № 9. - С. 236-270; № 10. - С. 457-500; № 11. - С. 4-29.

[5] Путята Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и и статистических материалов по Азии. - СПб.: Военная типография, 1884. - С. 1-88.

[6] Снесарев, А. Е. Религия и обычаи горцев западного Памира // Туркестанские ведомости. - 1904. - № 90.

[7] Серебренников, А. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 70. - СПб, 1896. - С. 1-52; Серебренников, А. Очерк Памира. - СПб., 1900. - 97 с.

[8] Грум-Гржимайло, Г. Е. Очерк Припамирских стран // ИРГО. - Т. 22. - 1886.

[9] Кирхгоф, М. А. Из поездки на Памиры // Известия Туркестанского отдела РГО. - 1900. - Т. 2, вып. 1. - С. 169-170.

Иванова (1846-1924)[1], А. А. Черкасова (1875-1942)[2], С. И. Коржинского (1861-1900)[3] и др.;

3) Помимо письменных работ, диссертантом использованы предметные источники, которые упомянуты и исследованы в источниках первых двух категорий:

4) художественные источники (образцы одежды, запечатленные в старинных фотографиях, живописи, документальных и художественных фильмах и т.п.);

5) подлинные образцы исторической одежды или так называемый “живой” материал, хранящийся в музейных фондах, частных реликвариях и у населения;

6) этнографические сведения - полевой материал, собранный диссертантом в результате бесед с пожилыми жителями региона и выходцами оттуда.

7) труды Т. Н. Пахалиной[4], Б. Б. Лашкарбекова[5] и других исследователей памирских языков, которые содержат богатый материал по отраслевой терминологии.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- выполнен специальный обзор существующих исследований по народному костюму таджиков ГБАО, подчеркнуты вклад и достижения исследователей в его изучении;

- проанализированы материал и заключения исследователей по составу, формам, крою, декору и видовому разнообразию традиционной одежды региона в их неразрывной связи с условиями формирования;

---

[1] Иванов, Д. Л. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. - М., 1885. - Т. 3, кн. 6. - С. 612-658; Т. 4, кн. 7. - С. 48-97.

[2] Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. // Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М.: Наука, 1975. - С. 99-119

[3] Коржинский, С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения // Сельское хозяйство и леса. - 1898. - Т. 189. - № 4. - С. 62-69.

[4] Пахалина Т. Н. Ваханский язык / Т. Н. Пахалина. - М.: Наука, 1975; Она же. Ишкашимский язык / Т. Н. Пахалина. - М.: Наука, 1959 и др.

[5] Лашкарбеков Б. Б. Сказки народов Памира // Совесткая этнография. - 1979. - № 2. - С. 180; Он же. Рудименты язычества в топонимии Вахана // Исследования по иранской филологии. - М., 1999. - Вып. 2. - С. 54-60 и др.

- изучены представленные в научных публикациях описания мужского и женского традиционного костюма жителей ГБАО, а также подчеркнутые в них его районные, половозрастные и социально-утилитарные особенности;

- проанализирован вопрос об изучении исследователями текстильных и портновских традиций в народном ремесленничестве региона;

- изучена проблема отражения в имеющихся публикациях способов декора традиционной одежды, выявлены особенности местного орнамента и заключенная в нем символика;

- собраны зафиксированные специалистами термины по теме исследования и составлен терминологический словарь;

- составлен тематический альбом иллюстраций.

Методологию исследования составили основные принципы современной историографии, а также культурологии и искусствоведения. В качестве основного методологического отправления служит необходимость изучения истории и традиций материальной культуры народа с учетом их многогранных связей с социально-историческими условиями и культурной средой. Диссертантом использованы методы сравнительно-исторического, конструктивно-видового и логико-исторического изучения. Основу исследования составляют собственные наработки автора, выполненные в полном соответствии с принципами историзма и комплексного подхода к решению поставленных задач диссертации.

Хронологические рамки диссертационной работы ограничиваются концом XIX - началом XXI вв. Нижняя временная граница исследования выбрана исходя из наличия достоверных источников, датируемых временем, совпадающим с присоединением Средней Азии к России. С правозглашением государственной независимости Республики Таджикистан начался новый этап интенсивного процесса изучения костюмов жителей разных регионов, в том числе народного костюма таджиков ГБАО. С учетом этого, обоснованным представляется выбор верхней границы исследования началом XXI в.

В диссертации автором использована следующая историческая периодизация формирования и развития научной школы изучения костюма таджиков ГБАО: конец XIX – начало XX вв. (этап становления базы для формирования соответствующей школы); 1920 – 1950-е годы (этап формирования советской научной школы): 1960 – 1980-е годы (этап развития этой школы); 1990 – наши дни (этап формирования национальной школы).

Географические границы исследования охватывают западные пределы Горно-Бадахшанской автономной области, которые являются территорией плотного расселения таджиков. Здесь расположены Дарвазский, Ванджский, Рушанский, Шугнанский, Рошткалинский и Ишкашимский административные районы республики. Именно на этой территории происходило формирование традиционной одежды таджиков ГБАО.

Объектом исследования является история изучения костюмного комплекса (женского, мужского, детского, повседневного, выходного, праздничного, траурного и др.), а также его составляющих (платье, рубаха, поясная одежда, головной убор, украшения и т.д.).

Предметом исследования являются историографические вопросы, связанные с традиционным костюмом таджиков ГБАО, его составными частями, видами, формами, кроем, материалом, колоритом, декором, символикой, этнознаковыми функциями.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Специальный обзор существующих исследований по традиционному костюму таджиков ГБАО позволил определить, что из числа наиболее значимых работ конца XIX – XX вв. можно указать лишь публикации этнографического характера А. А. Бобринского, И. И. Зарубина, М. С. Андреева, Л. Ф. Моногаровой, а также имеющие непосредственно к данной теме статьи Л. Бахтоваршоевой по отдельным предметам региональной одежды. Со времени обретения Таджикистаном государственной независимости открылись новые широты для исследования истории, материального и духовного наследия таджикского народа, что отразилось на

числе исследований, посвященных отдельным аспектам разрабатываемой темы, благодаря чему историография народного костюма таджиков ГБАО значительно пополнилась.

2. Анализ заключений исследователей о влиянии разных факторов на формирование состава, силуэта, покроя, декора и видового разнообразия региональной традиционной одежды показывает, что в качестве одного из ключевых факторов, способствовавших формированию традиционной одежды таджиков ГБАО, наряду с климатическими условиями региона, культурой и господствовавшей религией, они особенно отметили природную обособленность края, что обусловила исключение региона от иноземных влияний в этнокультуру населения региона.

3. Природно-климатические условия региона и первостепенное значение в хозяйственной деятельности населения скотоводства способствовали широкому распространению здесь шерстяных изделий, что отмечено всеми учеными, занимавшихся историей костюма таджиков ГБАО.

4. В имеющихся научных публикациях авторами представлены описания мужской и женской традиционной одежды жителей ГБАО, ими также подчеркнуты ее районные, половозрастные и социально-утилитарные особенности. Так, согласно их заключениям, в традиционной одежде дореволюционного женского населения ГБАО отразились особенности гендерного баланса, высокий статус женщины, что указано во многих публикациях путешественников конца XIX - начала XX вв.

5. В ряде научных исследований отмечено, что этнознаковые особенности народной одежды ГБАО ярко отразились в свадебном костюме, колорит которого основан на использовании трех цветов: белого, красного, зеленого. Преобладание этих цветов в праздничных костюмах, характерных и для других регионов проживания таджиков, указывает на общие истоки формирования и развития таджикского народа.

6. Исследователи текстильных и портновских традиций в народном ремесленничестве региона заключают, что излюбленный прием декора

национальных женских платьев - вышивка получила наибольшее развитие в Дарвазе, где таким способом орнаментировали вышивкой основную часть изделия, применяли вышитые нашивки для декора разных деталей, а также пользовались узорной тесьмой. Помимо этого, здесь нашло применение тканая полоса с пришитыми серебряными бляшками по черному фону. Вышивка платья в Дарвазе достигла наибольшей степени совершенства. По богатству узора и степени его стилизации и семантики, дарвазская вышивка успешно конкурировала со знаменитым кулябским чаканом.

7. Изучение проблемы отражения в имеющихся публикациях способов декора традиционной одежды, выявления особенностей местного орнамента и заключенной в нем символики показало, что в декоративных композициях одежды жителей ГБАО применялись разнообразные мотивы растительного, геометрического, зооморфного, предметного и астрального характеров. В отличие от орнамента жителей равнинных районов, где преобладают композиции растительного характера, здесь растительные и геометрические мотивы использовались в равной мере.

8. Как показал проведенный исследователями художественный анализ декора региональной одежды, в оформлении платьев и рубах высокогорных районов ГБАО вышивка применялась только при оформлении отдельных деталей одежды (вертикального разреза у горловины, концов рукавов). Для украшения шерстяных платьев широко использовалась гладкая тесьма черного цвета. По мнению исследователей-экспертов, в женском праздничном костюме особое место занимает длинное нагрудное украшение с геометрическим узором разноцветного бисера, являющегося характерной его особенностью. В научной литературе отмечено, что одним из знаковых деталей традиционного мужского и женского костюма ГБАО является тюбетейка с круглой тульей и плоской макушкой с характерным богатым вышитым узором.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материал и основные результаты диссертационной работы могут быть использованы при изучении истории материальной культуры таджикского народа и планировании

научных работ по данной тематике; при составлении обобщающих трудов по истории, историографии, источниковедению, истории материальной культуры и художественного творчества таджиков; при подготовке учебников и методических указаний для отраслевых учебных заведений разного уровня; при составлении отраслевых терминологичских словарей и альбомов одежды таджикского народа.

Материал исследования может быть полезен в научно-исследовательской практике историков, культурологов, искусствоведов. Достигнутые результаты могут служить подспорьем в работах по возрождению текстильных и портновских традиций таджикского народа.

Апробация работы. Основное содержание диссертации отражено в материалах 13 статей автора, опубликованных на страницах научных журналов, сборниках научных трудов, материалах международных республиканских и внутривузовских конференций. Из них 3 статьи опубликованы в рецензируемых изданиях ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Отдельные разделы диссертационного исследования представлены и виде докладов и сообщений в рамках международных и республиканских конференций. Материалы работы автором внедрены в учебную и научно-исследовательскую деятельность Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, в частности в учебную программу предмета “История национального искусства” и “История таджикского костюма”.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании отдела новейшей истории и отдела этнографии и исторической антропологии Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана 27 января 2024 г. (протокол № 1).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, разбитых на шесть параграфов, заключения и двух приложений: терминологического словаря и иллюстративного альбома.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТ ПО НАРОДНОМУ КОСТЮМУ ТАДЖИКОВ ГБАО (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

1.1. Изучение народного костюма ГБАО западными и русскими учеными в конце XIX – начале XX вв.

Конец XIX – начало XX вв. является периодом, когда появились первые труды научного, научно-популярного и документального содержания по традиционной одежде таджикского народа, в том числе населения горных районов. Что касается более ранних периодов, можно указать разве что на путевой дневник средневекового итальянского путешественника Марко Поло, который в XIII в. посетил Памир и зафиксировал некоторые сведения по одежде местных жителей[1].

В опубликованных трудах и фотоматериалах рассматриваемого времени особенности одежды жителей Горного Бадахшана нашли отражение, в основном, после присоединения данной территории к России. Заслуги в этом направлении принадлежат офицерам и чиновникам царской России и отдельным европейским путешественникам. Параллельно с этим, начался целевой сбор подлинных образцов местной традиционной одежды.

По содержанию эти работы носят следующий характер:

- путевые заметки и дневники путешественников, в которых зачастую можно встретить мимолетные заметки по теме;

- доклады и донесения российских и европейских офицеров и чиновников, которые отличаются теми же особенностями;

- труды этнографического и географического характера, в которых данный вопрос нашел более подробное отражение.

Как правило, в этих трудах зафиксированы сведения, накопленные по итогам личных наблюдений авторов. Вместе с тем, иногда они, не имея

[1] Поло, Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. - Алма-Ата: Наука КазахССР, 1990. - С. 68.

возможности лично посетить те или иные районы региона, собирали сведения распросным способом.

Краткая заметка по одежде ваханцев встречается в отчете чиновника Мирзы, родившегося в Мешхеде и в 1868 г. по поручению Британского правительства проезжавшего через Памир. По его словам, в долине Вахана шерсть овец, коз, коров, пони и яков перерабатывается в сукна, и эти ткани частично используются в домашнем обиходе местных жителей, а другая часть вывозится для обмена на другие товары. Касаясь одежды, Мирза отмечает, что местное население носит чоги (чекмени) и штаны, те и другие толстые и шерстяные, что связано с сильными холодами[1].

Ценные сведения по теме приведены в книге Т. Э. Гордона (1832-1914), который в 1874 г. совершил поездку на Памир в составе Форсайтовой экспедиции (вместе с доктором Столичка, капитанами Бидольфом и Троттером и другими путешественниками)[2].

Нужно заметить, что отдельные сведения по данной теме, приведенные в сочинениях дореволюционных авторов, имеют большое историческое и этнографическое значение. В этом контексте можно выделить публикации И. П. Минаева (1840-1890)[3], С. Д. Масловского (1853-1926)[4], В. А. Баньковского[5], Н. Л. Корженевского[6], В. В. Эггерта[7], Б. В. Станкевича[8], Д. В. Путяты[9], А. Е.

---

[1] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). – С. 136.

[2] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир Гордона. Несколько глав из книги The Roof of the World. - СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1877.

[3] Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). – СПб.: Тип-я В. С. Балашева, 1879.

[4] Масловский С. Гальча (Первобытное население Туркестана) // Русский антропологический журнал. - М., 1901. - № 2. - С. 17-32.

[5] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно // Туркестанские ведомости. - 1894. - № 11-14.

[6] Корженевский, Н. Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г.. - СПб., 1906.

[7] Эггерт В. В. Очерк Памиров (Сведения, собранные в Памирском отряде с августа 1896 года по июль 1897 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 76. - СПб., 1902. - С. 2-30.

[8] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича // Русский вестник. - 1904. - № 8. - С. - 625-658; № 9. - С. 236-270; № 10. - С. 457-500; № 11. - С. 4-29.

[9] Путята Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и и статистических материалов по Азии. - СПб.: Военная типография, 1884. - С. 1-88.

Снесарева[1], А. Серебренникова[2], Г. Е. Грум-Гржимайло[3], М. А. Кирхгофа[4], Д. Л. Иванова[5], А. А. Черкасова[6], С. И. Коржинского[7] и др. Вместе с тем, нужно оговориться, что зачастую такие сообщения имеют эпизодический и мимолетный характер. Основу их текстов составляют рассказы и очерки о политических событиях, взаимном противостоянии русских, англичан, афганцев, китайцев, бухарцев, взятии региона под русский контроль.

Несмотря на это, сравнение и обобщение таких кратких и мимолетных сообщений дает возможность получить более или менее цельное представление об одежде, положении женщин в обществе и других аспектах быта горцев в тот период. Не случайно, при разработке второй главы настоящего исследования имена этих авторов встречаются достаточно часто, а их работы активно привлекаются исследователями истории материальной культуры, в том числе специализирующихся костюме.

Весьма ценными являются материалы, собранные в конце XIX в. в Горном Бадахшане датским ученым Оле Олуфсеном (1865-1929). Он путешествовал на Памире в 1896 - 1897 и 1898 - 1899 гг. в составе двух экспедиций и посетил практически все районы этого высокогорного края. В его опубликованных трудах по результатам поездок наряду с другими вопросами встречаются сведения по местной одежде, а также приводятся фотографии, весьма содержательно дополняющие составленные им тексты. Путешественник собрал и привез с собой на родину более 700 единиц памирских предметов быта, в

---

[1] Снесарев, А. Е. Религия и обычаи горцев западного Памира // Туркестанские ведомости. - 1904. - № 90.
[2] Серебренников, А. Очерк Памира. - СПб., 1900.
[3] Грум-Гржимайло, Г. Е. Очерк Припамирских стран // ИРГО. - Т. 22. - 1886.
[4] Кирхгоф, М. А. Из поездки на Памиры // Известия Туркестанского отдела РГО. - 1900. - Т. 2, вып. 1. - С. 169-170.
[5] Иванов, Д. Л. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. - М., 1885. - Т. 3, кн. 6. - С. 612-658; Т. 4, кн. 7. - С. 48-97.
[6] Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. // Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М.: Наука, 1975. - С. 99-119.
[7] Коржинский, С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения // Сельское хозяйство и леса. - 1898. - Т. 189. - № 4. - С. 62-69.

числе которых достойно представлены и образцы одежды. Все эти предметы и фотоиллюстрации сегодня хранятся в фондах музеев Дании[1].

Еще в 1897 г. после своей первой поездки Оле Олуфсен организовал выставку своих экспонатов в Национальном музее Дании. В наши дни они, дополненные предметами, собранными во время его второй поездки в Ишкашим и Вахан, выставлены в отделении “Народов мира” этнографического отдела указанного музея. Ежегодно они демонстрируются тысячам жителей Дании и зарубежным туристам.

Особой ценностью является его книга, составленная по результатам второй поездки путешественника на Памир[2]. В ней есть как описания и иллюстрации предметов одежды, так и фотографии, на которых представлены местные типы, что важно при изучении исторического костюма.

Особенности традиционного костюма жителей Ишкашима и долины Вахана наиболее глубоко отражены в трудах А. А. Бобринского. Русский археолог и этнограф, граф Алексей Алексеевич Бобринской (1861 - 1938) в составе научных экспедиций трижды побывал в Средней Азии и на Памире. Во время первой экспедиции, организованной в 1895 г. на средства самого А. А. Бобринского, его сопровождал ученый-зоолог Н. В. Богоявленский (1870-1930).

Вторая экспедиция состоялась в 1898 г. под эгидой Московского Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В его состав помимо указанных ученых был включен и А. А. Семенов, впоследствии заслуживший славу известного востоковеда. В течение четырех месяцев участники экспедиции, начав движение из Самарканда, прошли через Зеравшанские горы, Рашт (Каратегин) и Дарваз, долины рек Пянджа и Яхсу и вернулись в Самарканд.

---

[1] Додхудоева, Л. Н. Экспедиции Оле Олуфсена на Памир: Ваханская долина // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. - М., 2020. – С. 365-364.

[2] Ole Olufsen. The second Danish Pamir-Expedition: old and new architecture in Khiva, Bokhara, and Turkestan / Ole Olufsen. - Copenhagen 1904.

За каждым участником было закреплено выполнение определенных задач. Так, А. А. Бобринской занимался изучением этнографии и орнамента коренных жителей посещаемых районов, а Н. В. Богоявленский готовил фотографии. В результате была собрана уникальная коллекция вышитой и вязаной одежды, которая ныне хранится в Санкт-Петербургском этнографическом музее. В 1900 г. А. А. Бобринской за свой счет издал эту коллекцию в виде альбома под названием «Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара)»[1]. Третья совместная поездка А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского в верховья Пянджа состоялась в 1901 г.

В 1908 г. А. А. Бобринской опять же на личные сбережения опубликовал свою новую книгу, которая получила название “Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам»[2]. В ней материал, имеющий отношение к традиционной одежде горцев, автором приводится в разделе «Современное население гор». На его взгляд, в такой одежде есть ряд аспектов, которые должны привлечь внимание читателя. В их числе надевание несостоятельными жителями халата непосредственно на голое тело, сведение его полубортов влево, отсутствие воротника в рубахах и платьях, заправка концов штанин внутрь голенищ вязаных чулок.

А. А. Бобринской пишет, что в горах женщины не закрывали лица. На головных платках вышивка располагалась в углах и состояла из простейших узоров. Иногда орнамент имел вид каких-то знаков. Девушки располагали косы на груди, женщины - на спине. Девочки заплетали множество мелких косичек. По его словам, волосы у женщин были грубыми, редкими и тонкими. Полученные подарки в виде колец, серег, подвесок и др. привязывали к концам кос.

А. А. Бобринской отмечал, что в Вахане и Ишкашиме мальчики до достижения ими совершенолетия ходили с длинными волосами. Их рубахи на

---

[1] Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900.

[2] Он же. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – М., 1908.

участках плеч и по краям разреза ворота были украшены вышивкой. Вышивка производилась красными нитками по ткани рубахи и содержала простые рисунки в виде звездочек, крестиков и т.п. Дети в теплую погоду играли совершенно голыми. Все жители носили много амулетов и искренне верили в их защитные качества. Их подвешивали к шее, привязывали к косам, пришивали к одежде.

Как было отмечено выше, для участия в экспедиции 1898 г. А. А. Бобринской вместе с Н. В. Богоявленским привлек и Александра Александровича Семенова (1873 - 1958). Молодой востоковед по результатам собранных материалов опубликовал в 1903 г. монографию «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза», за которую был награжден золотой медалью Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии[1]. В ней дореволюционный костюм жителей Дарваза получил достаточно подробное описание. Им последовательно дана характеристика всех предметов мужского и женского костюмного комплекса - одежды, головных уборов, обуви, причесок, украшений. Применительно к косметике он сообщает, что в то время горные таджики помимо хны другими такими средствами не пользовались. Что касается одежды, А. А. Семенов называет ее затейливой, причем она была одинаковой и в будни, и в праздники[2].

Начало целевого изучения традиционного костюма жителей долины Бартанга связано с именем И. И. Зарубина, которого А. З. Розенфельд (1910-1990) назвала “создателем советской школы таджиковедения”[3]. Иван Иванович Зарубин (1887-1957) в течение многих лет работал в качестве научного работника Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской Академии наук, а с 1918 по 1934 гг. выполнял в этом заведении обязанности руководителя отдела мусульманских народов Средней Азии. В научных кругах его вместе с В. В. Бартольдом и Н. А. Кисляковым справедливо признают

---

[1] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903.
[2] Там же. - С. 24-31.
[3] Розенфельд, А. З. Личный фонд проф. И. И. Зарубина // Страны и народы Востока. - Вып. 16. Памир. - М.: Наука, 1975. - С. 296.

основателем знаменитой российской школы среднеазиатских исследований. И. И. Зарубин еще в дореволюционное время близко ознакомился с жизнью и бытом таджиков высокогорий и как проницательный исследователь открыл для европейцев многие неизвестные стороны жизни горцев.

Летом 1914 г. И. И. Зарубин в составе научной экспедиции французского профессора Роберта Готьо (1876-1916) совершил поездку на Памир, где собрал сведения по быту и языку жителей данного региона, в особенности по бартангским и рушанским диалектам. Затем, в течение 1915 - 1916 гг. проводил исследования во всех ключевых районах проживания персоязычного населения региона. В это время он был в военной должности - административного секретаря Памирского пограничного отряда, в 1917-1918 гг. - комиссара Памирского района (начальником Памира)[1].

И. И. Зарубин в 1926 г. руководил Среднеазиатской этнографической экспедицией в составе 6 исследователей, которая в течение 1926 - 1927 гг. занималась изучением верховьев Зеравшана[2]. В этом же году он изучал различные диалекты таджикского языка в Самарканде, Пенджикенте, Истаравшане, Ташкенте, а в 1948 - 1949 гг. - в Кулябе. Среди ценного научного наследия этого исследователя есть две статьи 1916 и 1918 гг., посвященные образу жизни и материальной культуре жителей долины Бартанга. Как отметил сам И. И. Зарубин, до появления на свет его статей еще не было опубликовано ни одного труда, посвященного этнографии Бартанга[3].

В его обширной статье “Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга” (52 страницы в Сборника Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук) в числе других соответствующих материалов приведены ценные сведения по мужской и женской одежде жителей этой местности. Касаясь вопроса текстильного производства,

---

[1] Соболев, В. Г. Роль И. И. Зарубина в процессах национального размежевания в Средней Азии в 1920-е годы // Вестник СПбГУ. - Серия 6. - СПб., 2015. - Вып. 2. – С. 143.

[2] Зарубин, И. И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. // Известия АН СССР. - Серия 6-8. - 1927. - № 5-6. – С. 351-360.

[3] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник МАЭ. - Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. – С. 97-98.

исследователь отмечает, что в Бартанге того времени изготавливали исключительно шерстяные ткани. Хлопчатобумажные материи, доступные бартангцам, были привозными. Перерабатывалась в основном шерсть овец, домашних коз, яков и горных козлов. Стрижка шерсти, пошив одежды, вышивка, плетение тесемок и вязание чулок были женскими занятиями. Ткачеством занимались только мужчины. Вместе с тем, прядение нитей из шерсти было делом и мужчин, и женщин.

Мужские и женские рубахи имели один и тот же покрой. Для женщины рубаха (платье) являлась обязательным предметом одежды, для мужчины же ношение рубахи под халатом считалось признаком щегольства и напыщенности.

И. И. Зарубин пишет, что также не отличались по крою женские и мужские штаны. Разница заключалась только в их длине. Зимой мужчины пользовались очень широкими и толстыми штанами *шаволак*, ширина которых в поясе достигала 2 метров. Таких штанов женщины не носили. Да и вообще, никакой специальной зимней одежды у женщин не было. В холодную погоду они надевали две-три рубахи одна поверх другой и навертывали головной платок вокруг шеи как можно плотнее[1].

Мужчины брили голову начисто, хотя этим занимались с большими перерывами, более того, рост волос до заметного уровня их не очень заботил. После ухода из жизни отца или матери было принято опускать волосы до плеч, что являлось признаком траура. Согласно дореволюционной традиции горцев, мужчинам рекомендовалось ходить с подстриженными бородой и усами, однако отдельные мужчины выбривали подбородок начисто.

Весьма интересны, приведенные этим исследователем, сведения по украшениям и ароматическим материалам, используемым жителями долины Бартанга. И. И. Зарубин отмечает, что мужчины и дети подобно местным женщинам, носили серьги, но не в качестве украшения , а как амулет. Мужчины носили на ушах серебряное или медное кольцо в то время, как женские серьги

[1] Там же. – С. 136-137.

имели большое число деталей и подвесок, были длинными и массивными. Мальчики и мужчины получали кольца для ушей у ишанов. Считалось, что в таком случае эти предметы защитят человека от воздействия злых сил, приводящих к болезням и другим отрицательным последствиям.

Ожерелья собирали из ягод местных кустарников, нанизываемых на нитку. Грудь местных девушек украшали, как отметил И. И. Зарубин, красивые, утонченные и необычные украшения из бисера. Девушки также вешали на груди сушенные цветы ромашки, которые выполняли как роль украшения, так и благовония.

Помимо бисерных подвесок И. И. Зарубин был очарован вязаными носками - *джурабами* и некоторыми образцами разноцветных завязок на обувь - *пехбанд*. Его удивлял тот факт, что местные женщины вывязывали орнамент *джурабов* на память, без использования каких-либо копий и трафаретов[1].

В другой статье - “Обувь горных таджиков долины Бартанга” - И. И. Зарубин отмечает, что в Бартанге мужчины и женщины пользовались одним и тем же видом обуви. Обыкновенно они носили сапоги *пех* с высокими голенищами, изготовленными из мягкой кожи, которые внешне напоминали кожаные чулки. *Пехи* шили преимущественно из шкуры диких животных - горных козлов и архаров. Наличие отверстия почти на каждом образце таких сапог являлось следом от охоты на животного[2].

В целом, материал, собранный этим исследователем по костюму жителей Бартанга, ценен и, в то же время, весьма интересен. Такую же оценку заслуживают результаты его исследований, имеющие отношение к диалектологии и другим областям материальной культуры горных таджиков. Не случайно, Н. А. Кисляков (1901-1973)[3], В. Г. Соболев[1], И. М. Стеблин-

---

[1] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 90-91, 138.

[2] Зарубин, И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник МАЭ. - Т. 3. Петроград, 1916. – С. 68-91.

[3] Гафферберг, Э. Г. И. И. Зарубин – этнограф и музейный работник / Э. Г. Гафферберг, Н. А. Кисляков // Иранский сборник: К 75-летию профессора И. И. Зарубина. - М.: Изд-во восточной литературы, 1963. - С. 17-21

Каменский (1945-2018)[2], Н. С. Терлецкий (род. - 1978)[3], Р. Р. Рахимов (1938-2013) и другие известные ученые считали И. И. Зарубина выдающимся исследователем. Так, известный таджикский этнограф Рахмат Рахимов пишет, что И. И. Зарубин заслужил право именоваться основателем науки таджиковедения и памироведения[4].

В данном аспекте можно отметить диссертационное исследование С. А. Саркорова “Этнолингвистическая характеристика рушанцев: по материалам архива И. И. Зарубина”, в которой анализируются сведения по традиционной одежде жителей Рушана[5].

Через шесть лет после смерти И. И. Зарубина (в 1963 г.) в Москве Институтом языкознания и Институтом народов Азии Академии наук СССР в Издательстве восточной литературы была издана коллективная монография под названием “Иранский сборник”, посвященная 75-летию этого выдающегося ученого[6].

Упомянем также краткую заметку об одежде горцев, сообщенных еще в первой половине XIX в. английским лейтенантом Дж. Вудом, по словам которого, одежда рушанцев и шугнанцев похожа на ваханскую. В 1838 г. он побывал в Ишкашиме и Вахане, где собрал определенный этнографический материал. Однако его сведения о жителях Шугнана, Рушана, Ванджа и Дарваза, которые он лично не посещал, имеют распросный характер[7]. Также

---

[1] Соболев, В. Г. Роль И. И. Зарубина в процессах национального размежевания в Средней Азии в 1920-е годы. – С. 141-151.

[2] Стеблин-Каменский, И. М. Первое путешествие И. И. Зарубина на Памир летом 1914 г. // Кунсткамера. Этнографические тетради. - СПб., 1993. - Вып. 1. - С. 139-150.

[3] Терлецкий, Н. С. Вклад Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в этнографическое исследование Памира // Лавровский сборник: Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ, 2017. – С. 67-77.

[4] Рахимов, Р. Р. Иван Иванович Зарубин (1887-1964) // СЭ. 1989. № 1. – С. 111.

[5] Саркоров, С. А. Этнолингвистическая характеристика рушанцев: по материалам архива И. И. Зарубина: Дис. ... канд. фил. наук. - СПб.: СПбГУ, 2006.

[6] Иранский сборник: К 75-летию профессора И. И. Зарубина. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

[7] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). - СПб.: Тип-я В. С. Балашева, 1879. – С. 121.

заслуживает внимания его сообщение о широком распространении в Бадахшане мужского промысла по изготовлению шерстяной домотканины *барак*. Большое количество такой материи производилось почти повсеместно по двум сторонам от Пянджа в ее верховьях и в дальнейшем, о чем писал в 1920-х годах Бурханиддин Кушкеки[1].

Таким образом, полезные сведения, имеющие отношение к отдельным аспектам костюмного комплекса горцев Памира конца XIX - начала XX вв., зафиксированы в дневниках и путевых заметках путешественников, докладах и донесениях российских и европейских офицеров и чиновников Дж. Вуда, Мирзы, Т. Э. Гордона, И. П. Минаева, С. Д. Масловского, В. А. Баньковского, Н. Л. Корженевского, В. В. Эггерта, Б. В. Станкевича, Д. В. Путяты, А. Е. Снесарева, А. Серебренникова, Г. Е. Грум-Гржимайло, М. А. Кирхгофа, Д. Иванова, А. А. Черкасова, С. И. Коржинского и др. Сообщения и даже мимолетные заметки этих авторов, являющиеся результатом их личных наблюдений, представляют научную ценность, так как способствуют расширению знаний по дореволюционному костюму таджиков ГБАО.

Вместе с тем, вопросы, связанные с дореволюционным традиционным костюмом таджиков ГБАО, наиболее глубоко освещены в трудах Оле Олуфсена, А. А. Бобринского, И. И. Зарубина, А. А. Семенова. Именно их произведения лежат в основе историографии данной проблемы применительно к периоду конца XIX - начала XX вв.

1.2. Историческая периодизация изучения костюма таджиков ГБАО в советское и постсоветское время

В советский период в Таджикистане активно развивалась этнографическая наука и эта тенденция продолжается в постсоветское время. Данное явление нашло отражение и в материалах, посвященных культуре горных таджиков.

[1] Кушкеки, Б. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения / Пер. с перс. Под ред. А. А. Семенова. - Ташкент, 1926. - С. 171.

Применительно к формированию и развитию научной школы изучения традиционного костюма таджиков ГБАО можно использовать следующую историческую периодизацию: 1920 – 1950-е годы (этап становления соответствующей советской научной школы); 1960 – 1980-е годы (этап развития этой школы); 1990-е годы – наши дни (этап формирования национальной школы).

Среди исследований 1920 – 1950-х годов заслуживают внимания, прежде всего, работы известного ученого-археолога, этнографа и лингвиста Михаила Степановича Андреева. Его фундаментальная монография “Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи)» увидела свет в 1953 г. (выпуск 1). Сам материал был собран ученым в течение четырех десятилетий. Выпускник Ташкентской педагогической семинарии М. С. Андреев (24.09.1873, Ташкент – 10.11.1948, Душанбе) приступил к изучению этнографии жителей долины Хуф еще в 1901 г. Во время обучения в Ташкенте он проводил много времени за беседой с жителями Дарваза, Каратегина, Ишкашима, приехавшими на заработки. Среди его собеседников был и выходец из Хуфа по имени Гуломшо, который рассказывал М. С. Андрееву интересные сведения об этой изолированной долине.

В 1902 г. М. С. Андреев вместе с русским чиновником А. А. Половцевым отправился через Ош в Вахан и Ишкашим. В ходе этой поездки он собрал некоторые сведения по культуре общения и хозяйственной деятельности жителей этого региона[1].

Еще через пять лет во время возвращения из Индии в Туркестан через горы Западного Тибета М. С. Андреев решил воспользоваться предоставившейся возможностью и посетить долину Хуфа. Вспоминая те дни, автор пишет, что до него никто из чужеземцев не бывал в тех местах. Когда он вместе с гидом пройдя через Пастхуф (“Нижний Хуф”) стал подниматься по узкой тропинке к высокогорьям, они столкнулись с группой женщин,

[1] Джаббаров, А. Улица Шелковичная и почему базар в Ташкенте называется Алайским. – Ташкент, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mytashkent.uz/2010/03/30. Дата обращения 21.10.2020.

спустившихся с долины Хуф для сбора орехов. Эти женщины посоветовали путешественникам не двигаться дальше по направлению “святых мест, куда еще не ступала нога чужеземца”. В этот раз М. С. Андреев провел в долине, о которой так много слышал, всего одну ночь.

С чисто исследовательскими целями М. С. Андреев посетил долину Хуф уже в советское время, причем два раза - в 1929 и 1943 годах. В конце 1920-х годов его сопровождал в поездке студент Среднеазиатского государственного университета О. Л. Орестов. В 1943 г. на него были возложенности обязанности руководителя научной экспедиции по изучению языков и этнографии верховьев Пянджа. Работа этой экспедиции на Памире длилась четыре месяца[1]. В ее состав также входила супруга М. С. Андреева этнограф и востоковед А. К. Писарчик, которой довелось написать важные и содержательные дополнения и примечания ко второму выпуску его монографии “Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи)», изданному в 1958 г.[2]

Собранные и проанализированные сведения по одежде жителей долины Хуф приведены в 10-й главе второго выпуска этой монографии, где в рамках двух параграфов дано раздельное описание мужской и женской одежды[3]. Текст книги дополнен многочисленными графическими иллюстрациями, которые наглядно представляют особенности приведенных автором материалов.

М. С. Андреев подчеркивает, что зафиксированный в монографии материал был им собран преимущественно четверть века назад в 1929 г. Более того, отдельные сведения были получены им еще раньше, когда в 1901 г. он проводил в Ташкенте свои первые беседы с выходцами из Хуфа.

Как указывает М. С. Андреев, до революции хуфцы, и мужчины, и женщины, зимой и летом носили шерстяную одежду. Даже в первые годы

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Сталинабад: Ин-тут истории, археологии и этнографии, АН Тадж. ССР, 1953. - Вып. 1. - С. 8 - 10.

[2] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф” // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. Сталинабад, 1958. - С. 277-486.

[3] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Сталинабад: Ин-тут истории, археологии и этнографии, АН Тадж. ССР, 1958. - Вып. 2. - С. 243 - 254.

Советской власти, в частности в 1929 г. увидеть в этой долине людей в хлопчатобумажной рубахе было редкостью.

Исследователь не только занимался описанием отдельных предметов одежды и выполнением их рисунков. Распросным способом он интересовался историей появления конкретных видов одежды, промыслов, способами изготовления изделий, традициями и ритуалами. Так, он пишет, что в Хуфе деревянные туфли распространились лишь в 1870-х годах. Первый образец такой обуви привез из Дарваза житель села Касорак, имя которого Хасан. Затем его племяник Нодалёб, работавший плотником, стал сам вырезать обувь из дерева. В эти годы производством деревянной обуви начали заниматься и в Рушане. Там этот промысел запустил житель села Худжанд по имени Фатал[1].

Следует отметить, что проницательный исследователь проявил высокую степень наблюдательности, выяснив тончайшие особенности традиционной одежды населения этой долины. В частности, М. С. Андреев выяснил, что у местных мужчин был интересный обычай не надевать шаровары во время занятия сенокосом и переносом снопов из высокогорий вниз. Собираясь выполнять такие работы, они надевали на голое тело только халат, который опоясывали. Поинтересовавшись причиной такого необычного поведения сенокосов, он узнал, что дехкане желали сберечь штаны от истирания и рвани, а также пытались избегать излишнего давления на тело, оказываемого их поясным шнуром[2].

Что касается вязки носков - *джурабов*, то М. С. Андреев узнал, что из-за недостатка в шерсти хуфские женщины весной с целью получения нитей стригли даже собак, а также использовали линялые волосы лошадей и ослов[3].

М. С. Андреев является основателем Кабинета этнографии и Музея этнографии и археологии при Таджикистанском филиале Академии наук СССР, которые были образованы в 1947 г. С 1949 г. данному заведению (ныне

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Сталинабад: Ин-тут истории, археологии и этнографии, АН Тадж. ССР, 1958. - Вып. 2. - С. 248.
[2] Там же. - С. 244.
[3] Там же. - С. 248.

Этнографический музей Таджикистана), который функционирует при Институте истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной Академии наук Таджикистана, присвоено имя этого выдающегося ученого.

Как уже упоминалось, второй выпуск монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”, увидевшего свет в 1958 г., была подготовлена к печати А. К. Писарчик, которая дополнила эту книгу подробными комментариями. Антонина Константиновна Писарчик (23.03.1907, Коканд – 06.01.1995, Москва) является выпускницей отделения этнографии и языкознания (иранские языки) восточного факультета Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Навыки научного исследования она приобрела под руководством ученого-этнографа (будущего супруга) М. С. Андреева, специалиста-ирановеда А. А. Семенова, антрополога Л. В. Ошанина. Именно М. С. Андрееву удалось привлечь ее внимание к науке памироведение.

Она также является автором дополнений и примечаний ко второму выпуску этой монографии. В своих дополнениях А. К. Писарчик приводит ценные сведения, в том числе по одежде, оказавшиеся вне сферы внимания М. С. Андреева и значительно обогатившее его монографию. Эти сведения она собирала в 1943 г. в течение двух месяцев непосредственно в долине Хуф. Нужно заметить, что А. К. Писарчик лично изучала и снимала размеры традиционной одежды, в результате чего она зафиксировала точные данные об их форме, размерах и декоре. После изучения жизни и быта хуфцев она определенное время вела исследования в селении Барушан и г. Хорог. Ей удалось собрать ценные материалы по этнографии жителей Язгулема, Бартанга, Вахана и Горона.

После окончания работы указанной экспедиции супруги привезли с собой в г. Душанбе более 350 предметов (орудия труда, изделия народных промыслов и пр.), большая часть которых имеет отношение к одежде и украшениям. Эти предметы были сданы в Республиканский историко-краеведческой музей, а

затем часть из них была передана в фонды вновь образованного Этнографического музея при Академии наук Таджикской ССР[1].

Безусловно, отдельные сведения, собранные А. К. Писарчик, уникальны в своем роде и, в то же время, они имеют очень большое научное значение, так как сфера их распространения выходит далеко за пределы рассматриваемой территории. Так, она отмечает, что в течение 1929 - 1953 гг. не только в долине Хуф, но и по всей территории верховьев Пянджа, распространился обычай ношения мужской верхней одежды в виде накидки, т.е. без заправки рук в рукава. В Хуфе и Шугнане такую манеру надевания халата называли “фараджи”. На основе этой информации она приходит к выводу, что термин “фараджи” как и “фаранджи” по сути не является названием известной женской верхней одежды, служившей на Востоке символом ее порабощения, а обозначало способ использования такой одежды - в виде накидки[2].

Вместе с тем, данное ее заключение справедливо лишь отчасти, так как существует и другая версия происхождения накидки. В средневековье, начиная еще с эпохи правления династии Саманидов (819-999), под таким названием была известна модная и нарядная мужская и женская верхняя одежда, которую в отличие от халата кабо не опоясывали. Фараджи шили из самых дорогих и красивых тканей и надевали с открытыми бортами поверх кабо. Кроме того, известно, что фараджи носили как халат (с использованием рукавов), так и в качестве накидки. Начиная с XVIII в. это название с добавлением буквы «н» в конце второго слога было присвоено упомянутому выше предмету женской одежды[3]. Сказанное означает, что информация, приведенная А. К. Писарчик, в какой-то степени проливает свет на содержание термина, но вместе с тем, остаются невыясненные моменты эволюции данного предмета одежды.

---

[1] Терехов, В. П. Народы Западного Памира в научном творчестве А. К. Писарчик (к 100-летию со дня рождения) // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006 - 2007. - СПб.: МАЭ РАН, 2007. - С. 13-17.

[2] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. – С. 402.

[3] Подробнее по халатам *фараджи* см.: Раджабова Д. К. Историческая эволюция верхней одежды таджиков и ее трансформация в народном костюме: Дисс. ... канд. ист. наук/ Д. К. Раджабова. - Душанбе, 2016. - С. 82-100.

В 1954 - 1957 гг. А. К. Писарчик собирала материалы по традиционной одежде жителей Дарвазского района. Накопленные ею сведения были затем использованы З. А. Широковой при написании раздела «Одежда» для второго выпуска коллективной монографии “Таджики Каратегина и Дарваза», изданной в 1970 г.[1]

Как отметил В. П. Терехов, А. К. Писарчик внесла огромный личный вклад в науку памироведения. Собранный и проанализированный ею материал имеет особенное значение, так как является неповторимым памятником истории еще недостаточно изученной культуры данного региона[2]. Эта оценка, естественно, относится и к ее вкладу в изучение традиционной одежды горных таджиков.

Этап развития советской научной школы изучения костюма таджиков ГБАО (1960 – 1980-е годы) связан, в основном, с именами З. А. Широковой, Л. Бахтоваршоевой, Л. Ф. Моногаровой, Н. Н. Ершова, Г. Майтдиновой.

В этот период наибольший вклад в изучение таджикского народного костюма внесла известный этнограф З. А. Широкова. В своих публикациях она рассматривает региональные особенности традиционного костюма жителей ГБАО, которые касаются в основном Дарваза.

Зинаида Александровна Широкова (1925 - 2006) является выпускницей факультета востоковедения Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета имени А. А. Жданова (1949 г.). Ее научным руководителем при написании дипломной работы был знаменитый ученый-ирановед И. И. Зарубин.

С 1950 г. она начала работать в Институте истории, языков и литературы Таджикистанского филиала Академии наук СССР, а через год была назначена на должность младшего научного сотрудника сектора этнографии Института истории при Академии наук Таджикской ССР. В декабре 1971 г. З. А. Широкова защитила кандидатскую диссертацию на тему “Одежда таджичек

[1] Таджики Каратегина и Дарваза. - Вып. 2 . – Душанбе: Дониш, 1970. - С. 3.

[2] Терехов, В. П. Народы Западного Памира в научном творчестве А. К. Писарчик (к 100-летию со дня рождения) // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006 - 2007. - СПб.: МАЭ РАН, 2007. - С. 17.

горного Таджикистана” под руководством заведующей отделом этнографии А. К. Писарчик. Диссертационная работа состояла из 244 страниц и была дополнена 30 листами иллюстраций. В 1973 г. З. А. Широкова была переведена на должность старшего научного сотрудника.

З. А. Широкова проводила полевые исследования в составе этнографических экспедиций Института истории Академии наук Таджикской ССР в Дарвазе (1954 г.), Раште (1955 и 1957), верховьях Зеравшана (1958 - 1961 ва 1964), на Памире (1960), в Нуреке (1963), Кулябской области (1948, 1968, 1969, 1973), Шахритусе (1973 - 1974), Гиссарской долине (1963, 1968, 1972, 1974-1975), районах Северного Таджикистана (1960, 1974, 1976, 1978-1985). В ее обязанности входили сбор и анализ материалов по народной одежде.

Хотя З. А. Широкова в 1960 г. совершила служебную поездку на Памир, традиционной одежде этого региона она не посвятила специальной публикации (за исключением Дарваза). В 1956 г. она опубликовала две работы, посвященные традиционной одежде жителей Дарваза[1]. Широкую известность получил “Альбом одежды таджиков”, который составлен З. А. Широковой совместно с Н. Н. Ершовым (авторы текста), а цветные рисунки костюмов выполнены профессиональными художниками Ю. П. Гремячинской и Х. А. Жаба. Иллюстрации этого альбома наглядно демонстрируют основные отличительные черты и характерные особенности одежды как равнинных, так и горных таджиков. Пожалуй, данный альбом можно считать единственной публикацией З. А. Широковой, в которой нашли отражение особенности мужской и женской одежды жителей высокогорных районов ГБАО - Рушана, Шугнана, Ишкашима, Вахана. Подписи к иллюстрациям являются прекрасными описаниями деталей одежды и обуви с указанием их местных названий[2].

---

[1] Широкова, З. А. Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. - Вып. 1. Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г. - Душанбе, 1956; Она же. Одежда таджиков Дарваза // Известия АН Тадж. ССР. - Сталинабад, 1956. - № 10-11. - С. 111-124.

[2] Она же. Альбом одежды таджиков / З. А. Широкова, Н. Н. Ершов. - Душанбе: Дониш, 1969.

В 1970 г. вышел в свет второй выпуск коллективной монографии “Таджики Каратегина и Дарваза», в которой раздел «Одежда» был написан З. А. Широковой. Ею были использованы материалы, собранные в период с 1952 по 1957 г. участниками Гармской этнографической экспедиции - ею самой, а также А. К. Писарчик, М. А. Хамиджановой и Ю. И. Богорад. Данный раздел разработан весьма основательно, с соблюдением народной терминологии. Текст дополнен большим числом черно-белых фотографий[1].

В 1976 г. З. А. Широкова опубликовала монографию «Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана». В ней нашли отражение общие черты и особенности, присущие одежде горцев Гиссарской долины, Кулябского оазиса, верховьев Зеравшана, долины Рашта и Дарваза, а также послевоенные изменения в одежде. Как видим, кроме Дарвазского, другие районы Горного Бадахшана не вошли в географические рамки этого исследования[2].

Этнографические исследования советского периода, проведенные в Таджикистане, позволили в той или иной мере научно зафиксировать общие и отличительные черты традиционной одежды коренных жителей разных районов республики. Во второй половине XX в. специальным изучением народной одежды таджиков ГБАО занималась этнограф Л. Б. Бахтоваршоева, которая в составе экспедиции Института истории имени А. Дониша Таджикской ССР собирала материалы в 1963, 1964 и 1965 гг.[3]

Первая ее статья «Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана»)» была издана в журнале «Советская этнография»

---

[1] Она же. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970. – Вып. 2. - С. 116-202.

[2] Она же. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976.

[3] Бахтоваршоева, Л. Б. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») // СЭ. - М., 1973. – № 3. - С. 110.

в 1973 г.[1] Во вводной части к этой работе она отмечает, что по разрабатываемой теме специальным образом еще не выполнено ни одно исследование. По ее словам, таджики Памира шьют свою одежду лишь из разных сортов шерстяной домотканиной материи, некоторые сведения о которых опубликованы только М. С. Андреевым[2].

Л. Б. Бахтоваршоева стремилась посвятить каждой составляющей народной одежды отдельную статью. В 1984 г. в журнале “Памироведение” была опубликована ее работа “Платья традиционного покроя таджичек Памира». Ценными являются выявленные ею отдельные уникальные особенности женской одежды. Так, по ее словам, в границах Средней Азии Памир является единственным регионом, где существовала практика изготовления нательной одежды из шерстяной ткани[3]. Только здесь мастерицы шили платья *миёнчин* с вертикальными складками на талии[4].

В 1989 г. редакцией сборника научных трудов “Этнография в Таджикистане” была опубликована статья Л. Б. Бахтоваршоевой “Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана”. Работа достаточно подробная и занимает 20 страниц сборника[5].

Помимо этих работ, Л. Б. Бахтоваршоева является автором двух статей, посвященных похоронной одежде. Первая из них освещает вопрос о саванах, используемых в Шугнане и долине Хуф[6]. Вторую такую статью она составила с этнографом Н. Бабаевой. В ней география исследования является более широкой. Помимо Шугнана и Хуфа она охватывает пределы Нурека, Файзабада

---

[1] Бахтоваршоева, Л. Б. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») // СЭ. - М., 1973. – № 3. - С. 110-118.

[2] Там же. - С. 110.

[3] Она же. Платья традиционного покроя таджичек Памира // Памироведение: Сб. статей. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 1. – С. 145.

[4] Там же. – С. 150.

[5] Она же. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана // Этнография в Таджикистане: Сб. статей. – Душанбе, 1989. – С. 165-185.

[6] Она же. Саван таджиков Шугнан и Хуфа // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974 - 1975 гг. (май 1976 г.). - Душанбе, 1976. - С. 191-193.

и Кулябскую зону[1]. Как отмечают авторы, изучение состава саванов важно не только в культурологическом аспекте (получить знания о погребальных традициях и ритуалах). В них встречаются предметы одежды, уже вышедшие из массового употребления. Другими словами, саван может служить источником для изучения истории костюма[2].

Ученый-памировед Л. Ф. Моногарова системно изучала этнографию Язгулема, - долины, расположенной в Ванджском районе ГБАО. Она собирала материалы и по костюмному комплексу жителей этой долины. Лидия Федоровна Моногарова (1921 - 2011) была выпускницей 1946 г. кафедры этнографии Московского государственного университета имени М. Ломоносова (МГУ). В следующем году она под руководством Николая Андреевича Кислякова в составе Таджикистанской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР впервые побывала в долине Язгулема. Через год она вновь побывала здесь. Собранные в ходе этих поездок материалы позволили ей опубликовать в 1949 г. в журнале “Советская этнография” подробную статью под названием “Язгулемцы Западного Памира (по материалам 1947 - 1948 гг.)»[3].

В 1951 г. она защитила под руководством известного ученого-археолога и этнографа Сергея Павловича Толстова кандидатскую диссертацию по теме “Язгулемцы (опыт монографического исследования)”. В течение 1951 - 1952 гг. Л. Ф. Моногарова работала заведующей кафедрой населения и хозяйствования при Музее землеведения МГУ. Затем она перешла на работу в редакцию Большой советской энциклопедии, где выполняла обязанности главного научного редактора (1952 - 1953), заведующей редакционного состава по археологии, этнографии и антропологии (1954 - 1959). За это время она еще

[1] Бабаева, Н. Саван / Н. Бабаева, Л. Б. Бахтоваршоева // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. – С. 127-133.
[2] Там же. – С. 132.
[3] Моногарова, Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.) // СЭ. – М., 1949. - № 3. - С. 89-108.

дважды посетила Западный Памир, где на месте изучала образ жизни таджикского населения высокогорий.

В 1959 г. на основе материалов своей кандидатской диссертации Л. Ф. Моногарова опубликовала во втором томе “Среднеазиатского этнографического сборника” весьма подробную статью “Материалы по этнографии язгулемцев” на 90 страницах[1].

В 1959 - 1966 гг. Л. Ф. Моногарова работала младшим научным сотрудником сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии Академии наук СССР. С 1966 по 1994 она выполняла здесь обязанности старшего научного сотрудника. Одновременно она была заместителем главного редактора журнала “Советская этнография”.

В 1961 - 1962 гг. она посетила ряд селений в Узбекистане, где изучала разные стороны жизни местных таджиков, узбеков и арабов. С 1964 г. в своих исследованиях Л. Ф. Моногарова выбрала сосредоточила внимание на этнографии таджикского народа. Во время полевых исследований она изучала жизнь и хозяйственную деятельность равнинных и горных таджиков и таджикского населения Узбекистана (Бухары, Самарканда, Ташкента).

Много времени Л. Ф. Моногарова проводила в архивах отделов записи актов гражданского состояния (ЗАГС) и колхозных советов. Помимо этого она собирала материалы о памирских народностях для “Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана”, издание которого находилось в планах Института этнографии Академии наук СССР.

С этой целью ученая в 1964 - 1967 гг. вела исследование почти во всех долинах Западного Памира, где на месте изучала материальную и духовную культуру язгулемцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев и ваханцев. Особый интерес у нее вызывали вопросы, связанные с семейными отношениями, ритуалами, а также наставничеством.

---

[1] Она же. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. - Т. 2. - М., 1959. - С. 3-94.

Большое внимание Л. Ф. Моногарова уделяла теме этнических процессов и преобразований, протекавших в Горном Таджикистане. В 1965 г. в журнале “Советская этнография” появилась ее статья “Современные этнические процессы на Западном Памире».

На основе полевых и архивных материалов в 1972 г. была издана очередная монография ученой «Преобразования в быту и культуре припамирских народностей»[1]. Через три года в дополнение к данной теме в журнале “Страны и народы Востока», целиком посвященном Памиру, была опубликована очередная ее статья «Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР»[2]. В 1993 г. она защитила докторскую диссертацию по теме “Современная семья у таджиков и памирских народов”.

Необходимо отметить, что она как опытный ученый весьма плодотворно использовала возможности полевого этнографического и социологического материалов. Сферу ее научных интересов составляли: история и этнография народов Центральной Азии; семья и брак; этнические процессы в Таджикистане[3]; семейные законы и правила; общественные отношения; ритуалы и обычаи; религиозные культы.

Л. Ф. Моногарова считала костюм одним из важнейших показателей национальной идентичности, поэтому в ее работах уделено большое внимание одежде жителей Памира, особенно язгулемцев. Она приводит описание традиционной одежды, а затем на конкретных примерах указывает на послевоенные преобразования в этой области. Приведенные ею сведения находятся в полном соответствии с материалами, собранными Оле Олуфсеном, А. А. Бобринским, М. С. Андреевым. Особого внимания заслуживают

---

[1] Она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. - М.: Наука, 1972.

[2] Она же. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. – Вып. 16. Памир. - М.: Наука, 1975. - С. 174-191.

[3] Она же. Об этнической принадлежности населения Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР / Л. Ф. Моногарова // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. - Нукус: Каракалпакстан, 1989. - С. 201-210.

собранные ею материалы, имеющие отношение к появлению нового кроя, форм и видов одежды.

Применительно к мужской одежде она пишет, что в 1947 - 1948 гг. в Язгулеме как и в других районах Средей Азии, молодежь и мужчины среднего возраста предпочитали одежду военного образца, состоящей из гимнастерки или кителя, брюк галифе. Появлялись новшества и в традиционной одежде. Так, рубахи традиционного кроя оснащались закладными воротниками или в горизонтальной горловине вертикальный разрез теперь делали не на левом или правом краю, а посередине. Воротники городского образца появились и на детских шубах. Если в прежние времена мужская рубаха не имела карманов (эту функцию выполнял пояс- *ланги*), теперь она содержала нашивной карман слева на груди, выполненного из куска ткани другого цвета. В состав выходной одежды мужчин стали входить пиджаки и брюки городского образца.

В целом, городские формы распространились в мужской одежде с 1940-х годов. У молодых появилась возможность наряжаться в модные образцы одежды. В дополнение к такому наряду они покрывали голову тюбетейкой памирского типа. В 1950-х годах в Горном Бадахшане получил широкое распространение обычай ходить в чусткой тюбетейке. Постепено выходил из употребления шерстяной халат, теперь его надевали в основном в дни траура. В эти же годы прекратилось изготовление и ношение деревянной обуви[1].

Применительно к женской одежде Л. Ф. Моногарова отметила, что в конце 1940-х годов в Язгулеме стали переходить к использованию фабричных тканей, а середине следующего десятилетия местные магазины уже полностью обеспечивали потребности населения в таких материях. Однако изменение ассортимента одежных тканей не привело к измению покроя женской одежды. Платья для девочек, девушек, женщин среднего возраста и пожилых все еще шили туникообразными. Наряду с этим, начиная с 1949 г., в магазинах Язгулема стали продавать готовые платья городского типа фабричного (артельного) пошива. Это были широкие платья преимущественно из шелковых

[1] Она же. Современные этнические процессы на Западном Памире. - С. 30.

тканей среднеазиатского типа (атлас, адрас). Они имели кокетку и отложной воротник. Такие платья стали постепенно носиь девушки и молодые женщины[1].

В середине 1960-х годов в Язгулеме можно было наблюдать появление платья со стоячим воротником. Его отдельные виды соответствовали модным тенденциям городских образцов. В поясной одежде девушек и молодых женщин, а также учениц старших классов штанины стали делать очень узкими и короткими, их нижний край располагался выше щиколотки на 10 см. Как и в равнинных районах, концы штанин украшали вышитые тесемки *шероз*. Одевали яркие *джурабы* и фабричную обувь, зимой - сапоги. Молодежь покрывала голову легкими платками или памирскими тюбетейками нового вида, которая стала не столь высокой, как прежде, имела вертикальный околыш и плоскую тулью, и была красного, синего, зеленого цвета. Тюбетейку можно было видеть и на голове некоторых пожилых женщин. Вообще, обычай покрывать голову тюбетейкой на Памире стал распространяться с 1940-х годов. Вышитые национальные тюбетейки здесь появились в 1950-х годах[2].

В Язгулеме, как и в других горных районах, женской зимней одежды не существовало. Во второй половине 1950-х годов девочки-ученицы и женщины-работницы стали носить мужские хлопчатобумажные и шерстяные халаты[3].

В течение этого десятилетия появились жилетки, шерстяные блузки, фабричные чулки и пальто. В следующем десятилетии из числа предметов традиционной одежды сохранились только вязаные носки - *джурабы*, которые носили под сапогами[4].

Ценность этих сведений Л. Ф. Моногаровой заключается в том, что они показывают эволюцию костюма горных таджиков в советский период.

В целом, Л. Ф. Моногарова написала более 100 научных трудов, большая часть которых посвящена таджикам. Благодаря ее публикациям, по всему

---

[1] Она же. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.). - С. 100.
[2] Она же. Современные этнические процессы на Западном Памире. - С. 29-30.
[3] Она же. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30.
[4] Там же. - С. 30.

Советскому Союзу и за его пределами стали известны особенности уникальной культуры таджикского народа.

Известным этнографом Н. Н. Ершовым глубоко изучены текстильные промыслы жителей Дарваза - в прошлом крупного ремесленного центра, а ныне в качестве административного района входящего в состав ГБАО. К моменту его исследования здесь лишь кое-где еще производили ткани из хлопка и шили из них одежду, однако кустарное шелкоткачество и выработка шерстяных материй уже прекратили свое существование[1].

Г. Майтдиновой путем археологической реконструкции изучен раннесредневековый костюм Кумеда - исторического государства на месте современных Дарваза и Ванча. Материалы по тканям и костюму жителей Памира эпохи раннего средневековья представлены и в других работах указанного таджикского исследователя[2].

Новая веха в изучении народного костюма таджиков ГБАО наступила с обретением Таджикистаном государственного суверенитета.

В 1993 г. была издана монография З. А. Широковой “Таджикский костюм конца XIX – XX вв.». В ней, помимо одежды, автор приводит подробные сведения о традиционной одежде таджиков, как горцев, так и жителей равнинных районов, причем не только Таджикистана. Однако автор этой фундаментальной работы практически не затрагивает вопрос о костюме памирских таджиков (кроме Дарваза) и отсылает интересующихся данной темой к публикациям Л. Бахтоваршоевой[3]. В 2010 - 2011 гг. З. А. Широкова в соавторстве с М. М. Шовалиевой опубликовала две статьи, посвященные

---

[1] Ершов, Н.Н. Ткачество // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе: Дониш, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230.

[2] Майтдинова, Г. М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53; Она же. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132; Она же. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. – Душанбе: Дониш, 1992; Она же. Раннесредневековые ткани Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1996 с. и др.

[3] Широкова З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. / З. А. Широкова. - Душанбе: Дониш, 1993. - С. 7.

трансформации костюмного комплекса таджиков Дарваза, переселенных в долину Вахша[1].

Таким образом, можно констатировать, что в контексте разрабатываемой темы труды З. А. Широковой имеют большую ценность, в основном, применительно к одежде населения Дарваза.

Нужно отметить, что в научном сообществе суверенного Таджикистана высоко ценят заслуги этого выдающегося исследователя материальной культуры таджиков. 27 ноября 2020 г. в Институте истории, археологии и этнографии НАНТ была проведена международная научная конференция “Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества”, по итогам которой был издан сборник статей[2].

В 1990-х годах из-за распада СССР и военного конфликта в Таджикистане полностью прекратились прямые научные связи Л. Ф. Моногаровой с республикой, в том числе Памиром. Однако она не смогла забыть любовь к таджикам и всегда помнила о днях, которые она провела в окружении жителей гор. В 2003 г. Л. Ф. Моногарова заявила, что хотя находится в Москве, ее сердце осталось в горах. Прав таджикский этнограф Тахир Сафарович Каландаров, по словам которого из числа советско-российских этнографов последних поколений в вопросе их вклада в науку памироведения с Лидией Фёдоровной Моногаровой не может сравниться никто[3].

В 2004 г. была издана двухтомная монография Г. Майтдиновой, в которой второй том посвящен традиционному костюму таджиков и его региональным особенностям. Ею подробно проанализированы такие вопросы, как форма,

---

[1] Широкова З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину / З. А. Широкова, М. М. Шовалиева // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Т. 4. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 144-163; Она же. Эволюция одежды таджиков, переселившихся в Вахшскую долину (Трансформация костюмного комплекса таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину) / З. А. Широкова, М. М. Шовалиева // Труды Маргианской археологической экспедиции – М.: Старый сад, 2011. – С. 246-248.

[2] Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 27 ноября 2020 г.) Сост. Л. Додхудоева, гл. ред. Н. К. Убайдуллоев. - Душанбе, 2021. - 271 с.

[3] Каландаров, Т. С. Лидия Федоровна Моногарова (09.10.1921 - 16.10.2011) // ЭО. – М., 2012. – № 4. - С. 188-190.

крой, материалы и отделка национальной одежды. В целом, данная монография сегодня является фундаментальной работой по таджикскому костюму и раскрывает картину его развития с древнейших времен до середины XX в. Она составлена на основе обобщения археологических, художественных, письменных и этнографических источников[1].

М. Ф. Иброхимовым, на основе сведений преимущественно памятников письменности исторического, географического, художественного, научного и научно-популярного характера разработана тема периодизации и классификации исторических и традиционных тканей таджиков - населения Памира и других областей заселения этого народа. Им составлены детальные характеристики, в том числе одежных, национальных тканей многочисленных названий[2]. Ряд его публикаций посвящены народному костюму этого народа[3], причем отдельные работы специально посвящены материальной культуре жителей Горного Бадахшана[4].

---

[1] Майтдинова Г. История таджикского костюма: В 2 т. – Душанбе, 2004. - Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм.

[2] Иброхимов, М. Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник. – Душанбе: Ирфон, 2003; Он же. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - Душанбе: Ирфон, 2006; Он же. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 2013 и др.

[3] Иброхимов, М. Ф.. История таджикского костюма (конец XIX – начало XXI века) / М. Ф. Иброхимов, З. Н. Сафарова. - Душанбе, 2018. - 207 с.; Он же. Истоки своеобразия, грани самобытности и оттенки преемственности традиций в таджикском народном костюме // Муаррих («Историк»). – Душанбе, 2018. - № 2(14)2018. – С. 98-102 и др.

[4] Иброхимов, М. Ф.. Текстильное производство в горных районах Таджикистана в конце XIX – начале XX в. // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/3(87). – Душанбе, 2012. – С. 23-25; Он же. Текстильные промыслы таджиков Припамирья и Западного Памира в конце XIX – начале XX века // Матер. межд. научно-практической конфер. «Подготовка конкурентоспособных специалистов рынка труда в условиях интеграции высших учебных заведений зарубежных стран и Республики Таджикистан» (Кулябский филиал Технологического университета Таджикистана,17-18 мая 2013 г.). – Душанбе: Империал-Групп, 2013. – С. 77-80; Он же. О традиционном вязании как самобытной отрасли ремесла горных таджичек (конец XIX – XX вв.) / М. Ф. Иброхимов, С. А. Содикова // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/6. – Душанбе, 2017. – С. 42-46; Он же. Семантика оригинальных образцов кроя в народной одежде ГБАО / М. Ф. Иброхимов, М. Хусравбекова // Мат. республ. научно-творческой конфер. “Народное художественное творчество в контексте истории, современного состояния и перспектив развития туризма и культурных традиций Таджикистана (Государственный институт изобразительного искусства и изайна Таджикистана, 26 апреля 2018 г.). - Душанбе, 2019. - С. 58-60; Он же. Вклад ученого-этнографа И. И. Зарубина в изучение особенностей одежды дореволюционной одежды таджиков Бадахшана / М. Ф. Иброхимов, Б. Т. Ёгибекова (тадж.) // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного

Современные исследования зачастую имеют этнографическую сущность и затрагивают по большей части современный костюм, выявление в нем проявлений традиционности. Большую работу в этом направлении проводит Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Так, Л. Н. Додхудоева занимается изучением народного костюма ГБАО в аспекте портновских традиций как отрасли народного декоративно-прикладного искусства. Этим исследователем вместе с Н. Э. Юнусовой изданы два красочных альбома по теме национального искусства, один из которых целиком посвящен искусству Памиру. Достойное место в них уделено предметам народной одежды и украшениям[1]. Материал по традиционному костюму таджиков ГБАО представлен и в “Атласе художественных ремесел и промыслов Центральной Азии”, изданном на английском языке в Самарканде, в котором материал по таджикской культуре составлен Л. Додхудоевой совместно А. Раджабовым[2].

Кроме того, Л. Н. Додхудоевой опубликован ряд статей, посвященных разным аспектам костюма жителей Памира[3]. Сохранившиеся в районах Шугнан и Рошткала портновские традиции научно зафиксированы по результатам этнографического изучения этих районов в 2016 г. Л. Н. Додхудоевой совместно с З. Юсуфбековой и М. Шовалиевой[4].

Отдельные вопросы, связанные с одеждой и портновскими традициями таджиков ГБАО, нашли отражение в историографических и

творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 150-153 и др.

[1] Юнусова, Н. Э. Народное искусство Памира / Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева (рус,.англ.), ред. Р. М. Масов. - Душанбе, 2009; Она же. Народное искусство Таджикистана / Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева (рус,.англ.), ред. Р. М. Масов. - Душанбе, 2011.

[2] Atlas of Central Asian Artistic Crafts and trades. Tajikistan / Ed by L. Dodkhudoeva., A. Rajabov. – Samarqand; Bishkek, 2007. – V. 4. – 92 p.

[3] Додхудоева, Л. Н. Памирский костюм с крыши мира (англ.) // Дискавери. - Алматы, 2017. - № 1. - С.78-83; Она же. Ресурсы визуальной репрезентации полевых материалов (на примере «Альбома одежды таджиков» Н. Н. Ершова и З. А. Широковой) // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества таджиков. Материалы международной научной конференции (г. Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2022. - С. 184-195.

[4] Додхудоева, Л. Н. Ремесленное производство Таджикистана (по материалам полевых исследований 2013-2017 гг.) / Л. Н. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева. - Душанбе, 2019.

источниковедческих работах С. П. Сайнакова, который исследует труды русских этнографов, посетивших этот регион до революции[1].

Текстильным промыслам и традиционной одежде таджиков ГБАО посвящен ряд статей молодого исследователя Дж. М. Шоназар[2]. В ее трудах немаловажное место занимает гендерный аспект в организации ремесленного производства, а ремесла и промыслы рассматриваются как часть современной этнокультуры таджиков. Собранный этнографический материал позволил ей заключить, что в ГБАО женщины и ныне остаются «наиболее ценным носителем самобытных традиций, прежде всего в ремеслах»[3].

Материал, посвященный наиболее известной отрасли ремесленного производства ГБАО - вязанию, составил основу диссертационного исследования С. А. Содиковой, которая изучила историю зарождения и поэтапного развития этого вида рукоделия с древнейших времен до середины XX в. Обобщая материал по наиболее ранним археологическим следам существования искусства вязки, она увязывает его генезис с эпохой энеолита. С. А. Содикова особенно подчеркивает вклад традиционного вязального

---

[1] Сайнаков, С. П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): Дис. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2015; Он же. Исследование традиционной культуры и быта памирских таджиков дореволюционными русскими учеными-естествоиспытателями // Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана: Материалы международной научной конференции 17 ноября 2017 г. – Душанбе, 2018. – С. 147-156; Он же. О вкладе В. Муханова в изучение этнографии Памира / С.П. Сайнаков, Дж. М. Шоназар // Доклады АН РТ. Отделение общественных наук. – Душанбе, 2019. - № 4(008). – С. 74-78; Он же. М. С. Андреев в научной перспективе: обзор книги “Таджики долины Хуф” // Отдел культурного наследия и гуманитарных наук. Научный доклад № 9. – 2020; Он же. Заметки С. П. Ванновского по этнографии рушанцев / С.П. Сайнаков, Дж. М. Шоназар, Х. Ш. Дарвозиева // Вестник Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни. – Душанбе, 2021. - № 2(91). – С. 226-231.

[2] Шоназар, Дж. М. Изделия мастериц Дарваза (по материалам полевых исследований) // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 7 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021.– С. 197-201; Она же. М. Исторические этапы сложения ткацкого ремесла таджиков // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2018. - № 1. – С. 93-99 и др.

[3] Шоназар, Дж. М. Ремесленное производство таджиков Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан в XIX - XXI вв. - С. 149.

искусства на развитие канонов стилизации элементов в национальном орнаменте и установившихся принципов цветовой композиции[1].

Автором настоящего исследования на материалах собственных наблюдений написан ряд статей, в которых проанализированы художественные особенности памирского орнамента на примере ваханских *джурабов* и тюбетеек[2], а также традиции и инновации в мужской и женской одежде жителей этого региона[3]. Ею также исследованы заслуги отдельных известных этнографов (А. А. Бобринского, И. И. Зарубина, Л. Ф. Моногаровой) в изучение костюма населения Горного Бадахшана[4]

Таким образом, в 1920 – 1950-х годах развитие знаний об эволюции костюма таджиков ГБАО в Таджикистане в основном связано с исследованиями М. С. Андреева и А. К. Писарчик. В 1960 – 1980-х годах дальнейшее развитие советской научной школы изучения традиционного

---

[1] Содикова, С. А. История зарождения и совершенствования вязального дела таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 2022.

[2] Ёгибекова, Б. Т. Бадахшанские джурабы (тадж.) // Материалы республиканской научно-теоретической конференции «Народное художественное творчество в контексте современного состояния и перспективах развития туризма и культурных традиций Таджикистана (ГИИИДТ, 26 апреля 2018 г.). - Душанбе, 2019. - С. 28-32; Она же. Национальная идентичность и символика узора в ваханской тюбетейке (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, М. Ф. Иброхимов // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2020. - № 1(21). - С. 99-106; Она же. Орнаментальная символика в декоре рукоделий традиционной одежды Горного Бадахшана // Муаррих. - Душанбе, 2022. - № 3(31). - С. 141-148.

[3] Ёгибекова, Б. Т. Дореволюционная мужская одежда жителей Горного Бадахшана (тадж.) // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2021. - № 3(27). - С. 154-163; Она же. Некоторые сведения о дореволюционной женской одежде жителей Горного Бадахшана (тадж.) Б. Т. Ёгибекова, С. Силмонова // Матер. республиканской научно-теоретической конференции «Вклад ГИИИДТ в изобразительное искусство Таджикистана (ГИИИДТ, 28 октября 2022 г.). - Душанбе, 2022. - С. 14-19; Она же. Традиции и инновации в женских платьях Памира в конце XIX - середине XX вв. // Вестник Педагогического университета. - № 5(100). - Душанбе, 2022. - С. 388-393.

[4] Ёгибекова, Б. Т. Вклад А. А. Бобринского в изучение костюма и декора одежды горных таджиков // Бюллетень учебно-научной лаборатории этнокультурологии и социокультурных исследований. Душанбе: ООО «Илм», 2022. - С. 111-117; Она же. Вклад Л. Ф. Моногаровой в изучении костюма таджиков Горного Бадахшана (тадж.) // Материалы Международной научной конференции «Традиционная культура таджиков в музейных собраниях», посвященной 40-летию создания Музея этнографии им. М. С. Андреева (19 ноября 2021 г.). - Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, 2021. - С. 128-135; Она же. Вклад ученого-этнографа И. И. Зарубина в изучение особенностей одежды дореволюционной одежды таджиков Бадахшана (тадж.) / Иброхимов М. Ф., Ёгибекова Б. Т. // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 150-153.

костюма таджиков ГБАО стало заслугой З. А. Широковой, Л. Б. Бахтоваршоевой, Л. Ф. Моногаровой, Н. Н. Ершова, Г. Майтдиновой. Их работы географически охватывают северные территории Западного Памира (Дарвазский, Ванджский, Рушанский, Шугнанский), особенности же таджикского костюма южных районов (Рошткала и Ишкашим) оказались не изученными. При этом, З. А. Широкова и Л. Б. Бахтоваршоева специализировались на изучении исключительно одежды, а для М. С. Андреева, А. К. Писарчик и Л. Ф. Моногаровой эта проблематика составляла лишь одно из направлений комлексного этнографического исследования конкретных районов ГБАО.

В постсоветский период развития республики в направлении изучения народного костюма таджиков ГБАО работают такие исследователи, как Г. Майтдинова, Л. Н. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева, М. Ф. Иброхимов, С. А. Содикова и др. Указанная составляющая национальной материальной культуры находит достойное место в планах научных исследований Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Научно-исследовательского института культуры и информации при Министерстве культуры Республики Таджикистан, Национального музея Таджикистана, Этнографического музея имени М. С. Андреева, а также отдельных ВУЗов республики. Вместе с тем, следует признать, что данная тема составляет лишь одно из направлений более обширной сферы научной деятельности современных исследователей.

В целом, в советский период развития Таджикистана исследованию материальной культуры таджиков в целом и научному изучению народного костюма жителей ГБАО в частности уделялось большое внимание. Сегодня его своеобразие по прежнему привлекает внимание научного сообщества теперь уже суверенного Таджикистана.

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ И УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА ТАДЖИКОВ ГБАО

2.1. История текстильных и портновских традиций в ГБАО в трудах исследователей

В таджикском быту до того, как стали массово доступными предметы фабрично-заводского изготовления, ремесло занимало важное место, независимо от географии и природно-климатических условий районов проживания. Если учесть степень вовлечения жителей в ремесленную деятельность, то следует отметить, что это занятие было в наибольшей степени распространено в горных районах. Главным сезоном, когда активно занимались ремеслами, была зима. Причину такого явления А. А. Семенов и А. П. Шишов видели в том, что в горах зимой из-за закрытия путей сообщения с равнинами и соседними горными селениями жителям приходилось оставаться в своих поселениях до девяти месяцев в году. Они редко покидали жилища, женщины занимались производством пряжи, вязанием, шили различные предмети одежды (рубахи, штаны, чекмени, головные уборы и др.)[1].

Ткачеством на Памире занимались, как правило, мужчины. Однако А. Серебренников отмечает, что на производстве шерстяных материй специализировались и женщины. Они ткали преимущественно грубые сукна, хотя встречались и тонкие образцы. Перед тканьем нитки не красили, как не красили и саму материю. Декор ткани получали за счет компоновки шерстяных нитей разных естественных цветов. По этой причине колористический ассортимент тканей и их орнамента был весьма ограничен - черный, белый, серый[2].

Такая картина была характерна как для районов Горного Бадахшана, сегодня входящих в состав Республики Таджикистан, так и для горной

[1] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 44, 58; Шишов, А. П. Таджики. Этнографическое исследование. - Алмааты, 2006. - С. 225-228, 252-258.
[2] Серебренников А. Очерк Памира. - СПб., 1900. - С. 73-74.

территории, расположенной на левобережье Пянджа. Как следует из материалов путешествия Б. Кушкеки, производство тканей из хлопка и шерсти и вязание были самыми распространенными занятиями в Бадахшане и Тахоре, Кундузе и Баглане, и вообще, во всех без исключения городах и селах Северо-Восточного Афганистана, населенных таджиками.

По свидетельству А. А. Семенова, практически во всех дарвазских хозяйствах имелись ткацкие станки, чему способствовало и наличие в регионе хлопковых полей сырья. Одним из типичнейших признаков этого района он посчитал наличие хлопковых полей и тутовых рощ, обеспечивавших рынок текстильного сырья. Местные жители гордились, как умением выращивать хлопок, так и перерабатывать его в пряжу и ткани. Ткачеством *карбоса* здесь занимались в каждом хозяйстве, поэтому М. С. Андреев отмечал, что хлопчатобумажное полотно в Дарвазе производилось в избытке[1].

Ученые отметили, что помимо *карбоса*, жители Дарваза из хлопка выделывали ткани *алоча*, *борики*, *калами*, *алифтор, малла, куртачи, салла, сияхкандж, сурхкандж, шатранджи*, *шаши*. Рассмотрим более подробно имеющиеся сведения.

Алоча (пестрядь) - ткань с цветными продольными полосками была одной из самых распространенных и находила широкое применение при шитье одежды. Из нее готовили мужские халаты (легкие и стеганые), штаны и рубахи, женские платья, халаты и шаровары и пр. Ткань имела множество сортов, один из которых - двухцветная ткань с широкими полосами *калами* имела черную с белой, синюю с белой полосами и т.д. *Борики* была, по сути, кисеей. Характерной особенностью ткани *куртачи* («платьевая») было наличие выпуклых продольных полосок. Для получения подобного эффекта основу комплектовали из одиночных и дублированных нитей, которые чередовались в определённом порядке. Полученная материя шла, как следует из ее названия, на женские платья. Эту весьма желанную для местных таджичек ткань

[1] Андреев, М. С. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарьи). Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. - Ташкент, 1926. - С. 17.

выделывали разных сортов. В зависимости от характера взаимного расположения полосок различали такие сорта, как *куртачии баргаки бед* («листочек ивы»), *куртачии тутапеч* («с жгутом»), *куртачии панджаи шер* («лапа льва»), куртачии *занджирадор* («с цепочкой»). В материи *шатранджи* (шахматная) с квадратными рельефами определенным образом чередовались одиночные и дублированные нити.

Совместное применение двух указанных приемов получения эффектов на ткани имело место при выработке материи *алифтор* в форме буквы «алиф» по основе. Она представляла собой черно-белую пестроткань с эффектом прерывистых линий вдоль материи. Ее ткали полотняным переплетением в Дарвазе и употребляли для шитья мужской верхней одежды. Основу составляли дублированные нити черного и белого цвета вперемежку.

З. А. Широковой отмечена следующая особенность. Используя прием двухчелночного ткачества, в утке, соблюдая поочередную пропорцию, шли одиночные и дублированные нити черного и белого цвета. Иногда производилось сочетание нитей разных цветов и разной толщины. В этом случае в определенном порядке в основу пропускали отдельные цветные нити, получая таким образом *куртачии вакабуд* («платьевая с синим эффектом»), *куртачии васиях* («платьевая с черным эффектом») и т.п.[1].

Из шелка дарвазцы изготавливали лишь один вид ткани – *казин*, которую в других районах также называли *пиллаги* и *дорои*. В Дарвазе ее ткали в небольшом количестве, причем затем в обязательном порядке подвергали в виде ткани или уже сшитого из нее изделия узорчатой отделке способом *гулбаст*[2].

Шерстоткачество в Дарвазе было распространено повсеместно, особенно в селениях Равноу, Варджувдж и Пшихарв. Население края из овечьей и козьей

[1] Широкова, З. А. Одежда. – С. 226.

[2] Семенов, А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 58-59; Ершов, Н. Н. Ткачество. - С. 225.

шерсти вырабатывало ткань *барак*, мешковину *рагзаи коп*, обмотки для ног *пойтоба*, подпруги *аил* и переметные сумы *хурджин*, вязало *джурабы*[1].

Академик А. А. Семенов и Н. А. Кисляков подчеркивали товарность продукции. Так, хлопчатобумажные материи из Дарваза в большом количестве вывозились в долины Ванджа и Язгулема, Куляба и Каратегина, где обменивались на другие товары[2]. В меновой торговле использовались не только ткани, но и различные элементы одежды. Так, за товары, доставленные из Вахио, дарвазцы расплачивались еще и тонкими хлопчатобумажными халатами *яктах*[3].

Учеными отмечены и особенности системы производства. Несмотря на то, что практически во всех хозяйствах Дарваза имелись ткацкие станки, здесь нередко пользовались услугами наемных рабочих. Оплата труда ткача в этом случае обычно осуществлялась натурой (от 1/8 до 1/4 сотканной материи), если не заказывались сукно *рагза* для чекменей или шелковая ткань *дорои*. Иногда платили мастеру зерном или деньгами, причем принимая во внимание разницу в толщине нитей и плотности их размещения, при равной длине материй за изготовление *карбос* ткач получал вдвое больше, чем за шерстяную *рагзу*[4].

Н. А. Кисляков указывал, что несмотря на широкое распространение ткачества в регионе, сами жители Дарваза испытывали нужду в шерстяных материях, что было обусловлено сравнительно слабым (по отношению к высокогорьям) развитием животноводства[5]. Этот дефицит восполняли жители долины Вахио (расположен к северо-востоку от Дарваза). Они поставляли сюда чекмени, теплые штаны *шорагза*, вязаные разноцветные *джурабы*, войлок, специальные коврики для промывки золота[6], а также изделия, сшитые из шкуры добытого во время охоты горного козла - кожаные рукавицы, чулки,

---

[1] Кушкеки, Б. Каттаган и Бадахшан. - С. 24-212; Ершов, Н. Н. Ткачество. - С. 212, 225-229.
[2] Семенов, А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 57-58.
[3] Кисляков, Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - С. 94.
[4] Ершов, Н. Н. Ткачество. - С. 228-229.
[5] Кисляков, Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. - С. 94.
[6] Там же. - С. 89.

головные платки *мошова*[1]. В Вахио текстильной переработкой шерсти мужчины и женщины были заняты в равной мере, в то время как вязание *джурабов* и вышивка здесь были женскими работами[2].

В Дарвазе существовала своя традиция вязания чулок - *джурабов*. Вывязываемые орнаменты отличались большой привлекательностью и глубокой символикой. Богатство и семантика узоров дарвазских джурабов настолько восхитила А. А. Бобринского, что он посвятил им, как и местным вышитым лицевым покрывалам - *рубандам*, специальный альбом[3].

Российскими авторами отмечено, что население Дарваза, как и жители других горных местностей, текстильными промыслами занималось преимущественно в холодные месяцы года[4]. За шесть холодных месяцев один ткач мог изготовить 40 - 60 кусков материи[5], что составляло 200 - 240 метров.

Другим видом народного творчества в Дарвазе была вышивка. Здесь вышитым узором горянки декорировали как ткань платья, так и кусок другой материи, используемую в качестве нашивки на определенные части платья (грудь, те или иные участки рукавов). Дарвазки воспроизводили как растительный, так и геометрический узор, который в основном преобладал в орнаменте. Характерной особенностью нарядного женского платья из рельефной материи было наличие вышитого нагрудника *шоинак*. Основным мотивом его декора были крупные ромбы со сплошным заполнением в один цвет или фигурной разработкой этой площади.

Нарядные платья имели разнообразные узоры на переднем полотнище, концах рукавов и на подоле. В орнаменте использовались главным образом цепочки разноцветных ромбов крупного размера с внутренней проработкой

---

[1] Там же. - С. 121.
[2] Там же. - С. 92.
[3] Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – М., 1900.
[4] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 58; Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 227-228.
[5] Арандаренко, Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1889). – С-Пб., 1889. – С. 460.

каждого из них. Вместе с тем, в композиции узора на этих платьях не меньшее значение имели растительные мотивы[1].

В Вандже помимо местного текстиля жителям были доступны привозные изделия. М. С. Андреев, детально изучив сложившуюся здесь ситуацию, писал, что они сами не вывозили свои товары, главным среди которых было железо. Покупатели сами прибывали сюда из других районов и торговля товарами производилась меновая. Так, жители долины Вахио через труднопереходимые перевалы доставляли в Вандж шерстяные домотканые ткани и одежду (чекмень, *чодар*, штаны *шорагза*), а также соль. Дарвазцы привозили свое хлопчатобумажное полотно *карбос*, чалмы - *салла* и соль, которую сами покупали в Нижнем Вахио. Язгулемцы торговали в Вандже *джурабами* и шерстяными подпругами, сушенным абрикосом и сапогами *чорук*. Товарами, привозимыми из Шугнана, были шерстяные халаты, джурабы, кожа для пошива обуви. Афганцы же привозили в Вандж ткань карбос[2].

Широко известно мнение советского этнографа Н. А. Кислякова о лицевых занавесках *рубанд*. Он утверждал, что центром их происхождения являются, скорее всего, верховья Хингоба и долина Вахио. Если даже *рубанд* использовали в свадебном костюме ванджской невесты, это не дает основания говорить, что в Вандже пользовались вышитыми *рубандами* собственного изготовления[3].

Л. Ф. Моногарова выяснила, что в Язгулеме ткачеством занимались только мужчины, которые производили шерстяные и хлопчатобумажные ткани, а прядение, шитье и вязание считались женскими занятиями. Каждый мужчина был обязан владеть навыками ткачества, умением обрабатывать кожи и шить обувь. Его обязанностью было обеспечение продуктами своего производства членов своей семьи. В виде исключения к нему могли обратиться родственники

---

[1] Ишбулдина, К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии // Лавровский сборник: Материалы 36-37-х Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 239.

[2] Андреев, М. С. Выработка железа в долине Ванча. - С. 17.

[3] Кисляков, Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек // Сборник МАЭ. - Т. 15. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 291-316.

и соседи. В последнем случае он за натуральную плату (в обмен на продукты или другие товары) изготавливал товар согласно их запросам. Обычно, ткач оставлял себе одну десятую вытканой материи, получал от заказчика определенное количество муки и выпеченной лепешки. Естественно, были мастера, заслужившие славу превосходного ремесленника, к услугам которых обращались не только соседи, но и жители других селений. Так, в деха Джамак славился своим искусством сапожник по имени Султан Вазир.

Для тканья язгулемцы использовали ткацкий станок над ямой. Со временем они стали использовать фабричные ткани. Но был период, когда мастера снова обратились к производству кустарных материй. Связано это было с тем, что в годы Великой Отечественной Войны была ощутимая нехватка фабричных тканей и население вновь стало использовать местную продукцию. Ремесленные станки можно было видеть в отдельных домах Язгулема и после войны, например в 1947 г. и даже в 1959 г. Как правило, его устанавливали напротив входа в дом поверх глиняной суфы. Конструктивно и внешне язгулемский ткацикий станок не отличался от ванджского.

Язгулемские женщины подобно жителям других припамирских долин занимались вышивкой. Они декорировали только воротник платья. Распространенные здесь вышитые тюбетейки были привозным продуктом труда дарвазских мастериц.

Важнейшую отрасль местного женского рукоделия составляла вязка *джурабов* из разноцветной шерстяной пряжи. До установления на Памире советской власти джурабы наравне с сушенными фруктами составлял основной продукт торговли язгулемцев. Взамен них местные жители покупали в Дарвазе, у афганских и индийских торговцев хлопок, соль, украшения, краски, другие товары для своих нужд. *Джурабы* в долине Язгулема, как и Рушане и Гороне (местность в Шугнане), служили единицей меновой торговли.

В Вахане также производят шерстяные рукавицы. Жених на свадьбе обязан быть в пестрых рукавицах. Если свадьба происходила летом, жених не надевал рукавицы, а просто держал их в руках. Традиционно, в рукавицах и

джурабах жениха и невесты должно быть больше красного цвета. Наличие в орнаменте нитей черного цвета не приветствуется.

Автор диссертации во время полевых работ посетила Ванджский, Рушанский, Язгулемский, Ишкашимский и Ваханский районы. Исследование показало, что в Рушане сохранились такие промыслы, как вязание джурабов, изготовление тюбетеек, плетение бисера, ткачество паласов. Их тюбетейки пользуются спросом и в других местах Горного Бадахшана. Тетушка Давлатбахт Карамшоева из селения Барушон рассказывала, что они прежде изготовляли вышитую тесьму - нашивку на околыши, а верх тюбетейки делали из шелковой материи. Мастерица считает, что в области вязания рушанки превосходят жителей соседних районов, особенно в вопросах выбора цвета и вывязывания узоров. Края разреза ворота и перед платья украшали различным орнаментом. В декоре тесемок *шероз* рушанский орнамент имел общие черты с шугнанским, но отличался от ишкашимского. Основу тесемок плели из черных и белых нитей[1].

В пределах Ишкашимского района невеста во время свадьбы надевала одно над другим от 9 до 11 платьев. Голову покрывали тюбетейкой и повязывали налобную повязку *сарбанд* / *сарғуч*. На церемонию надевания свадебной одежды невесты не допускались вдовы или бездетные замужние женщины. Одевание невесты доверяли многодетной пожилой женщине. Из числа двух-трех пар вязаных чулок одно следовало надеть обратной стороной наверх, чтобы беречь невесту от дурного глаза. Поражало изобилие украшений невесты. И вообще, девушки и женщины не должны были ходить без украшений, считалось, что это приводило к несчастью.

Интересен обычай жителей Горного Бадахшана сушить мытую одежду изнаночной стороной наверх во избежание сглаза. Такая практика в других районах Таджикистана не встречается. В этих местах считают, что надевание одежды обратной стороной вверх, как и ее сушка, приводит к невезениям.

[1] Беседа автора с Давлатбахт Карамшоевой – жительницей села Барушон Рушанского района, 1960 г.р. Дата беседы – 12 ноября 2021 г.

Вязанием *джурабов* занимались во всех районах Горного Бадахшана. В советский период развития Таджикистана этот промысел значительно утратил свои позиции, однако сохранился в отдаленных долинах - Вахане, Бартанге, Гунте, Шахдаре. В столице республики одно время распространилась мода на ношение джурабов. Их надевали под галошами, кроссовками, другой обувью.

Издавна вязали четыре вида шерстяных чулок: собственно *джурабы*, *бурдж*, *нрипук, бартанги*.

- собственно *джурабы*, которые предназначались для лиц всех возрастов.

- исключительно черно-белыми *бурджами* пользовались только мужчины. Если в их декоре используют цветные нити, между цветными полосками идут широкие белые полосы.

- *нрипук* также являются чулками для массового пользования. Для их вязки расходуется большее количество ниток, так как они отличаются толщиной. Ряды стежков идут прямолинейно, а не суживаются к носкам чулка. *Нрипук* является наиболее легкой для вязки.

- джурабы *бартанги*, которые вяжутся двухслойными. Они очень красивы, имеют прямолинейную форму. Их называют бартангскими, так как их впервые стали изготовлять именно в этой долине. Бартангцы предпочитают джурабы светлых тонов.

Выдающаяся советская исследовательница Бадахшана Л. Ф. Моногарова детально описала особенности местного вязания. По ее мнению, язгулемские *джурабы* обладали большой прочностью и были замечательны по оформлению, они получили признание далеко за пределами этой долины. Их длина доходила до колен и выше. Голенища чулок подвязывали к ногам с помощью вязаной разноцветной ленты *тарзин*, которая пропускалась через петли в верхней части джурабов. Особенно богатым был узор верха чулок. Элементы орнамента были стилизованными и имели много общего с изделиями из других районов Западного Памира. В то же время, здесь можно было встретить и уникальные декоративные композиции, которые больше нигде не встречались.

Язгулемцы предпочитали такие цвета, как красный - *рушт*, фиолетовый, синий - *нилу*, желтый, зеленый. Шерсть окрашивали покупными красителями, хотя для этого применялись и местные красители природного происхождения. Так, здесь получали краску на основе культивируемого растения *хкранг*. В долине пользовались хорошим закрепителем, благодаря которому крашенная шерсть не теряла цвет. Фон узора на джурабах местного изготовления был по большей части черный и на нем располагались яркие элементы узора[1].

Получаемая здесь ткачеством материя *хванг* была двух видов: одноцветная типа мешковины или полосатая черно-белая и коричнево-белая. Единицей измерения длины ткани была “мата” - длина, достаточная для приготовления одного женского платья или комплекта мужской одежды (рубаха и штаны). Ширина материи составляла 40 - 50 см. Пошив одежды выполнялся вручную. При пошиве пользовалась единицей измерения *вузат* (пядь). Для платья женщине среднего роста требовалось 6 пядей длины ткани. Ширина переда и заднего полотна составляли по 2 пяди, ширина бокового клина вверху - 1 пядь, внизу - 2 пяди. Длина рукава соответствовала 3 пядя при ширине 1 пядь.

Л. Ф. Моногарова отмечала интересный факт. Когда в Язгулеме появились первые швейные машины, на них работали мужчины. Примером является Азим Аминов из селения Вишхарв. Он овладел профессией в индустриальной артели г. Сталинабада (Душанбе). Портной занимался шитьем брюк и пиджаков, гинастерок, рубах городского типа из ткани заказчиков. Известно, что он не устанавливал твердую плату за свой труд и удовлетворялся тем, что давали. Начиная с 1948 г., в магазинах селений Андарбаг и Джамак долины Язгулема появились в достаточном количестве фабричного производства ткани, одежда и обувь. Однако в дефиците были краски для шерсти и ювелирные изделия, в частности кольца и серьги[2].

Как отметила известный лингвист А. З. Розенфельд, в Вандже в первые деятилетия советской власти и раньше культура хлопчатника была

[1] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.
[2] Там же. - С. 28-30.

распространена слабо. По этой причине местные жители покупали простейшую ткань *карбос*, как и другие более качественные материи, выделанные в Дарвазе. Фабричных тканей в Вандже было мало, так как их привозили сюда из долины Ферганы трудовые мигранты. Дороговизна тканей и сложности с их приобретением были причинами того, что беднота и даже отдельные ванджцы среднего достатка стремились как можно дольше носить одну и ту же одежду до полного износа. Доходило до того, что предметы одежды, давно уже потерявшие свои потребительские качества, долгое время еще использвались[1].

М. С. Андреевым зафиксирован тот факт, что в Рушане и Шугнане ткачество считалось женским ремеслом и им занимались в каждом хозяйстве. Войдя внутрь любого дома можно было безошибочно определить женскую половину, так как там были расположены выступы для ножек от ткацкого станка[2]. Предметами импорта из Шугнана, в частности в Вандж, были шерстяные халаты, *джурабы*, кожа для пошива обуви[3].

По словам Оле Олуфсена, почти все жители Памира имели навыки обработки кожи. Он наблюдал и описал различные приемы обработки кожи, в частности дубления шкуры домашних и диких зверей. Приготовленный материал использовался для пошива сапог и бурдюков, а также шуб[4].

Шерстоткачеством занимались в основном мужчины, но все работы по получению пряжи выполняли женщины. Когда перерабатывалась дорогая высококачественная шерсть, мужчины использовали трепальный лучок *цан*. Известно, что в старину шугнанцы сами трепанием на лучке не занимались и пользовались услугами приезжих мастеров из Рушана и даже Дарваза. Но уже к началу XX в. здесь появились местные специалисты по этому делу, которые постепенно прибрали к своим рукам этот промысел и в других районах выше

---

[1] Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча // ИВГО. - 1953. - Т. 85, вып. 4. - С. 396.

[2] Иванов, Д. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. - № 6. - 1885. - С. 656.

[3] Андреев, М. С. Выработка железа в долине Ванча. - С. 17.

[4] Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 63-68.

по Пянджу - Гороне, Ишкашиме и Вахане. В этих местах трепальные лучки, правда, привозные, распространились лишь к середине этого столетия.

Относительно равномерную пряжу для сукон изготовляли на прялке - *чарха*, ручное веретено - *чалак* использовалась для получения грубой пряжи, используемой при вязании и ткачестве портянок[1]. Ткацкий станок - *гилим-вихудж* был горизонтального типа, подробное описание которого составлено Л. Б. Бахтоваршоевой[2].

Основу формировали на колышках, вбитых в землю. Длину основы принимали по большей части в 12 маховых саженей - *кулоч*. Этим занимались женщины.

Средоточие чулочного производства Горного Бадахшана располагалось в Рушане, где этим промыслом, используя овечью шерсть, занимались в 95,4 % всех хозяйств. В Шугнане этот показатель составлял 25 %. По данным начала XX в., за год в пределах этих районов производилось более 10 тысяч пар вязаных изделий (из них 7 тысяч пар - в Рушане), из которых примерно 60 % составляли чулки (длинные), 30 % - носки (короткие чулки) и 10 % - рукавицы. Рушанские вязаные изделия в количестве около 80 % использовались местными жителями, остальная часть продавалась населению Хорога, Мургаба, Куляба, Сталинабада (Душанбе), Ферганы[3].

Вязание чулок в Шугнане процветало. Как отмечал М. С. Андреев, доходило до того, что из-за нехватки шерсти здесь стригли даже собак, а также использовали линяную шерсть лошадей и ослов[4]. Особенно славились джурабы из селений Шидз и Вазнауд. По мнению А. К. Писарчик, с ними конкурировали чулки мастериц из долины Хуфа[5].

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 2. - С. 208.

[2] Бахтоваршоева, Л. Б. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. - С. 111-112.

[3] Готфрид, Л. Красный флаг на крыше мира. Памирские очерки / Л. Готфрид, М. Гафиз. - Ташкент. Сталинабад, 1930. - С. 36-37, 82.

[4] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. – С. 248.

[5] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 404.

Известный советский этнограф в своих дополнениях к книге М. С. Андреева “Таджики долины Хуф” детально описала процесс изготовления вязаных носков. Джурабы издавна вязались на четырех спицах *сих*. Получил это же название и крючок, впервые появившийся в Хуфе в 1920-х годах. Прием вязки на крючке называли *яксиха*, а полученное изделие *читрари*. Последний термин указывает на топоним, обозначающий место, откуда была заимствована технология вязания - из Читрала в Пакистане.

Накануне революции 1920 г. появились джурабы *бутҷуроб* (от англ. “boot” - обувь), связанные крючком. Такое название связано с одновременным распространением здесь европейской обуви. *Бутҷуроб* отличался особым видом узора, не заполнявшего изделие сплошь. На чулках вывязывались продольные полоски другого цвета, идущие по черному фону, причем эти полоски продолжались от самого верха до носков. Носили джурабы весьма бережно. Так, поверх чулок вокруг ступней обертывали короткие портянки и только после этого обувались в сапоги *пех*.

В долине Хуф вязали не только чулки, но и варежки *била*. В середине 1940-х годов отдельные мастерицы освоили технику изготовления больших пуховых платков, научившись у русских[1].

Джурабы хуфского образца были короткими и длинными (до 1 м и более). После их надевания голенища сгибали на участке выше колен широкой полосой. Особенно ценились толстые джурабы, с которыми сапоги на ногах не образовывали складки. В случае использования более тонких чулок, с этой целью носили один над другим два-три чулка. Ношение нескольких чулок, с другой стороны, позволяло зимой держать ноги в тепле[2].

Рушан - долина, где ткачество паласов из козьей шерсти показало наибольшую устойчивость. К 1930-м годам данный промысел сохранился только в этом районе[3].

---

[1] Там же. - С. 404.
[2] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2. - С. 248.
[3] Готфрид, Л. Красный флаг на крыше мира. - С. 82.

М. А. Рузиев среди отраслей ремесленного производства Рушана и Шугнана выделяет не текстильные промыслы, а резьбу по дереву, которая по его словам, отличалась виртуозностью[1].

Граф А. А. Бобринской писал, что в Ишкашиме и Вахане наиболее развитую отрасль ремесла составляло шерстоткачество. Здесь изготавливали шерстяные материи нескольких сортов:

1) прочные толстые для теплых верхних халатов (чекменей и чапанов);

2) менее грубые для шапочек *паколь*, чалм и кушаков;

3) тонкие для мужской и женской нижней одежды (рубах и штанов).

Ткани для верхней одежды производились длиной 14 - 15 метров (20 - 22 аршина) и шириной 33 - 35 сантиметров (7,5 - 8 вершков). Эта работа была мужским занятием. Ткачи при изготовлении сукон пользовались горизонтальным станком *сахт*[2]. Другие сорта шерстяных тканей из более тонких нитей изготовлялись женщинами, которые также занимались шерстопрядением.

Кроме того, мужчины специализировались на выделке грубых, но очень прочных паласов. Их ткали полосатыми из белых и черных шерстяных нитей, спряденных опять же мужчинами. Использовалась в основном шерсть яков (кутасов) и коз.

Другим распространенным женским промыслом было вязание. Применялись деревянные спицы (четыре штуки) и крючок. Вязание крючком называли на кашмирский манер, что очевидно, указывает на его происхождение. Чулки, вязаные крючкм, также назывались кашмирскими. Их верх был двойным (двухслойным), из-за чего смотрелся более нарядным. Ваханские чулки отличались богатым орнаментом, которые мастерицы

---

[1] Додхудоева, Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева) // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. – М., 2020. – С. 361.

[2] Бахтоваршоева, Л. Б. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. - С. 111.

воспроизводили на память. Их передавали из поколения в поколение. Кроме того, за образец принимались рисунки, украшавшие узорчатые ситцы[1].

Вышивка простейшими узорами встречалась на рубахах преимущественно детей, на вороте, плечах и груди[2]. На юге Горного Бадахшана зафиксированные образцы свадебных лицевых занавесок *рубанд* находили и в Ишкашима. Однако не исключено, что здесь пользовались привозными вышитыми *рубандами*[3].

А. Серебреников, имея ввиду все местные ханства, писал, что на Памирах наиболее кустарные промыслы были весьма распространены. В этом отношении первое и второе места делили ткачество и гончарство, причем оба этих занятия были женскими. Производились они по большей части грубые шерстяные материи для постоянного использования. Наряду с этим выделывались очень нежние ткани, достоинства которых “делают честь мастерицам”. Шерстяные нити не красили, их цвет (белый, черный и серый) подбирали соответственно намеченному рисунку. Естественно, в этом случае разнообразие рисунков на ткани было ограниченным[4].

О том, как местные ремесленники искали природные красители, свидетельствует предание, которое сохранил один из величайших таджикских ученых Абурейхан Бируни. Он коссвенно связывает с производством краски историю знакомства человечества с бадахшанским рубином. По его словам, когда-то в этом регионе произошло сильное землетрясение, в результате которого из трещин в горе и показались куски рубина. Первыми их увидели женщины, которые приняли их за краситель. Они размельчили рубины в порошок, но использовать его в качестве краски не сумели. Тогда они рассказали об этом мужчинам. Тотчас об этом узнали рудокопы и началась добыча рубина[5]. Данная информация примечальна и в том контексте, что

---

[1] Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 84-85.
[2] Там же.
[3] Кисляков, Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек. - С. 291-316.
[4] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 73-74.
[5] Бируни, А. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). - СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. -. - С. 106.

термин “Бадахшан” изначально звучал, как “Балахшан” - производное от “лаъл” (“рубин”).

Об этом крупном землетрясении сообщают и другие письменные источники, например, «Джавахирнаме» Мир Садруддина Мухаммада и «Гияс ул-лугот» Гиясуддина Мухаммада, которые утверждают, что это случилось в период династии Аббасидов. В любом случае, речь идет о времени не позднее VIII века, так как авторы IX и более позднего времени уже знали о рубине и его красном цвете[1].

Согласно подполковнику П. П. Матвееву, в соседнем с Ваханом афганском Бадахшане производили много весьма добротных длинных разноцветных чулок, однако местные хлопчатобумажные и шерстяные ткани были грубыми[2].

Таким образом, в дореволюционный период и первые годы Советской власти в Горном Бадахшане было были распространены текстильное производство и портновское дело. Материалы, приведенные выше, показывают, что такая картина была характерна для всех районов данного региона. Ткачество шерстяных материалов встречалось здесь повсеместно. Хлопкоткачество и пошив хлопчатобумажной одежды встречались лишь в Дарвазе, благодаря выращиванию там хлопчатника и его завозу из соседних равнинных районов. В Дарвазе также было весьма развито искусство вышивки. Декор предметов одежды в других районах находил ограниченное применение и встречался, в первую очередь, в свадебной одежде.

М. А. Рузиев на основе собственных сравнительных наблюдений отметил, что среди районов ГБАО Вахан выделялся наиболее яркой вышивкой и развитой техникой ткачества паласов[3].

Важным этапом в возрождении народных промыслов стало время гражданской войны в Таджикистане, начавшееся в 1992 г. Перекрытие

---

[1] Мирзо Сангмухаммади Бадахши. История Бадахшана (тадж.). - Душанбе: Дониш, 2007. - С. 6.

[2] Матвеев, П. П. Поездка Г.Ш. подполковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году / П. П. Матвеев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 5. - С. 25.

[3] Додхудоева, Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева). - С. 361.

транспортного сообщения со столицей заставило жителей Горного Бадахшана обратиться к наследию предков. Они стали вновь заниматься шерстопрядением, вязанием жемперов и головных уборов, другими ремеслами. Вязали джурабы, которые продавали соседям из Узбекистана и Киргизии и на вырученные деньги покупали продукты - муку, сахар, масло и пр. Раньше, когда родители говорили про ужасы Великой Отечественной Войны, казалось, что они рассказывают сказки. Теперь все это приходилось видеть своими глазами, хотя войны отличались - тогда была война с интервентами, теперь братоубийственная.

В советскую эпоху, начиная с 1940-х годов, по мере строительства путей сообщения и завоза в эти места готовых тканей и одежды фабричного изготовления объемы этих отраслей ремесленного производства сокращаются, за исключением отдельных видов предметов одежды (чекмени, джурабы и т.п.). В отдельных случаях они постепенно становятся изделиями сувенирной продукции.

Таким образом, изучение материалов, собранных исследователями, показал, что в традиционном быту таджиков ГБАО важное место принадлежало ремеслам, связанным с изготовлением одежды - текстильным занятиям и портновскому делу. В дореволюционный период наиболее активность этих отраслей ремесла наблюдалось в холодные месяцы года, чему способствовали, как суровый климат региона, так и природные условия, надолго прерывавшие связь между населенными пунктами. Домашные ремесла практиковались во всех хозяйствах, вместе с тем, имело место отчетливо наблюдаемая специализация ремесла между мужским и женским населением. Существовала и районная специализация по виду перерабатываемого материала, обусловленная опять же природно-климатическими условиями конкретных районов. Хлопкоткачество было особенно развито в Дарвазе, очагами встречалось в Вандже и Язгулеме. В отличие от этого, переработка шерсти было распространено во всех районах региона, что естественным образом нашло отражение в одежде жителей. Производство шелковых тканей для

данного высокогорного края было нехарактерно. Исследователи подчеркнули, что среди традиционных ремесленных занятий наиболее распространенным было вязание шерстяных узорчатых чулок - джурабов. Другая сфера применения национального орнамента - вышивка была особенно развита среди дарвазских мастериц. В советский период, особенно начиная с 1940-х годов, по мере поступления в регион фабричных изделий, текстильные и портновские занятия пришли в упадок, причем со временем отдельные ремесла прекратили существование. Наряду с этим, некоторые рукоделия, прежде всего изготовление вязаных джурабов, показали живучесть и распространены до настоящего времени.

2.2. Исследование семантики декора традиционной одежды таджиков ГБАО

Вопросы семантики оформления народной одежды, характерной для таджиков этого региона, нашли отражение в трудах Оле Олуфсена, А. А. Бобринского, М. С. Андреева, А. З. Розенфельд, Л. Н. Додхудоевой и некоторых других исследователей, а совместная публикация П. Киматшоева и В. Алидодова[1] и вовсе целиком посвящена этому вопросу. По их заключению, в ней этнознаковые особенности проявляются весьма ярко, как в цвете, так и в орнаменте.

По наблюдениям Оле Олуфсена, здесь, в частности в Вахане, в выборе одежды отдавали предпочтение светлым оттенкам. Независимо от возраста, пожилого или среднего, данный выбор служил знаком того, что у владетеля одежды имеется определенный эстетический вкус. Кроме того, подобная одежда повышала статус человека в глазах окружающих[2].

---

[1] Киматшоев П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира / П. Киматшоев, В. Алидодов. – 2-е изд. – Хорог, 2011.

[2] Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 69.

Известный советский лингвист А. З. Розенфельд зафиксировала символику цветов. Белый цвет в одежде считался символом доброты, счастья и достатка. Это положение нашло отражение, в частности, в образе демонического существа Вайд, почитаемого в Рушано - Шугнанском регионе, в том числе в Бартанге. В нем видели духа - покровителя домашнего очага, живущего в заброшенных строениях или пустынных местах. Считали, что это существо могло быть мужчиной (Вуйд) или женщиной (Войд). Оно являлось по ночам и посещало лиц противоположнего с ним пола - Войд мужчину, Вуйд - женщину. Приходило оно в белой одежде и якобы приносило с собой счастье и богатство[1].

М. С. Андреев подчеркивал, что обязательно белым должен быть и саван, который изготавливают из хлопчатобумажной материи. В прошлом в отличие от равнинных районов, где тело покойника обертывали в такую материю три раза, на Памире производилось лишь одно обертывание. В исключительных случаях дозволялось использование для савана шерстяной домотканины, но и она должна была быть белой[2].

В Горном Бадахшане каждая долина, район имеет свои предпочтительные цвета. Так, в Дарвазе предпочтение отдается желтому цвету, в Рушане и Шугнане - темно-красному и белому, в Вахане - светлым оттенкам красного. До революции особые цвета были свойственны долинам Бартанга и Вахана, что, возможно, было связано с их отдаленным расположением и более устойчивыми традициями, являвшихся пережитками зороастризма. Так, на крыше дома ушедшего из жизни было принято положить кусок красной ткани. После первой стрижки ребенка его волосы заворачивали в красную тряпку, которую затем привязывали к ветке дерева с плодами. В этом выражалась пожелание ребенку расти здоровым и стать многодетным. В целом, красный цвет в Вахане

[1] Розенфельд, А. З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (В связи с легендой о “снежном человеке”) // СЭ. - 1959. - № 4. - С. 62.

[2] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 1-2. - Бишкек: ОсОО «Джем Кей Джи», 2020. - С. 188.

считался сакральным, его наделяли свойством предотвращать нанесение зла джинами и нечистой силой.

На празднике по случаю обрезания на мальчика надевали красивый чапан, поверх которого завязывали пояс с вышитым геометрическим узором. Особо нарядные пояса украшали, кроме вышивки, белыми пуговицами и бисером. Эти детали украшения имели защитную функцию.

Семантические положения особо отражались в колористике свадебного костюма. В Вахане жених наряжался в белую рубаху, украшенную пестрой вышивкой. Он обувался в мягкие сапоги - *чамус* / *шишк* красного цвета. Сапоги привязывали к ноге у щиколоток плетеными завязками белого или красного цвета. На голову наворачивали чалму из куска белой хлопчатобумажной материи. Чалму надо лбом украшали брошью - *чама*. Верхней одеждой состоятельного жениха служил белый шерстяной чекмень.

На ноги жениха надевали *джурабы* или *бурдж*, на кисти рук - вязаные рукавицы с узором *синаи боз* (грудь сокола”). Жених и невеста держали в руках носовой платок из материи красного цвета, края которого имели плетения из белой нитки и подвески из бисера и *кнокача*. На платке вышивали надпись «Со свадьбой», «Будьте счастливы». Лицо жениха обмазывали куркумой (желтым имбирем), так как желтый цвет символизирует тепло. Глаза жениха подводили сурьмой.

Мешочек для сурьмы и зеркала - *оинахалта* шили округлой формы прежде из однотонной материи и украшали вышивкой. Позже его стали делать шелковой - из канауса или атласа. К нему подвешивали и внутри него держали стручок перца, выполнявшего роль оберега. Этот предмет входил в число обязательных принадлежностей невесты. В повседневной жизни им пользовались женщины всех возрастов, включая пожилых.

В Бадахшане получили распространение плетеные шерстяные шнуры красно-белого цвета, которые имели широкую область применения. Их использовали в качестве завязок для детской колыбели, обуви, для украшения

музыкальных инструментов и пр. Они встречаются и в современной моде - их молодежь носит в виде браслета.

Если есть рекомендуемые цвета, существуют и запретные. Согласно М. С. Андрееву, в Бартанге не использовали в текстильных целях шерсть овец черного цвета. Здесь считали, что такой цвет приносит несчастья. Следует подчеркнуть, что крашение шерсти в Бартанге не использовалось. Вместе с тем, черному цвету приписывалось и защитное свойство. Как пишет этот же исследователь, хуфцы, получив известие о смерти какого-либо односельчанина, сразу же смазывали новорожденному правое ухо золой с наружной стороны. Такая мера была призвана предотвратить призыв ребенка со стороны умершего к себе в могилу[1].

В декоре нарядной и праздничной одежды важную роль играли шерстяные чулки, орнамент, которых отличается, как тонко заметил граф А. А. Бобринской, “своим особым опечатком, своим собственным стилем, стилем горных таджиков”[2]. В узорах встречаются всевозможные мотивы геометрического, растительного, зооморфного и астрального орнаментов. По мере движения от равнинных районов к горным, значение геометрического орнамента возрастает. Даже растительные мотивы вследствие усиления степени стилизации приобретают геометрический характер.

Рассмотрим символику отдельных декоративных мотивов.

В изделиях из бисера главными элементами композиции являются разноцветные ромбы. Они могут быть полыми или заполненными сплошь. В последнем случае это отличные по цвету и вписанные один в другой три-пять фигур. Центр внутреннего ромба заполняет крест или квадрат, а иногда – отчетливо выраженная свастика. Центральный элемент композиции размещается в месте соединения двух полос, которое по задумке приходится на нижнюю точку выреза ворота. Данная фигура - медальон представляет собой опять же ромб, однако более крупный и более тщательно обработанный.

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. - Бишкек, 2020. - С. 76.
[2] Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – С. 18.

Внутри главного ромбического медальона – другой ромб, к углам которого примыкают кустики, стилизованные на геометрический манер. Очевидно, эта фигура изображает медальон. Разные звенья композиции соединяются системой параллельно идущих прямых линий, образованных нанизкой одноцветного бисера.

Часто такое нагрудное украшение собирают из бисера двух цветов – красного и белого. Очень красивым выглядит бисерное украшение, составленное из сочетания трех традиционных цветов – зеленого, белого и красного.

Бисерное украшение используют также в качестве браслета, который охватывает запястье. Иногда по ладони части изделия доходят до оснований пальцев. Из бисера собирают и ожерелье, которое плотно охватывает шею.

Мотив горошка *крошик* (вах., шугн.-руш. - *махорджак*, тадж. - *нахӯдак*)[1]. Горох составлял один из главных продуктов питания горцев. Из толченного гороха пекли лепешки *махорзин гардза*, в зернах его применяли для приготовления похлебки *махин-ош*. Орнамент представляет собой четыре жирные точки (горох), размещенные внутри ромбовидного боба. Этот мотив повторяется вертикальными рядами, между которыми пропущена пара прямых линий. Горошины изображаются черными и коричневыми цветами. Рисунок стилизованный, если учесть, что вытянутая форма боба лишь отдаленно напоминает ромб.

Заслуживает также внимания символика композиции из ромба с точками. В знаковой системе таджиков ромб несет в себе идею плодородия. У земледельческих народов еще в первобытном обществе эта геометрическая фигура ассоциировалась с женским началом[2]. Нахождение внутри ромба одной или нескольких точек олицетворяет идею материнства.

---

[1] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира / П. Киматшоев, В. Алидодов. - Хорог, 2011. – С. 10.

[2] Василенко, В. М. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X - XX вв. - М.: Советский художник, 1974. -. - С.83.

Мотив “колосья пшеницы” *родз* (шугн.-руш.). Согласно народным поверьям, у пшеницы райское происхождение. К этой культуре земледельческие народы проявляли особое отношение. Пшеница и изделия из нее воспринимались как нечто святое. В народном декоративно-прикладном искусстве пшеницу изображали посредством параллельных колосьев, варьируя цвета. Нередко на месте слияния двух противоположно расположенных колосьев показывают крупное зерно. Колосья символизируют сплоченность и богатство, зарождение жизни после гибели. Зерно пшеницы символизирует достаток, плодородие и жизнь.

Изображение розы *садбарг*[1]. Роза - наиболее излюбленный цветок у таджиков. Круглая роза и розетка называется *гули садбарг* («столепестковая роза») и, кроме того, обозначается через округлые предметы быта, например, *пиёла* («чашка»). Большая розетка обозначается как *лаъли* («поднос») или же *коса* («миска»). В этих названиях не отражаются древние магические понятия, вместе с тем нельзя исключить также астральное значение узора. Композиция розы в виде кругов может иметь не только разные диаметры, но и разную разработку (сплошной, ажурный). Для полосок характерно расположение внутри них растительного орнамента по рядам. Популярно было размещение розеток в два ряда. На направленность композиции указывает средняя полоска в виде кустика, от которого попарно отходят веточки, или же ленточки, завершающиеся раструбом. Отходящие от кустика веточки обращены поочередно вниз или вверх.

На изделиях изображение розы напоминает разделенный пополам цитрусовый плод, в котором четко разделены дольки. Для этого из центрального кружочка исходят меридианы, делящие площадь круга на восемь частей. Розетки разных цветов располагаются в поперечный ряд, который сверху и снизу окаймляют полоски с перлами.

[1] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 10.

Изображение деревца *драхтик* (вах., шугн.-руш. - *дерахтак*[1], тадж. - *дарахтак*). Основан на мотиве составляет ромба, от каждого угла которого отходят усики в форме рогов барана, изогнутых в разные стороны. По сути, это стилизация плана (вид сверху) небольшого деревца, возможно кустарника - шиповника - *хор* (тадж. *хуч*), облепихи *гала шуд* (тадж. *ангат*), барбариса *загир* (тадж. *зирк*) или можжевельника.

В древности культ дерева имел тесную связь с семантикой главного бога зороастризма Ахура-Мазды (авестийский «yazd» – «бог, высокое дерево»). Согласно Дж. Фрезеру, «дерево ассоциировалось с величайшим из богов»[2]. В «Авесте» Мировое древо служит опорой солнца и воплощением Богини-матери[3].

Кусты шиповника и облепихи распространены тут повсюду, растут плотно и во многих местах их ветки густо переплетаются и затрудняют проход для пешеходов и всадников. Разные сорта памирского шиповника имеют цветы различной окраски. Соответственно, это отражается на колорите декора местных рукоделий. Шиповник цветет преимущественно весной, однако разнообразие форм, колорита и запаха цветков особенно примечательно летом. Шиповник произрастает даже там, где другие растения выжить не могут: на ледниках и камнях среди скал. Кусты барбариса осенью напоминают костры. Их ягоды и листья использовались для изготовления напитка.

“Гриб” (вах. *хурғиш*, шугн.-руш. *чижорж чиджертс*). Изображается в виде спаренных наконечников стрелы. Символизирует землю и то, что из нее происходит.

---

[1] Там же. – С. 11.

[2] Фрезер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. - М., 1986. - С. 156; Кагаров, Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады АН СССР. - Серия В. - № 15. - М., 1928. - С. 331.

[3] Бобринской, А.А. Орнамент горных таджиков Дарваза. - Табл. 1, 2, фиг. 1; табл. 3, фиг. 2; табл. 7, фиг. 2; табл. 8; Андреев, М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи. - С. 16, рис.12; Дьяконов, М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. - М., Изд-во АН СССР, 1954. - С. 105, табл. VII, IX, X, XI.

А. А. Бобринской особо остановился на значение арчи в орнаменте Бадахшана. Он писал, что *амбахчак* (“ёлочка”, тадж. *арча*)[1] можжевельник, подобно кустарникам, - один из самых распространенных растений, который вносит значительный вклад в предотвращение эрозии горного покрова. Для Памира он считается главным деревом. В высокогорьях встречаются невысокие *арчи*, растущие над ледниками и выше кустарников и трав. В низинах гор это дерево довольно мощное, нередко его ствол закручен спиралью.

Можжевельник является вечнозеленым хвойным деревом, прекрасно оживляющим местную природу. С другой стороны, в *арчовых* рощах господствуют прохлада и специфический густой запах. Высохшие стволы деревьев образуют необычные, парадоксальные фигуры, похожие на птиц и зверей.

Поражает возраст *арчи*, которая живет тысячу и более лет. Это дерево традиционно служила топливом, запах дыма горящего в очаге дерева - одна из характерных черт этого региона. *Арча* часто встречается в археологических памятниках Памира как материал перекрытия могил эпохи бронзы и сакских могил середины I тысячелетия до н. э.

Зооморфные узоры. *Товуспар* (“перо павлина”). Павлин был излюбленным персонажем легенд, литературы, искусства и религии. По всему миру состоятельные люди стремились иметь павлина у себя дома, ибо он был показателем роскоши. Перья этой птицы украшали шляпы и шлемы рыцарей, у девушек их наличие среди украшений вызывало зависть подруг. П. Киматшоев и В. Алидодов считают, что жители Памира врядь ли имели дело с павлинами. Тем удивительнее видеть этот мотив в местном орнаменте. Считается, что данная декоративная тема здесь появилась согласно рассказам тех местных жителей, которые побывали в Индии. На основе устной информации мастерицы смогли добиться точного востпроизведения формы перьев и их цветового оформления[2].

---

[1] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 11.
[2] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 11, 13.

В культуре таджиков изображение павлина (*товус*) было олицетворением бесконечного разнообразия мира[1]. Согласно Ш. Шукурову, «если в иранской домусульманской традиции павлин и его изображение символизируют богиню Анахиту, то в мусульманской традиции образ павлина в обеих ипостасях (положительной и отрицательной) привязан к истории грехопадения Адама и Евы…»[2]. В эпоху средневековья мистики этот символ использовали для выражения своих мистико-философских откровений.

Н. Хакимова детально описала семантику образа павлина. Наиболее популярными изображениями были мотивы перьев и крыльев павлина. Павлинье перо символизировало высокие нравственные помыслы. Орнаментальные узоры с павлином *паи товус* (“след павлина”), *панҷаи товус* (“лапка павлина”), *думи товус* (“хвост павлина”), *пари товус* (“павлиньи перья»). Перья напоминают пышный цветок, трактованный в профиль, а глазок в конце пера указывает на павлина. Этот узор имеет разнообразные очертания, амёбообразную форму или вид веточки цветка. Распушенные перья хвоста павлина порой заканчиваются округлыми или ромбовидными завитками. Перья птиц символизируют духовность в материальном образе[3].

«Тигриная коготь» (*дыгӯри планг*) - мотив из вертикальных рядов элемента в виде летящей птицы с изогнутыми крыльями. Отважный хищник зимой решалтся спуститься с гор и совершать налеты на селения, нападать на людей и домашных животных. Бадахшанские мастерицы в джурабах не воспроизводили фигуру тигра с его гибким мускулистым телом, зато охотно вывязывали форму его сильных когтей.

Скорпион (*гаждумак*)[4] - опасное насекомое, ядовитое жало которого, несмотря на его маленькие размеры, вызывает мучительную боль, и даже

---

[1] Иерусалимская, А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. - Л, 1972. - С. 28, 42, рис. 14,1; 15.

[2] Шукуров, Ш.М. Искусство средневекового Ирана: Формирование принципов изобразительности. - М.: Наука, 1989. - С. 31-32.

[3] Хакимова, Н. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX - XX веках. - Душанбе, 2018. - С. 108, 124.

[4] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 13.

смерть. По сути, это насекомое служит символом зла и смерти, однако издревле к нему проявляли особое уважение. Появление его изображения на *джурабах* можно связать с верой населения в то, что скорпион отгоняет злых духов, предохраняет от зависти и ненависти[1].

По семантике орнаментальный узор с изображением скорпиона можно отнести к числу зооморфных орнаментов. Термином *газанда* («гады») в основном обозначался скорпион. Стилизованный узор изображает тело скорпиона с отходящими и загибающимися в обе стороны «хвостами». Скорпионы, как и змеи, ящерицы, лягушки (шугн.-руш. *хирбиджак*, вах. «мутк»), согласно традиционным воззрениям зороастризма, считались вредными тварями[2].

Мотив «след волка» (вах., *шапт пад*, шугн.-руш. - *вурдж бидх*)[3]. Отпечаток стопы волка в виде композиции из пяти деталей, из которых четыре примерно одинаковы по форме (неправильный овал с выступающим когтем). Они отстоят от большой опорной подушечки - пятиугольника со сглаженными углами. Изображение следа волка символизировало упорство, дерзость, умения, т.е. похвальные качества, присущие этому животному. В Бадахшане стаи волков постоянно сопровождали стада архаров и истребляли последних в большом количестве[4].

Мотив «след кошки» (вах. *пиш пад*, шугн.-руш. - *пиш бидх*) соответствует узорам “след тигра” и “след волка”. Символика кошки довольно противоречива. С одной стороны, она олицетворяет такие положительные качества, как изящество, грация, свобода, проворность, неуязвимость, с другой - неприятные свойства разврата, притворства и гнева.

Вместе с тем, в зороастризме кошка наряду со змеями и насекомыми причислена к нечистым животным. Она - порождение бога зла Ахримана.

---

[1] Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. - С. 511.

[2] Чунакова, О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. - М.: Восточная литература, 2004. - С.109-112.

[3] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 14, 16.

[4] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 53.

Однако в исламе отношение к кошкам благожелательное. Ей дозволено даже заходить в мечети.

Мотив «след медведя» (вах. *ноґурдум пад*, шугн.-руш. - *юрк бидх*)[1]. С медведями жители имели дело на летовках. Нередко женщины там встречали следы этого грозного животного. Здесь довольно часто встречались бурые медведи ростом меньше, чем их российские собратья[2]. На *джурабах* мотив зверя вывязывается в виде четырех ромбовидных фигурок, скомпонованных внутри большого ромба.

Мотив “четырехглазый” (шугн.-руш. *цавордзем*, вах. *цбырчӯжм*)[3] олицетворяет собаку местной породы с черными или белыми пятнами над глазами, которые принято воспринимать как вторую пару глаз. О. В. Вовк указывает, что такую собаку наделяли особым чутьем, способностью видеть духов и оберегать своего хозяина. Она - символ защиты, преданности и верности. По преданию, четырехглазая собака никогда не спит. Даже если закрывает глаза, она бдительна, ее вторая пара глаз всегда открыта и видит сверхестественное[4].

А. Успенская подробно описала значимость собаки в зороастризме, где она считалась священным животным, символом правды и очищения. Согласно поверьям, собака отгоняет нечитую силу (дэвов) и трупную скверну (друдж). В Авесте ей посвящены фрагарды (разделы) 13, 14 и 15 “Видэвдата”. С этой темой связаны отдельные фрагменты и в других фрагардах. Собака считалась творением Ахура-Мазды, ее нельзя бить или обижать, отнимать у нее еду или, тем более, убивать. Нарушителя этих заповедей ждало жестокое наказание в аду. Конкретное содержание такого наказания раскрыто в “Книге праведного Вираза”. В фаргарде 8 описывается ритуал “сагдид”, связанный с четырехглазой собакой желтого цвета. Ее взгляд на покойного прогонял жуткого дэва трупного разложения. Четырехглазой собаке следовало дать

[1] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 14.
[2] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 53.
[3] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 14.
[4] Вовк, О. В. Энциклопедия знаков и символов. - М.: Вече, 2006. - 528 с. - С. 227-228.

возможность пройти несколько (три, шесть, девять) раз по дороге, которой пронесли покойного. В результате эта дорога вновь становилась чистой[1].

Не менеепопулярный мотив назывался “куропатка” (шугн.-руш. *заридзак*, *заридз нил*, вах. *чкӯр*).

Мотив “след воробья” (вах. *мингас пад*, шугн.-руш. - *видхич бид*) в процессе эволюции и стилизации обрел растительный характер, т.е. его элементы во многом схожи с растительным орнаментом «трилистник» (вах. *труйбарга*).

Мотив «дракон» (шугн.-руш. *видхич бидх*, тадж. *аждахопайкар*)[2] имеет вид ромба, углы которого заканчиваются парами усиков, изогнутых в две стороны. Иногда на двух противоположных углах между усиками размещают детали, похожие на прямолинейные побеги. Также встречаются образцы с дополнительными одиночными усиками, расположенными между угловыми усиками. Как правило, посередине ромба размещают свастику.

Были также популярны мотивы «след коровы» (вах. *гыв пад*, шугн.-руш. - *жхов бидх*), «ягненок» (шугн. *миджхиджак*, вах. «вурк»), “пустой желудок” (вах. *бедурик*, шугн.-руш. *бедирак*).

Среди них особое место принадлежит мотивам «самшит, свастика» (шугн.-руш. *шамшод*, вах. «самшоди») и «свастика с огнем» (шугн. *шамшодат алов*). Жители Горного Бадахшана считают свастику символом четырех стихий природы - воздуха, воды, огня и земли, представленные в их вечном движении. Свастика - символ возникновения и круговорота жизни. Как правило, свастику изображали в комбинации с другими элементами узора. Другое (таджикское) название узора - *ориёнситора* (арийская звезда»)[3]. По утверждению А. А. Бобринского, ваханцы утверждали, что этот узор заимствован от образца, находящегося «под корой на стволе известного дерева» [4].

---

[1] Успенская, А. Зороастризм за 90 минут / А. Успенская. - М.: АСТ; СПб: Астрель-СПб, 2006. - С. 83-86.

[2] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 15-16, 21.

[3] Там же. – С. 16-17.

[4] Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 85.

Мотив *гардовак* по форме напоминает букву Z. Ее мастерицы также называют «Z-як» (букв. «похожий на Z»). П. Киматшоев и Алидодов считают, что истинные названия и смысль этого узора забыты.

В Шугнане и Рушане мотив «вертушка» имеет вид лежащей буквы S и называется. *неджхиджак*, а мотив «звездочка» носит название *хетерджак* (шугн.-руш.). Термин *ведхипч* в бартангском диалекте означает «падающая звезда».

А. А. Бобринской считает, что мотив огня (тадж. *алов*)[1] важен для всего мира. Еще до появления зороастризма здесь было распространено огнепоклонство, отголоски которого дошли до наших дней. Стилизованное изображение огня можно было встретить на Памире повсюду, более того, этот узор для местных мастериц был одним из самых излюбленных. Вероятно, это связано с тем, что в этом холодном крае лицезрение явления, напоминающего огонь, согревало и душу, и тело. В изображении огня использовалась комбинация всевозможных цветов, как теплых, так и холодных. Их совместное использование позволяло показать на контрасте яркость и блеск лучей огня.

Разновидностями данного узра являются *дарвозадор алов* (шугн.-руш. «огонь с воротами») и *дзылик алов* (шугн.-руш. «маленький огонь»).

Мотив «ваханский узор» (вах. *хикворгыл*, шугн.-руш. *вахеджгыл*)[2] представляет собой рисунок геометрической фигуры, контуры которой повторяют план (вид сверху) буддийской ступы, сохранившейся в селении Вранг Ишкашимского района. Отсюда и название орнамента. Это ступеньчатый восьмиугольник, образованный из горизонтальных и вертикальных линий, внутри которого размещен шестиугольник другого цвета с точкой посередине. С двух сторон шестиугольника показаны горизонтальные отростки.

Мотив «из Рошорва» (шугн.-руш. *рошорви*) назван в честь селения, расположенного в долине Бартанга Рушанского района, откуда происходит орнамент. Он представляет собой парные цветочки, расположенные внутри

[1] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 19-21.
[2] Там же. – С. 22-23.

вытянутого шестиугольника с двумя противоположными длинными вогнутыми посередине сторонами. Цветочки имеют общий корень и направлены в противоположные стороны. Каждый цветок состоит из двух симметричных листиков и бутон.

Мотив «из Читрала» (*читрали*) назван в честь долины Читрал в Северном Пакистане. Две системы прямых линий, пересекаясь между собой, образуют косоугольную сетку. Места пересечения этих линий занимают ромбики другого цвета с точкой посередине. Внутри каждой ячейки сетки четыре змеевидно изогнутых линии вместе образуют фигурный прямоугольник, посередине которого размещен ромбик указанного вида.

Встречаются узоры растительного характера, которые по форме напоминают сосуды. Таким является, в частности, орнамент *лут* (вах. “кувшин”, шугн.-руш. - *чойджуш*). Узор относительно большого размера в Шугнане и Рушане принято называть *катагул* («крупный цветок»).

В местном орнаменте широко встречается мотив лука (шугн.-руш. *занкамунак*)[1]. Различные очертания лука находили применение в качестве орудия охоты, инструмента для трепания шерсти, приспособления для приоткрывания лица невесты во время свадебного ритуала, а также детской игрушки. Рисунок в какой-то степени напоминает стилизованный лук, хотя в такой же мере его можно принять за изображение цветка или даже человека, кисти согнутых и расставленных рук которого находятся у бедер.

В. Н. Басилов (1937-1998) и И. С. Брагинский (1905-1989) указали, что данный мотив имеет глубокие исторические корни[2]. Такой рисунок встречается и на абровых тканях Худжанда, где его называют *момо* («бабка» - дух, женщина - покровительница), образ которой связан с зарождением мира и его обновлением. О. А. Сухарева (1903-1983) отмечает, что в представлениях таджиков о духах *момо* обнаруживаются следы архаического культа женских предков, на что указывает это название (бабка). *Момо* считалась покровитель-

[1] Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира. – С. 24.
[2] Басилов, В. Н. Момо / В. Н. Басилов, И. С. Брагинский // Мифы народов мира. - М.: «Олимп», 1997. - С. 367.

ницей женских профессий (прях, повитух и т.д.). С этим образом имеют тесную связь представления, связанные с духами предков *арвоҳ*. Они были покровителями ремесел и воплощением женского духа, персонифицируя явления природы в понятии *кампир*[1].

Момо выступает духом, покровительствующим рождению всего живого на земле, символом плодородия. Ю. А. Рыбаков (род. - 1946) пишет, что этот узор на первый взгляд производит впечатление огромного цветка, но в сложной композиции можно разглядеть характерные изломы ног и рук, т.е. определить позу рожающей женщины. Различный ряд изображений – натуралистический и магический, способствуют осмыслению представлений о *момо* как о духе - покровительнице деторождения. Еще в неолитическом искусстве был жив образ небесных хозяек мира, ниспосылавших на землю небесную воду[2].

Момо выступают в роли небесных хозяек мира и являются людям в образе созвездий Большой и Малой Медведицы. Они являются древнейшими божествами судьбы. Согласно народным представлениям, с рождением ребенка в небе загорается звезда, она и есть *момо*.

В целом, памирский орнамент - безграничный мир мотивов, символика которых тесно связана с природой, фауной и флорой региона, традиционным образом жизни населения, его мировоззрением. Однако отдельные названия орнаментальных мотивов были связаны и с другими источниками. Так, в Вахане принято называть конкретные виды узоров по имени мастерицы, которая впервые их использовала. Например, *нонорнакш* - по имени мастерицы Нонор.

М. Рузиев зафиксировал следующие виды узоров в ишкашимско-ваханских джурабах (*джириб*): куст - *бутта*, ковровый орнамент - *колингул*, свастика - *шамшоди*, павлин - *партовус*, утка - *мургоби*, спаренные рога -

---

[1] Сухарева, О. А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков // Труды Академии наук ТаджССР. - Т. 120. - 1960. - С. 204; Басилов, В. Н. Биби-Сешанбе // Мифологический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 95-96; Он же. Арвох // Мифологический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 59; Он же. Кампир // Мифологический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 272.

[2] Рыбаков, Ю. А. Русское прикладное искусство X-XIII вв. – Л.: Аврора, 1971. - С. 208.

кушкорак, черепашка - *арзонгул*, сетка косоугольная - *пусти мор*, скорпион - *каждум*, крупный узор - *кабири* и др. Исследователь отмечает, что часть этих мотивов заимствованы из арсенала оформления ковров, паласов и вышивок, завозимых в регион из Читрала, Кашмира и Хотана[1].

Во время полевых исследований он зарисовал отдельные образцы орнаментальных мотивов *джурабов* мастериц из селения Андероб в Ишкашиме. Один из вариантов представлен геометрическими фигурами, исполненными черным цветом на красном фоне. Основу орнамента составляет система букв прописных “Е”, иногда размещенной по горизонтали. Свободные участки между горизонтальными рядами таких “букв” заполнены концентрическими ромбиками, а свободные поля между “буквами” одного и того же ряда - ромбиками с точкой посередине.

Другая орнаментальная композиция состоит из толстых горизонтальных линий черного цвета, на которые посажены вытянутые по вертикали косые ромбики, острые углы которых оканчиваются завитками, причем верхные завитки идут влево, нижние - вправо. Узоры выполнены на белом фоне. Посередине каждого черного ромбика располагается красный крестик. Ряды точно таких же крестиков разделяют соседние горизонтальные цепочки ромбиков. Третий образец рисунка состоит из параллельно расположенных прямых линий, прерывающихся ромбиками. От двух противоположных углов отдельных ромбиков отходят динные завитки, а от середины их сторон - короткие отрезки.

М. Рузиевым также были сохранены примеры узоров ваханской вышивки, в том числе встречающиеся на тюбетейках *токи*. В частности, он привел эскизы мотивов кувшина *офтоба-гевок*, свастики *гули шамшод*, павлина *партовус*, утки *мургоби*, паука *гули-гунда* / *гуши-рубоба*, а также человекообразного мотива *одам-гул*. В этих мотивах отображается предельный уровень стилизации изображаемых объектов. В принципе, приведенные им

[1] Додхудоева, Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева). - С. 359-360.

рисунки павлина и утки отличаются незначительно и, на наш взгляд, их отнесение к той или иной птице чисто условное и зависит от мнения самой мастерицы. Рисунок «кувшин» есть не что иное, как вытянутый по вертикали мотив «утки». Рисунок, обозначенный как «паук» в виде наклонной буквы S более похож на стилизованное изображение скорпиона.

Море узоров представлено в шаблонах *нусха*, среди которых мастерицы выбирают элементы для составления композиций в процессе вышивки или вязки. Два образца таких шаблонов из ваханского селения Исор показывают, что среди орнаментальных мотивов растительные и геометрические узоры здесь применялись в равной мере.

Практика сохранения орнаментальных мотивов и их семантики в Бадахшане имела свои особенности. В прошлом орнаменты, украшавшие тюбетейку и джурабы, отличались между собой. Тюбетейки украшали простыми узорами, на джурабах орнамент был более сложным. Наши информаторы сообщили, что узоры являются личным творчеством мастериц, продуктом их фантазии и размышлений. Для того, чтобы затем не забыть его детали, составляли эскиз - *нусха*. Эскизы, нанесенные на бумагу, передавали на память из поколения в поколение. Каждая девушка была обязана научиться родовым промыслам прежде, чем выйти замуж.

Нусха является “памятью”, с помощью которой мастера и мастерицы воспроизводят узор на дереве, камне, поверхности стены, джурабах, тесемках и т.д. Как отметила молодая мастерица Гулшод Ошурова (1980 г.р.), *нусха* узора бывает двух видов - простая и сложная (вышивка выполняется справа налево). Воспроизвести сложный узор по силам не каждой мастерице. У ваханцев его называют *бгт*. Соответствующие навыки Гулшод освоила благодаря бабушке и свекрови. Эти навыки позволяют ей успешно вышивать любым узором, за который она берется.

Много ценной информации дала беседа автора с 75-летней Бегим Шохоновой, которая пользуется славой умелой мастерицы Ваханской долины. Она многие годы занимается вышивкой, плетением бисера, вязанием узорчатых

чулок, шитьем, а также прядением и плетением циновок. Эти навыки она приобрела у своей матери, а затем обучила им свою дочь и невесту. Считается, что в этих областях ремесленничества в Вахане нет ей равных. Говорят, что она обладает врожденным даром художницы. Умело выбирая цвета, мастерица быстро находит наиболее рациональную компоновку деталей узора, благодаря чему получаются превосходные композиции. Она знает имена и секреты мастерства ряда бывших известных ремесленниц, может часами рассказывать интересные истории женских промыслов и приводить ценные данные по этнознаковым функциям памирской одежды в целом, ее составляющих.

Касаясь темы древнейшей истории Бегим Шохонова рассказывает, что в те времена в Бадахшане не было тканей, и люди воспроизводили узоры на скалах. Со временем они научились делать одежду и обувь из шкуры животных - тулуп, *крӯст*, сапоги - *шӯшк* (вах.), у шугнанцев - *пех*, у дарвазцев - *чамус*. До революции в Вахане, пользуясь *нусхой*, украшали узорами пояс, налобную повязку *сарғуч*, тюбетейки, тесемки *шероз*, рукавицы, завязки на колыбель, плетеные шнуры для сапог.

Искусная мастерица Гулбегим Ёгибекова сохранила набор *нусха* 1989 г. Среди них есть как образцы классические, так и современные. С их помощью вышивают изящные узоры для околышей тюбетеек и налобных повязок *сарғуч*. Кроме того, иногда она занимается золотым шитьем. В орнаментальном поле среди деталей нередко введено имя мастерицы или девушки, для которой изготовлено данное изделие на память. Гулбегим Егибекова призналась, что рукоделие отличается значительной трудоемкостью, занимает много времени.

Гулбегим Ёгибекова рассказывает, что в 1993 г. ее сестра связала ей кофту и юбку из пряжи, изготовленной руками матери Бегим Шохоновой. Это были изящные изделия тонкой вязки. Все, кто видел, считали их изделиями фабричного производства. Для брата моя сестра связала на четырех спицах головной убор. Нитки были окрашены натуральными красителями, через них узор и петли заиграли новым светом. Это было время, когда в моде была поясная одежда, низ штанин которой украшали вышитые тесемки *шероз*.

Налобная повязка *сарғуч* предназначалась для невест и младенцев. Изначально ее шили из белой ткани. Она служила для защиты лба от холода. Для невест повязку начали украшать вышивкой, используя технику *чаппадӯзӣ* (вышивку производят на изнаночной стороне материи). В настоящее время воспроизводят преимущественно геометрический узор. Сохранилась *сарғуч* работы мастерицы Гулбегим Наджимхоновой из селения Ямчун, вышитая мягкими нитками. Очень удачно выбраны расцветки ниток. Эти нитки выдернуты из шелковой материи *шоҳӣ* / *қановез* (канаус).

Гулбегим Ёгибекова из Вахана делает налобные повязки, которые на концах украшены кисточками. Она изготавливает и украшает широкий ассортимент изделий, помимо *сарғуч*: поясной платок, носовой платочек, полотенце, вязаные чулки в разной технике (*джурабы, бурҷ, чорсихаи бартангӣ, нырипук*), нагрудник для рубахи, манжеты на рукава, мешочек для зеркала и т.п.

Пояс - *камарбанд* изначально имел функциональное назначение. Его использование позволяло избавиться от свисания полубортов халата, что было особенно необходимо при физических нагрузках, например, во время переноски дров. Со временем он получил широкое применение и даже стал обязательной деталью одежды, особенно мужской. В праздничном костюме использовался нарядный пояс, зачастую вышитый.

Инновационным для середины XX века является сумочка, сшитая из войлока с аппликацией, оформление которого зафиксирован М. Рузиевым[1]. Посередине использованного куска войлока расположена большая розетка, построенная на основе 12-лучевой звезды, взятой внутрь двойного круга. Посередине этой звезды показан круглый медальон в виде 6-лучевой звезды с разработанной внутренней площадью. От каждого угла основного поля композиции по направлению к розетке идет побег с двумя ответвлениями на конце, свернутые в виде парных рогов барана. Кайма изделия составлена в виде

[1] Додхудоева Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева). - С. 359-360.

бегущих волн. Контраст в изделии получен за счет использования двух цветов - коричневого и голубого.

Таким образом, в ГБАО сформировалась своя орнаментальная система символов и знаков, которая в наибольшей степени получила отражение в вышивке (платья, нашивные тесемки) и вязаных рукоделиях. В ней основное внимание уделялось изображению растительного и животного мира региона, предметам быта, природным явлениям и небесным светилам. При этом изображения предметов и фигур орнамента достигли максимальной степени стилизации. Мастерицы, воспроизводящие узоры, не пользовались услугами специальных художников. Они изображали виденное вокруг, олицетворяли в предмете свое мировосприятие, поверья, которые передавались из поколения в поколение. Большое значение имела передача изобразительного и технологического мастерства по наследству посредством каталога декоративных мотивов *нуха*.

ГЛАВА 3. НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ТАДЖИКОВ ГБАО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Мужской костюм таджиков ГБАО в историографии XX – начала XXI вв.

Народный костюм, как неотъемлемая часть национальной культуры, сложившейся на протяжении многих веков, включает в себя традиционный комплекс одежды, головных уборов, обуви, украшений, аксессуаров, которые находили и находят примение в повседневном и праздничном обиходе. Понятие “костюм”, будучи значительно шире, чем “одежда”, включает в себя и вопросы, связанные с прической и косметикой, а также идеалом красоты и связанной с этим аспектом характеристикой антропологических типов, свойственной данному народу и, внутри него, представителям конкретных районов проживания. В связи с этим, для упорядочения анализируемого материала, автором ниже указанные аспекты темы классифицированы.

Характерные типы и идеал красоты. Характеристики антропологического облика таджиков ГБАО, приводимые ниже, принадлежат разным авторам, представителям других народов, исследователям-этнографам и путешественникам. Они отражают взгляд со стороны, поэтому беспристрастны. Зачастую описания внешности составлены на основе сравнения коренного населения горных долин с другими народами, проживающими с ними по соседству.

Одним из первых, кто дал оценку облику таджиков, в том числе жителей Памира (на примере населения Тохаристана), был китайский путешественник VII в. Сюань-Цзянь. По его мнению, у жителей Тухоло (Тохаристана) лица обыкновенные и гнусные. Другими словами, он был отрицательного мнения о красоте таджиков, населявших этот регион, а также долину Ферганы и Уструшану. Однако, А. П. Шишов призвал учесть тот факт, что у китайцев

понятие о признаках человеческой красоты значительно отличается от такового, принятого в обществе арийской расы[1].

В свою очередь Э. Реклю, сравнивая таджиков, как жителей районов к северу от Гиндукуша, с их иранскими сородичами, писал, что первые более массивны и среди них встречается значительно меньше представителей, у которых тонкая и стройная талия[2]. Французский врач и антрополог П. Топинар отметил внешнюю схожесть жителей верховьев Амударьи с кашмирцами[3].

Сравнение сведений, почерпнутых у дореволюционных авторов, с антропологическими и этнографическими материалами середины и второй половины XX в., собранными В. В. Гинзбургом[4], Л. Ф. Моногаровой и другими исследователями, позволяет выявить некоторые изменения позиций и характера описаний таджиков.

Известно, что население Дарваза однотипно, так как подавляющее большинство жителей - таджики. Этот регион издревле был населен саками и тохарами. В. В. Гинзбург считал, что дарвазцы относятся к горному подтипу европеоидной расы Средней Азии. В них монголоидные черты выражены слабо. Основные их признаки: рост средний или чуть выше, широкая голова, высота и ширина лица средние, глубоко расположенные глаза, темные глаза и волосы. Горный рельеф способствовал формированию стройности и мускулистости их тела[5].

По словам Н. Н. Покотило, благодаря природной обособленности края, дарвазские таджики избежали иноземных влияний и смогли сохранить свою народность в чистом виде. Особенностью их типа он считает относительную белизну кожи, правильные и красивые черты лица[6].

---

[1] Шишов, А. П. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 100.

[2] Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая география / Элизе Реклю. - Т. 6. Азиатская Россия и Средне-азиатские ханства. - СПб., 1896. - С. 345.

[3] Топинар, П. Антропология Топинара / Пер. с французского. - СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1879. - С. 446.

[4] Гинзбург, В. В. Таджики предгорий // Сборник МАЭ. - Вып. 12. - 1949. - С. 277-332.

[5] Неменова, Р. Л. Население // Таджики Каратегина и Дарваза. - Вып. 1. - С. 47-50.

[6] Покотило, Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году // Известия ИРГО. - Т. 25, вып. 6. - СПБ., 1889. - С. 498.

С этими описаниями резко контрастирует антропологическая характеристика мужчин - жителей восточной части Дарваза, данная С. Д. Масловским. Хотя он признает могучесть их телосложения (развитая грудь, сильная мускулатура), но категоричен в своей отрицательной оценке других их качеств (некрасивые люди низкого роста)[1].

В конце 1940-х годов В. В. Гинзбург на основе антропологических исследований отметил, что таджики юго-западного Дарваза имеют рост выше среднего, а в центральных и восточных районах края - ниже среднего. Особенно низким ростом (161-162 см) отличались дарвазцы, населявшие долину р. Пяндж. Причем они являлись наиболее низкорослыми среди всех групп таджиков, за исключением городских жителей Бухары. Он отмечал также узкое лицо дарвазцев. В них монголоидные признаки В. В. Гинзбургом зафиксированы только в 2-5 %.[2]

Язгулемцы же С. Д. Масловским причислены к группе гальча (горные таджики) еврейского типа, причем в Язгулеме, как и в восточном Дарвазе, данный тип более выражен, чем в других местах обитания этой группы - верховьях Зеравшана, долинах Рашта и Гиссара[3].

Жителей долины Ванджа С. Д. Масловский уподобил общему типу дарвазцев, но у первых, как отметил он, в сравнении более светлые волосы и глаза. По его словам, они низкого роста и крепко сложенные, с невысоким лбом, темно-русыми редкими бровями, черными волосами, вздернутым толстым носом и толстыми губами. Другими их качествами он назвал часто встречающийся большой рот неправильной формы[4].

Антропологические материалы показывают, что ванджцы и язгулемцы представляют типичный европеоидный памиро-ферганский тип и, несмотря на приверженность к суннизму, имеют общее происхождение с другими

---

[1] Масловский, С. Гальча (Первобытное население Туркестана) // Русский антропологический журнал. - М., 1901. - № 2. - С. 28.
[2] Гинзбург, В. В. Таджики предгорий. - С. 329.
[3] Масловский, С. Д. Гальча (первобытное население Туркестана). - С. 21.
[4] Там же. - С. 31.

припамирскими иранскими народностями. Как пишет Л. Ф. Моногарова, им свойственны общие с таджиками корни этногенеза[1].

Согласно обобщенному заключению М. С. Андреева, типы горных таджиков, особенно с верховьев Пянджа, в сравнении с равнинными более близки европейским, что связано с лучшим сохранением в них арийской крови. По его мнению, если одеть некоторых из них в европейский костюм, они могут свободно сойти за русских или даже северных европейцев. Этому способствуют такие признаки, как высокий рост, стройность, рыжеватая или русая борода, карие глаза, светлый цвет кожи. Вместе с тем, для горцев этого региона более характерны черные или темно-русые волосы и глаза темно-карого или черного цвета[2].

М. С. Андреев приводит свое описание типов, населявших рушанские долины. Хуфцы были светлее своих соседей - баджуйцев, но темнее собственно рушанцев и шугнанцев. Карие глаза разных оттенков, около 10 % имела серые или голубые и около 5 % - черные глаза. Большая часть жителей Хуфа имели черные волосы, некоторые - русые и рыжие. В большинстве случаев волосы были прямыми, волнистые и курчавые встречались редко. Борода широкая, окладистая и слегка вьющаяся, как правило ее подстригали. Нос относительно крупный, у некоторых с горбинкой. Тело мускулистое и сильное. Толстяков в Хуфе не было. Жители долины Баджу были толще хуфцев, но менее сильными. У баджуйцев кожа при сравнении с хуфцами была более темной. 13 - 15 % баджуйцев были рыжими[3].

По оценке капитана Д. В. Путяты, внешне шугнанские мужчины мало отличаются от ваханских, у них плотное телосложение и рост чуть выше среднего[4]. Согласно В. В. Эггерту, который говорил о всех жителях Западного

---

[1] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 10-11.

[2] Андреев, М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения // Таджикистан. Сборник статей. - Ташкент, 1925. - С. 158-159.

[3] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. – С. 39-40.

[4] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. // Сборник географических, топографических и и статистических материалов по Азии. - СПб.: Военная типография, 1884. - С. 73.

Памира, здесь встречались отдельные мужчины, которых можно было назвать красивыми. Вопреки некоторым слухам, писал он, в этих местах вообще не было низкорослых[1].

В свою очередь Н. Л. Корженевский отметил, что правильные пропорции и статная фигура были причинами того, что вне зависимости от бедного одеяния мужское население Шугнана оставляло хорошее впечатление. Их манеры поведения и обшения, ловкость, остроумие и привлекательность очаровывали зарубежных собеседников. Причиной же нищеты было то, что местные жители подвергались грабежам поочередно со стороны местных миров, афганцев, киргизови чиновников из Бухары[2].

Б. В. Станкевич указывал, что благородство и порядочность памирского таджика сразу же бросались в глаза, когда рядом находился представитель киргизского этноса. Он на примере одного из рушанских предводителей Саркиора пишет, что таджикский горец благороден и отважен, имеет красивый облик и внешне напоминает самого красивого представителя кавказских горцев[3].

В. В. Гинзбург отмечал у рушанцев наличие узкого лица и рост несколько выше среднего (166 см), но чуть ниже, чем у жителей Шугнана (168 см). У тех и других, по его словам, отмечается полное отсутствие монголоидности. Шугнанцы среди всего населения Западного Памира имели наиболее широкое лицо[4].

С. Д. Масловским часть горцев Вахана причислена к группе гальча (горные таджики) славянского типа. Он назвал их светлорусыми, зачастую с рыжими волосами, глазами голубого или серого оттенков. По особенностям

---

[1] Эггерт В. В. Очерк Памиров (Сведения, собранные в Памирском отряде с августа 1896 года по июль 1897 года) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 76. - СПб., 1902. - С. 17-18.

[2] Корженевский, Н. Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста) // Исторический вестник. - № 2. - 1912. - С. 725.

[3] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича // Русский вестник. - 1904. - № 9. - С. 236-270.

[4] Гинзбург, В. В. Таджики предгорий. - С. 329-330.

телосложения эту группу жителей Вахана он уподобил крестьянам-великороссам[1].

Т. Э. Гордон находил ваханцев красивыми людьми, большая часть которых имеет правильные черты лица. У них часто встречаются светлые волосы и очаровательные голубые глаза[2]. И. П. Минаев подчеркнул их воинственность, смелость, выносливость[3].

Н. Л. Корженевский приводит описание ваханских таджиков как людей гибкого телосложения, высокого роста и европейской внешности. Они по виду и мягкому разровору оставляют хорошее впечатление[4].Э. Реклю назвал ваханцев красивыми в полном смысле этого слова, у которых тонкие черты лица вскрывают их персидский тип. Вместе с тем, по его словам, у жителей Вахана нередко можно встретить белокурые волосы и голубые глаза[5]. В. В. Гинзбург на основе собственных замеров указал на средний рост ишкашимцев и ваханцев, их узкое лицо и отсутствие монголоидности[6].

Состав одежды. Традиционная мужская одежда таджиков, проживающих в Припамирье, в сравнении с одеждой, распространенной в равнинах, имела как общие, так и отличительные черты. Так, одежда горца, как и равнинного жителя, состояла из нательной рубахи, штанов, верхнего халата. Однако мужское население гор носило в большинстве своем рубаху открытого типа или, другими словами, нижний (нательный) халат. Другая разница заключалась в том, что здесь одежда была более узкой. Кроме того, в горных районах в качестве материала для пошива одежды применялись главным образом шерстяные материи, в то время как на равнинах мужскую одежду шили по большей части из хлопчатобумажной ткани, а также полушелковой.

И. П. Минаев описал состав дореволюционной мужской одежды в Припамирье. Он включал в себя следующие предметы: рубаха без воротника и

---

[1] Масловский, С. Д. Гальча (первобытное население Туркестана). - С. 24.
[2] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир Гордона. - С. 23.
[3] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). - С. 193.
[4] Пэтэрс, П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. - М.: Наука, 1998. - С. 24.
[5] Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая география. - Т. 6. - С. 351.
[6] Гинзбург, В. В. Таджики предгорий. - С. 329.

штаны. Они были шерстяными, иногда - хлопчатобумажными. Чекмен (шерстяной халат) служил верхней одеждой. На ноги надевали вязаные шерстяные чулки, иногда сразу две или три пары. Поверх чулок обувались в мягкие кожаные сапоги, голенища которых достигали голени ног или до колен. Низ штанин заправляли внутрь чулок. Чекмени повязывали поясным платком. В холод отдельные мужчины пользовались платком в качестве шарфа или надевали до трех чекменей[1]. Другие зимой поверх чекменя надевали тулуп. На голове носили вязаный колпак. Такой головной убор летнего варианта был из хлопковых нитей, зимой - из шерстяных.

А. А. Бобринской указывал, что одежду дарвазцев составляли преимущественно полосатый хлопчатобумажный халат и широкие белые штаны. Голову покрывали тюбетейкой, на ноги надевали шерстяные чулки и мягкие кожаные сапоги. Здесь, подобно костюму равнинных районов, народному костюме был присущ пестрый окрас[2].

Согласно Б. Л. Громбчевскому, в Калаи Хумбе в теплое время года мужчины ходили в рубахе и штанах из хлопчатобумажной материи кустарной выделки белого цвета, голову покрывали красной тюбетейкой или чалмой. В качестве верхней одежды здесь использовались по большей части красные халаты из русской мануфактуры - кумача или ситца. Обувью служили мягкие сапоги без каблуков - *чоруки*[3].

Еще в XIII в. италянский купец Марко Поло наблюдал, что в Бадахшане в качестве одежды служили шерстяные и кожаные изделия. В те времена кожа использовалась больше, чем ткани, так как сукно стоило дорого[4].

Как следует из сведений русского антрополога С. Масловского, посетившего в 1895 - 1899 гг. Западный Памир пять раз, следует, что

---

[1] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). - С. 192.

[2] Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – С. 8-9.

[3] Акрамов, Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. - Душанбе: Ирфон, 1974. - С. 55.

[4] Поло, Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. - С. 406.

язгулемцы[1] до конца XIX в., вероятно, еще не видели европейцев. Здесь уместно заметить, что указанный ученый в своей статье “Гальча (Первобытное население Туркестана)» уподобился некоторым другим европейским исследователям края, которые для подчеркивания превосходства европейцев по отношению к азиатским горцам, позволяли себе определенную степень некорректности и пристрастия. Так, по словам С. Масловского, язгулемцы ему сильно напоминали представителей первобытного общества. Дети ходили совершенно голыми, лишь некоторые из них имели тряпичную обвязку вокруг бедер. Отдельные мужчины были одеты в халаты, а на голове носили чалму. Другая часть мужчин ходила полуобнаженными, на их плечи была наброшена шкура животного. Они имели в руках охотничий лук[2]. Как видим, по его оценке, дореволюционные жители Язгулема были своего рода “туземцами”, далекими от мира цивилизации. Хотя нельзя исключить и того, что для привлечения большего числа читателей он преследовал цель придать своему произведению приключенческий окрас в стиле “Робинзониады”.

Очевидно, в это время состав одежды жителей Язгулема, как и Ванджа, в целом, был таким же, как в соседних регионах - Дарвазе и Рушане. По утверждению Л. Ф. Моногаровой, до 1947 г. в Язгулеме почти все население шило для себя одежду из хлопчатобумажной домотканины *карбос*. Спустя два года местные магазины уже были в состоянии вполне обеспечить их фабричными тканями[3].

Что касается жителей Ванджа, по материалам, собранным А. З. Розенфельд, из-за незначительного количества хлопка местного производства они приобретали хлопчатобумажные ткани по большей части в Дарвазе, а ткани фабричного изготовления привозили с собой отходники, уезжавшие на заработки в Фергану. По этой причине в Ванче ткани были дорогими[4].

---

[1] Язгулемцами он назвал народность, населяющую нижнее течение р. Язгулем. В верхнем и среднем течении этой реки, по его словам, жили таджики.

[2] Масловский, С. Гальча (Первобытное население Туркестана). - С. 22.

[3] Моногарова, Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.). - С. 99-100.

[4] Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча. - С. 396.

Рушанские мужчины ходили в белых или коричневых халатах, широких суконных штанах, сапогах *пех* и головном уборе (колпаке или тюбетейке). Домашнее сукно отличалось хорошим качеством. Хлопчатобумажные ткани в мужской одежде не использовались, они служили только материалом для женской одежды. В одежде мужчин яркие цвета почти не встречались. По словам В. А. Баньковского, первые халаты в Рушане появились лишь с приходом русских. Вероятно, он имел в виду халаты европейского покроя - камзолы[1].

Отсутствие инноваций в дореволюционном костюме таджиков Бадахшана объясняется относительной бедностью населения. Хотя Н.Л. Корженевский, очевидно, перебарщивая, писал, что нужда заставляла людей носить белый халат так долго и непрерывно, что он приобретал серый цвет[2]. Действительно, тяжелые условия жизни вынуждали таджикских горцев относиться к своей одежде весьма бережно, стремясь по мере возможности увеличить срок ее эксплуатации. Однако приходиться констатировать, что отдельные авторы, в частности Н.Л. Корженевский, в своих заметках приукрашивали степень изношенности одежды местного населения. Нельзя также согласиться с мнением В. А. Баньковского о том, что по виду одежды рушанские бедняки выглядели хуже российских попрошаек[3]. В этом же духе В. В. Эггерт писал, что в 1900 г. в Рушане все мужчины ходили в лохмотьях, при этом многие были без обуви и головного убора. Детишки и вовсе бегали нагишом[4]. Очевидно, близким к реальности выглядить лишь его утверждение про детей, которые в горах и селах бегали и играли голыми, что для того времени, в целом, выглядить естественным.

В. В. Эггерт отмечал влияние торговли на состав и вид одежды. Если джурабы и суконные халаты, как и шерстяная домотканина для женских рубах,

---

[1] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно / В. Баньковский // Туркестанские ведомости. – 1894. – № 13.

[2] Корженевский, Н.Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста). - С. 725.

[3] Эггерт, В. В. Очерк Памиров. - С. 20.

[4] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича. - С. 464.

были текстильными изделиями местного происхождения, то чапан, *карбос*, ситец и кисею привозили купцы из Оша и Бухары. Некоторые сорта тканей индо-английского производства можно было купить на левом (афганском) берегу Пянджа[1].

Датский ученый и путешественник Оле Олуфсен, говоря о составе типичной одежды памирских мужчин, оригинальный образец которой хранится в Национальном музее Дании под № 47-185, отмечает следующее. Она состояла из шерстяных предметов (халат, рубаха, штаны, головной убор коричневого цвета) и желто-коричневой обуви. Верхний халат мог иметь белый или коричневый цвета, его длина достигала голени. Нательная рубаха могла быть тех же цветов и примерно того же покрова, но ее длина была короче. Вместе с тем, по его словам, некоторые ходили в хлопчатобумажных рубахах. Хлопок привозили сюда из Афганистана или Индии. Правда, автор не уточняет, какой именно хлопковый продукт (волокно, материю или одежду) имел он ввиду. Только состоятельные жители могли себе позволить иметь полный комплект одежды. Беднота летом и зимой надевала на тело рваный овчиный тулуп и наматывала на ноги шерстяные или меховые портянки[2].

В 1874 г. Т. Э. Гордон заявил о схожести одежды ваханцев и сарыкольцев. По его словам, в то время в Вахане торговали хлопчатобумажными тканями, привезенными из Яркенда и Хотана[3]. В 1883 г. капитан Д. В. Путята видел, что в Вахане мужская одежда состояла из шерстяной ткани грубого тканья, рубахи из хлопчатобумажной материи, широких штанов из той же ткани и кожаных калош[4]. Традиционная одежда для взрослых мужчин и детей была одинакового покроя.

Стоимость отдельных тканей на Западном Памире в российских рублях зафиксирована в докладной записке капитана А. Н. Снесарева о зякете. Так,

---

[1] Эггерт, В. В. Очерк Памиров. - С. 20.

[2] Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 63-68.

[3] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.

[4] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.

сукно высокого качества для одного комплекта одежды (3 аршина или 2,1 м) при оплате зякета оценивали в 4 рубля 80 копеек. Того же количества тонкое сукно имело цену в 1 рубль 20 копеек, карбос - 60 копеек. Для сравнения, одна овца независимо от веса оценивалась в 30 - 40 копеек[1].

А. А. Бобринской указывал, что в первые годы XX века в Вахане в пошиве нижней одежды шерстяные ткани стали вытесняться хлопчатобумажными. До разграничения территории, в Вахан и Ишкашим из афганского Бадахшана завозили хлопчатобумажные ткани, пестрядь *алочу* для халатов, тюбетейку[2]. Для обозначения льна в этом крае используются термины, схожие с “катон” (название льняой ткани в Иране): *кытнык* в Вахане и катонык в Ишкашиме[3].

Рубахи. Как было отмечено выше, на Памире в конце XIX - начале XX вв. были распространены главным образом мужские рубахи открытого типа (так называемые нательные халаты)[4].

В Дарвазе глухой рубахой с горизонтальным разрезом ворота пользовались лишь представители духовенства, почитаемые старики и другие привелигированные лица[5].

Для всех представителей простонародья в качестве мужской нательной одежды использовался легкий хлопчатобумажный халат без подклада *яктах*[6]. Здесь, как и в долине Ферганы, даже к середине XX в. все мужчины, за

---

[1] Снесарев, А. Е. Докладная записка капитана генерального штаба А. Е. Снесарева о зякете в Западном Памире (Ноябрь 1903 г.) / Е. П. Снесарев // Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М.: Наука, 1975. - С. 83.

[2] Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 84-85.

[3] Мухитдинов, И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX начало - XX века) (Материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии) // Советская этнография. - М.: Наука, 1971. - № 5. - С. 119

[4] Рассудова, Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – С. 170.

[5] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 28.

[6] Рассудова, Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А. Л. Троицкой и Г. Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 22.

исключением пожилых, ходили в такой нательной одежде[1]. З. А. Широкова отмечает, что в открытых рубахах, т.е. нижних халатах дарвазцев на участке груди изнутри пришивали кусок ткани - *судра*. Наличие этого куска - обманки создавало впечатление, что под этим халатом надета глухая рубаха с горизонтальной горловиной. *Судра* за один край пришивалась изнутри к правому полуборту халата, другой ее конец после надевания халата с помощью пуговицы и петли присоединяли к краю другого полуборта[2].

А. П. Шишов полагал, что как мастерицы-портные, так и хозяева этих халатов были прекрасно осведомлены, что плечевая одежда, по сути, должна состоят из двух предметов - глухой рубахи и верхнего халата. Однако это правило соблюдали только состоятельные люди[3]. Простонародье в силу своих возможностей было вынуждено ходить в халатах, оснащенных обманкой *судра*. О. А. Сухарева считала, что такую одежду носили также мужчины из бедных семей и в других регионах Средней Азии[4].

Л. Ф. Моногарова подробно разобрала комплексы мужской одежды Язгулема. Здесь в качестве нижней плечевой одежды мужчины пользовались рубахами открытого и закрытого типов. Рубаха закрытого типа *халифа каут* была туникообразной, т.е. при пошиве полотно ткани складывали посередине, образуя перед и спинку. В верхней части делали горизонтальный надрез для горловины, внизу с двух сторон пришивали к краям боковые клинья *трехс*. Клинья расширялись книзу и имели треугольную форму. Рукава *зоуб* суживались книзу. На одном краю горизонтальной горловины, слева или справа, спереди делали вертикальный надрез для комфортного надевания и снимания рубахи. Как правило, разрез ворота и его вертикальный надрез окантовывали полосой другой материи. Горловина плотно охватывала шею, что

---

[1] Широкова, З. А. Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. – С. 36.

[2] Широкова, З. А. Одежда. – С. 125.

[3] Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 126.

[4] Сухарева, О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. – С. 88.

обеспечивалось надвязками *тану* у шеи. У подмышек пришивали ластовицу *кулфак*, которая не была на детских рубахах. Рубаху носили по большей части без опоясывания, ее полы достигали ниже колен и опускались поверх штанов[1].

В нижних халатах язгулемцев, по утверждению Л. Ф. Моногаровой, по аналогии с халатами дарвазцев, на участке груди изнутри пришивали кусок ткани - *пешак* (у дарвазцев - *судра*). Он имел вид цветных треугольников, украшенных вышивкой. Наличие этого куска - обманки было нужно для имитации существования рубахи закрытого типа под халатом, который выглядел теперь верхней одеждой. *Пешак* за один край пришивали к правому полуборту халата изнутри, другой ее конец после надевания халата с помощью пуговицы и петли присоединяли к краю второго полуборта. От использования этой дополнительной детали отказались в послевоенный период, когда здесь распространились рубахи городского типа[2].

В первые послевоенные годы (1947 - 1948), в Язгулеме как и в других районах Средней Азии, молодежь и мужчины среднего возраста отдавали предпочтение одежде военного образца, состоящей из гимнастерки или кителя и брюк галифе. В одежде постепенно внедрялись инновации. Так, к рубахе туникообразного покроя, для которой была типична горизонтальная горловина, пришивали отложной воротник и делали вертикальный надрез на участке груди. Другой пример - детский тулуп оснащали воротником городского образца.

Л. Ф. Моногарова писала, что в предыдущие годы функцию кармана выполнял широкий поясной платок *ланги*. Теперь же в переде на груди делали накладной карман из ткани другого цвета. В качестве выходной одежды мужчин распростарнились пиджак и брюки городского типа[3].

---

[1] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36; Она же. Язгулемцы Западного Памира. - С. 100.
[2] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.
[3] Там же. - С. 30-36.

И. И. Зарубин и М. С. Андреев единогласны в том, что в Рушане и Шугнане широкое применение имели мужские рубахи открытого типа[1]. Так, в долинах Бартанга и Хуфа функцию рубахи выполнял нательный халат - *гилем*. Его шили из некрашенной шерстяной материи. До октябрской революции большая часть мужчин (а также женщин) надевали *гилем* непосредственно на голое тело[2].

Относительно состоятельные жители под шерстяным халатом носили хлопчатобумажную или шерстяную глухую рубаху с треугольной горловиной. В этом случае халат превращался в верхнюю одежду. На Памире в те времена ношение мужской рубахи придавало человеку в глазах окружающих солидность и щегольство[3].

Во время ношения сразу двух халатов в качестве верхней и нижней одежды, пояс повязывали поверх нательного халата. В процессе выполнения физических работ полуборта приподнимали и заправляли в пояс[4].

В начале 1940-х гг. в долине Хуфа стали встречаться первые образцы глухой рубахи с вертикальной горловиной. Разрез ворота был немного смещен в левую сторону. После надевания рубахи края этого разреза соединяли с помощью завязок *ток*. Другой инновацией стало наличие съемного воротника-стойки, который соединялся с рубахой опять же посредством шнуров - завязок[5].

В эти же годы, точнее в 1943 г., А. К. Писарчик зафиксировала широкое внедрение в молодежную одежду жителей этой долины хлопчатобумажной рубахи открытого типа с отложным воротником. Обшлаги рукавов такой рубахи готовили отдельно и пришивали к концу рукавов как дополнительную

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф. – С. 244.

[2] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. - С. 134, 136.

[3] Там же.

[4] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 400.

[5] Там же. - С. 398, расми 83(3).

деталь. Обшлаги были декорированы полосой другой ткани или вышивкой, идущей по краям[1].

В Ишкашиме и Вахане ношение глухих рубах в среде мужчин из обездоленных семей не было принято[2]. В Вахане, в отличие от других высокогорных районов Западного Памира, были распространены хлопчатобумажные рубахи[3], чему способствовали поставки хлопка и хлопчатобумажных тканей из Яркенда и Хотана[4]. Украшение вышивкой встречалось только в детских рубахах.

Согласно наблюдениям А. Саидова, таджики-ваханцы и сарыкольцы, проживающие на территории Китая, пользуются рубахами открытого типа, т.е. халатами. В качестве лицевой стороны такого халата применяется узорчатый бархат черного цвета, а в качестве подкладочной материи – красное (для молодых) или голубое (для пожилых) шелковое полотно. Для подклада также находит применение шелковая пестрядь. Молодые мужчины также носят халаты, лицевая сторона которых сшита из белого цвета. Края всех видов халата окантовываются вышитыми тесемками[5].

Поясная одежда. В Горном Бадахшане штаны *танбон* издавна являлись обязательным элементом как мужской, как и женской, одежды. Их надевали непосредственно на голое тело. Длина штанин доходила до икр и ниже, хотя в отдельных районах бытовали более короткие штаны. Их шили из той же ткани, которая применялась для пошива рубахи или нижнего халата и они имели повседневное назначение. Зимой их носили, заправляя штанины в голенища сапог[6].

Детальное описание поясной одежды жителей Дарваза принадлежит З. А. Широковой. Штаны - *эзор* было принято шить из той же ткани, что и рубаха

---

[1] Там же. - С. 398, расми 83(4).

[2] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 52.

[3] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.

[4] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.

[5] Саидов А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). - С. 369.

[6] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф. – С. 243.

(нательный халат). Прежде их делали из *карбоса* или *калами* (двухцветная полосатая ткань, сорт *алочи*). Затем перешли к использованию фабричной материи *тик*. Штаны были широкими в поясе, имели ромбовидную вставку для шага. Длину подбирали так, чтобы после их надевания низ штанин не доходил до щиколотки на 8 - 10 см. Применялись и верхние штаны *шорагза*, которые надевали поверх обычных хлопчатобумажных во время сенокоса, выкармливания скота в поле и горах, охоты, игры в козлодранье, при путешествии верхом[1].

Л. Ф. Моногарова писала, что мужские штаны язгулемцев *танбон* не содержали разрезов и были с длинным шагом - от 120 до 135 см. Здесь штанины делали короткими - их нижние концы находились на уровне чуть ниже колен[2].

Поясной одеждой для рушанских мужчин служили широкие суконые штаны[3]. Так обстояло дело и в долине Хуф, где штаны хлопчатобумажной ткани встречались редко, да и то только летом[4]. Капитан С. П. Ванновский указал на малую длину широких штанов рушанских мужчин - они достигали до колен[5].

Во время длительных походов, игры в поло и козлодранье, зимней охоты надевались толстые штаны *шаволак* из черной шерстяной материи *рагза*. Им были свойственны большая ширина и длина, штанины спускались поверх голенищ обуви. Их ширина на поясе (в распрямленном состоянии достигала 2 м и более) позволяла заправлять в них полы халата и даже тулупа. В этом случае было легче ходить по снегу и грязи. Под *шаволаком*, как правило, надевались

---

[1] Широкова, З. А. Одежда. - С. 121-124.

[2] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

[3] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно. – № 13.

[4] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – С. 243.

[5] Ванновский С. П. Извлечение из отчёта генштаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 56. - С-Пб., 1894. - С. 88-89.

обычные штаны из хлопчатобумажной материи, что было необходимо для предотвращения появления мазолей[1].

Появление мужчины в обществе без штанов считалось недозволеным, однако во время сенокоса и переноса снопов сена из гор в село их не надевали. В таком случае голое тело прикрывалось лишь халатом, который обвязывали поясом[2].

Л. Бахтоваршоева выявила еще один своеобразный тип поясной одежды. В конце XIX – начале XX в Шугнане имели применение мужские штаны *джурабтанбон* (“штаны-джурабы”). Они были вязаны крючком. Вязать начинали с верхней части широкими и, когда переходили к штанинам, ширину постепенно сужали. На участке пояса пришивали петли для ремня. *Джурабтанбон* мог быть или ровного черного цвета, или с вывязаным узором[3]. Уникальность таких штанов заключается в том, что в границах Средней Азии их изготовляли и носили только на Западном Памире.

В Ишкашиме и Вахане использовались в основном шерстяные штаны. По цвету они были черными или коричневыми, т.е. естественных цветов шерсти. Их длина была чуть ниже колен. После надевания пояс охватывали шнуром и завязывали узлом. Отдельные состоятельные мужчины летом ходили в хлопчатобумажных штанах[4].

Оле Олуфсен доставил в Данию два образца ваханских шерстяных штанов коричневового цвета. В них между штанинами пришита ластовица для удобства движения. Вдоль швов на участках, выглядывающих из-под халата, выполнена декоративная строчка. В верхней части штанов имеется полоса с

---

[1] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 135.
[2] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – С. 244.
[3] Бахтоваршоева, Л. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана. – С. 171.
[4] Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 63-64.

петлями для продевания шнура или ремня. Шнур получали вязанием шириной 2,5 см из 42 нитей. Его завязывали так, чтобы узел располагался спереди[1].

Верхняя одежда. В разных районах Горного Бадахшана находили применение шерстяные, хлопчатобумажные и кожаные изделия верхней одежды.

В Дарвазе в качестве верхней одежды служил халат *яктах*, надеваемый поверх нательного халата. Зимней одеждой служили *чакман* из шерстяной материи *рагза* черного или темно-серого цвета, халат, стеганый на вате, а также овчиный тулуп - *пустин*[2]. *Чакман* по покрою не отличался от стеганого халата, но был шире и длиннее. Он не пропускал влагу, так как *рагза* предварительно подвергалась декатировке. Тулупы шили мехом внутр, их изготовлением занимались киргизы Джиргаталя[3].

Поверх верхней одежды зимой завязывали пояс.

В долине Язгулема халаты из хлопчатобумажной ткани - *хуфтин* или шерстяной материи *гилем* носили и летом, и зимой[4]. Здесь летом мужчины поверх рубахи чаще носили хлопчатобумажный распашной халат *кута хай* (сведения Н. А. Кислякова) или *ктай* (сведения Л. Ф. Моногаровой). По сути, оба этих термина являются разными наречиями от названия “якта” (букв. “в один слой”). Такой халат шили из однотонной и полосатой материи. На полах халата сбоку имелись длинные (5 см) разрезы. Низ пол и концы рукавов содержали кант из полосы другой ткани. Края разреза ворота после появления швейных машин оформлялись вышитой строчкой - *гарак*. Поверх халата завязывался поясной платок *лангӣ* / *мнаик*[5].

Л. Ф. Моногарова описала другой вид верхней одежды жителей верхнего Язгулема - овчиный тулуп *вирбин*. По покрою тулуп был похож на халат *ктай*,

---

[1] Махмудова, М. М. Традиционный костюм памирцев в собрании Оле Олуфсена на Памир: Ваханская долина // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. - М., 2020. - С. 408-409.

[2] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. - С. 29.

[3] Широкова, З. А. Одежда. - С. 126-127.

[4] Кисляков, Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк) // ИВГО. - 1948. - Т. 80, вып. 4. - С. 368.

[5] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

ее полы сводились вместе посредством одной пуговицы. Концы рукавов были загнуты вверх и в таком положении зафиксированы стежками, а полуборта и подол простегнуты.

Кроме того, некоторые мужчины ходили в накидках-дождевиках. Их шили из целой кожи теленка или горного козла мехом наружу. Верхние края такой накидки завязывали узлом поверх плеч. Внешне такое одеяние выглядит очень архаичным, поэтому нельзя исключить, что в далеком прошлом такой плащ-накидка являлся главным видом одеяния горцев[1].

В конце XIX в. В. А. Баньковский отметил, что в Рушане первые халаты стали встречаться с приходом русских. Он характеризует местную мужскую верхнюю одежду как чапан белого или коричневого цвета. Он писал, что здесь хлопчатобумажная ткань применялась только в женской одежде. В таком случае, называть мужской халат чапаном (стеганый халат на хлопке) врядь ли допустимо. Очевидно, он писал про суконый халат, названный М. С. Андреевым *гилемом*[2].

И. И. Зарубин заметил, что в долине Бартанга в холодное время поверх рубахи, обычно шерстяной, носили халат *гилем* из белого или серого домотканого сукна *катма*. Халаты шили из материи естественной окраски шерсти. Как правило, они были одноцветными, но встречались и полосатые[3]. Полы, подол и рукава халата обшивали шнуром из шерстяных ниток темного цвета. Иногда эти места халата дополнительно оформляли вышивкой теми же нитками.

По наблюдениям М. С. Андреева 1929 г., мужчины долины Хуф поверх рубахи из шерстяной ткани надевали суконый халат *гилем*, который считался основным предметом одежды. В прежние (дореволюционные) годы, его надевали без использования рубахи[4].

---

[1] Там же.

[2] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно. – № 13.

[3] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 134.

[4] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 243.

Поверх халата завязывали поясной платок *менд*, который одновременно выполнял и функцию кармана. Он представлял собой длинный кусок хлопчатобумажной или шерстяной материи, который охватывали пояс в два оборота. При необходимости можно было использовать пояс и в качестве чалмы, т.е. по сути *менд* - тот же элемент одежды, что и *фута* жителей равнин. С приходом русских вместо поясного платка стали пользоваться кожаными ремнями из воловьей шкуры. А в начале XX в. все, включая пожилых мужчин, стали носить фабричные кожаные ремни[1].

Домотканое сукно *рагза* было узким (25 - 27 см), поэтому для пошива халата соединяли несколько точей материи вдоль. В целом, для изготовления одного халата требовалось до 14 м сукна. Параллельно расположенные две точи сгибали на плечах, получая перед и спинку - *қад* халата. На спинке эти точи соединяли швом по линии соприкасания, чего не делали на переде, что было нужно для образования полубортов. Внизу на участках соединения переда и спинки размещали два или три трапециевидных клина - *пиродоман* (в Хуфе). Общая ширина каждого бокового клина вверху составляла 3 - 5 см, внизу - 19 - 21 см. Клинья были длинными, их верх доходил до подмышек. Применялись и передные клинья - хох, которые пришивали внизу к боковым краям полубортов у центральной линии одежды. Таким образом достигалось расширение халата книзу. Кроме того, по бокам исполняли разрезы *қуроб* длиной около 12 см. Очевидно, боковые и передные клинья, а также разрезы были нужны для обеспечения удобства ходьбы.

При длительном ношении халат значительно сужался из-за усадки сукна. Для предотвращения этого иногда его подвергали обработке паром или горячей водой. Если предусматривалась такая обработка на спинке между обычной парой точей пропускали дополнительную более узкую полосу сукна.

Суконый халат, как правило, имел повседневное назначение. Вместе с тем, некоторые пользовались дополнительным шерстяным халатом специального

[1] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 400-401.

назначения *кор-гилем* (букв. “рабочий халат”). Его шили из плотной ткани *рағза* коричневого или более темного, но не белого, цвета.

Халат белого естественного цвета шерсти являлся нарядной одеждой. Воротник, плечи и концы рукавов на нем украшали вышитой строчкой *пиро-седз*. Как узор вышивки, так и сам халат назывались *зебо-седз*. Однако наиболее дорогим являлся суконый халат сорта *қатма*. Мало кто мог себе позволисть иметь у себя в гардеробе такую одежду. Такой халат шили из особо толстого сукна белого цвета. На человеке он смотрелся довольно солидно, поэтому оформлять его вышивкой не было необходимости[1].

А. А. Черкасов без указания конкретного района отметил, что на Памире зимой мужчины надевали один поверх другого два или три суконных халата (зипуна)[2].

Во всех районах верховьев Пянджа, в частности Хуфе, существовал обычай ношения халата в качестве накидки, т.е. без использования рукавов. Такая практика одевания в Шугнане называлась *фараҷӣ*. В этом случае требовалось, чтобы под халатом была надета красивая исподняя одежда. Людей, которые использовали халат как накидку, но не имели добротную рубаху, поднимали на смех. В связи с этим даже существовала притча “*Фараҷӣ* с голым животом[3].

М. С. Андреев с сожалением отмечал, что в долине Хуф традиция ношения шерстяного халата пустила очень устойчивые корни, ее строго придерживались несмотря на появление других видов верхней одежды. Так, даже в конце 1920-х годов здесь невозможно было встретить ни одного образца более красивых и

---

[1] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 398-402, расми 84.

[2] Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. // Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М.: Наука, 1975. - С. 111-112.

[3] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 402.

удобных хлопчатобумажных стеганых халатов, хотя они уже были вполне доступными[1].

Стеганые халаты *чапон* привозили на Западный Памир из равнинных районов Бухарского Эмирата и Ферганской долины[2]. Со временем они распространились и в долине Хуф, где слой хлопка внутри халата называли *аҷин*. Интересно название стеганого халата, используемого в Рушане - *хифтон*, родственное средневековому названию - *хафтон*. Возможно, “хафтон” и является источником происхождения термина “чапон”[3].

Зимой состав мужского одежного комплекса дополнялся овчиным тулупом. Спинку тулупа украшали орнаментом, вырезанным из кожи. По покрою овчиный тулуп ничем не отличался от обыкновенного халата[4]. В повседневной одежде местных мужчин находил применение короткий камзол *воскат* без рукавов.

В Ишкашиме и Вахане также наиболее нарядным видом верхней одежды был белый халат *катма*. О. Олуфсен, видевший такой халат, указывает на его близость с балахоном - одеждой русских и европейских крестьян. По сути, балахоном называлась любая бесформенная одежда. Естественно, знать и люди среднего достатка ею не пользовались. Какой принцип принимал во внимание автор, внешний вид или покрой, сравнивая эти предметы одежды, остается неизвестным.

О. Олуфсен также указал, что в Вахане белый халат шили из сукна с тканым диагоналевым или елочкообразным саржевым орнаментом. Для пошива основы использовались опять же две точи, размеры передных и парных боковых клиньев принимались таким образом, чтобы один полуборт заходил под другой. Имелись и боковые разрезы на подоле. Автор уточняет, что

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 243.

[2] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 135.

[3] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 402.

[4] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 134.

воротник халата был сшит из другой материи. Вдоль швов проходили декоративные строчки[1].

Среди народных масс было принято ношение более дешевых халатов из грубого сукна. Как правило, высокий воротник украшался веселой вышивкой[2]. Чекмени были естественных цветов шерсти - светло-коричневыми, желтоватыми и белыми. Изредко встречались чекмени желтоватого цвета из шерсти диких козлов[3].

Зимой в этом регионе также использовались овчиные тулупы, которые были белого цвета. Его шили таким образом, чтобы мех располагался внутри одежды. Здесь тулупы не орнаментировались[4].

Отметим замечание Марко Поло о том, что в XIII в. в одежде местных аборигенов кожа преобладала над тканью, причем с этой целью больше использовалась шкура диких животных. Это явление знаменитый путешественник связал с отменным охотничьим мастерством жителей, которые были бесподобными стрелками из лука[5].

При сравнении сведений Марко Поло и Оле Олуфсена выясняется, что в течение шести столетий в одежде горцев Бадахшана шкура диких животных постепенно была вытеснена шкурой домашних животных, прежде всего овец. Данное явление может быть объяснено двумя причинами:

1) неконтролируемая охота приводила к неуклонному уменьшению количества диких животных;

2) одновременно происходил рост численности домашних животных.

---

[1] Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 67.

[2] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63; Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 67.

[3] Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 84.

[4] Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration. - P. 67.

[5] Поло, Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. - С. 406.

Летом в Вахане и Ишкашиме молодые мужчины ходили в коротких камзолах *воскат*, более распространенных в левобережных районах Пянджа (в Афганистане). В то же время, их носили и пожилые люди. *Воскат* также входил в состав свадебной одежды жениха.

Чекмени шили по большей части из шерсти верблюда без подклада. Длина чекменей была больше, чем для хлопчатобумажных халатов - однослойных *якта* и стеганых *чапон*. Кроме того, концы его рукавов были уже, чем в других видах халатов[1]. Чекмени, как и штаны *шорағза*, носили в морозы или при длинных походах. Их надевали поверх *якта* или *чапона*, подолы которых заправляли в штаны. Пояс могли завязывать как поверх чекменя, так и поверх нижних халатов. Воротник украшали вышивкой, исполненной цветными шерстяными нитями[2].

Согласно материалам А. Саидова, в современной народной одежде китайских таджиков – ваханцев и сарыкольцев верхняя одежда представлена летом узорчатым хлопчатобумажным или шерстяным стеганым халатом *чапон*, зимой - *чакманом* из верблюжьей или овечьей шерсти и овчиным тулупом *пустин*[3].

Головные уборы. В горных районах в прошлом были распространены различные головные уборы, в том числе чалма, тюбетейки, шапочки.

В Дарвазе самым распространенным видом мужских головных уборов была тюбетейка. Среди разных тюбетеек наиболее популярной была круглая, преимущественно конусообразной формы. По способу отделки различали тюбетейки вышитые *токии гулдузи* и рельефные *токии пилтаги*. Описание способа получения на тюбетейке *пилтаги* («с фитильками»), некогда популярной и в равнинных районах, рельефной поверхности тульи и околыша

---

[1] Люшкевич, Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Ленинград, 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – С. 127.

[2] Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки / Под общ. ред. С. П. Толстого. – Т. 1. – С. 600.

[3] Саидов А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). - С. 369-370.

уже приводилось. В Дарвазе такие тюбетейки называли *токии тавилбеги*. Их шили из узорчатой или гладкой хлопчатобумажной или шелковой материи, нередко из бархата. Детям пользоваться тюбетейкой полагалось с 7 - 10-летнего возраста[1].

Использование мужской тюбетейки в качестве предмета выходного костюма еще до революции 1920 года обусловило необходимость ее украшения, в том числе вышивкой[2]. Вышитая тюбетейка предназначалась именно для ношения без чалмы. Ее вышивали растительным или геометрическим орнаментом; околыш обшивали орнаментированной тесьмой *шероз*, вышитой тамбурным швом. Гладкий фон был обычно белого, черного, зеленого или красного цветов. Иногда вышивка заполняла всю тюбетейку сплошь.

После распространения в Дарвазе мужской четырехгранной тюбетейки *токии чусти*, местные жители сами начали шить подобный головной убор, носивший такое же название, но с местным колоритом. Она больше напоминает ферганскую тюбетейку *чамандагул*. Ее тулья и околыш имеют одинаковый узор вышивки – на каждом секторе тульи и каждой грани околыша изображен мотив древа жизни между двумя солнцевидными фигурами. Вышивается как узор, так и фон. Околыш такой тюбетейки оторачивается по низу узкой гладкой тесьмой темного цвета.

З. А. Широкова отметила, что в горном Таджикистане традиция изготовления вышитых тюбетеек получила особое развитие во второй половине XX века. В это время ношение сплошь вышитых тюбетеек даже составляло одно из направлений мужской моды. В орнаменте дарвазских тюбетеек на тулье встречались мотивы *гули алов* («огненный цветок»), *туморча* («амулет») и др. Узорная тесьма на околыше оформлялась, как правило, геометрической вышивкой. Встречались изображения самых разных геометрических фигур во всевозможных их комбинациях – многоугольники, ромбики, кресты, S-

[1] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 85.
[2] Масальский, В. И. Туркестанский. – СПб: Изд-е А. Ф. Девриена, 1913. - С. 397.

образные элементы и пр. Причем, пространство внутри этих фигур также тщательно разрабатывалось. Мотивы вышитых узоров на *шерозах* носили названия *нимгула* («пол цветка»), *товус* («павлин»), *кажак* («завиток»), *кучкорак* («рога барана»), *садбарг* («роза») и др.[1]

В Дарвазе чалма встречалась гораздо реже, чем на равнинах. Если, к примеру, в Гиссарской долине ее носили даже самые бедные, то здесь чалму можно было видеть лишь на голове некоторых стариков[2]. Более того, чалма считалась принадлежностью духовенства и привилегированного сословия. В горах применялась чалма белая или серая, по большей части из *карбоса* или кисеи *хоса*. Иногда молодые мужчины носили чалмы из неразрезанных красных головных платков *руймоли гарди*. Одну чалму составляло 5-6 таких платков. Жители верховьев Зеравшана и Дарваза также носили чалмы из полушерстяной домотканины *саллаи мошоби* (хлопчатобумажная основа, шерстяной уток) и пуховой материи – *саллаи тибити*. Длина такой чалмы составляла 8-10 м. После наматывания на голову конец чалмы *фаш* свисал на расстоянии 20-25 см[3].

В Вандже и Язгулеме тюбетейка типично язгулемского типа имела старинную форму. Тулья была плоской, ее шили из гладкой неорнаментированной ткани. Внешне она не отличалась от рушанских и шугнанских образцов. Молодежь носила тюбетейки с заостренным верхом и дарвазского покроя. Пожилые иногда поверх такого головного убора наматывали чалму. В первые послевоенные годы многие мужчины предпочитали ходить в фуражках военного или городского образцов[4].

В конце XIX – начале XX века в Шугнане и, в меньшей степени, Рушане широко бытовала мужская тюбетейка[5]. Многие поверх тюбетейки повязывали платок, преимущественно красного цвета[6]. В период, непосредственно перед

---

[1] Широкова, З.А. Одежда. – С. 132-137.
[2] Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 126.
[3] Широкова, З.А. Одежда. – С. 137.
[4] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.
[5] Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 127.
[6] Корженевский, Н. Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста). - С. 725.

революцией 1920 года, в долину Бартанга привозили «тюбетейки обычного сартовского типа» из Бухары или Ферганы. Вышивку производили иногда на месте, т.е. в горах. Не имевшие тюбетейку носили чалму, для чего использовались те же платки, которые служили и поясами[1]. В долине Хуфа то 1930-х годов можно было видеть исключительно привозные тюбетейки, которые доставлялись из Рушана и Хорога. Особенно ценились хорогские образцы из красной ткани с вышивкой черной нитью.

Чисто местные образцы тюбетеек здесь стали встречаться с появлением швейной машины. Это произошло довольно поздно, если учесть, что даже в 1943 г. в Хуфе таких машин было довольно мало. Тюбетейка была с плоской тульей и высоким околышем. Тулья стежками была разбита на восемь, иногда на четыре, секторов, площадь которых заполняли вышитые треугольники, уменьшающиеся к центру тульи. Околышек украшали параллельные горизонтальные строчки, края околыша были окантованы полосками более темной ткани[2].

В первые годы XX в. в Рушане и окружающих его долинах был распространен *тоқии миршодӣ*, тип тюбетейки с высокой тульей и широким околышем. По сути, она была местным видом тюбетейки с рельефными полосками, известной на равнинах как *тоқии пилтагӣ*. Такой же была и технология получения рельефов и их направления[3].

Вышитые тюбетейки ценились дорого. А. К. Писарчик приводит пример, когда в середине 1940-х годов в долине Хуфа все еще господствовала менная торговля, за одну такую тюбетейку нужно было расплатиться с мастерицей пиалой растительного масла. А такой продукт в то время стоил очень высоко[4].

---

[1] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 134, 135.

[2] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А. К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 404-405.

[3] Там же. - С. 405-406, расми 86(г).

[4] Там же. - С. 405.

Рушанцы больше пользовались суконым головным убором, отдельные образцы которых внешне напоминали тюбетейку[1].

А. Саидов отмечает, что для современных таджиков-ваханцев и сарыкольцев, проживающих на территории Китая, летним головным убором служит тюбетейка белого цвета с вышитыми разноцветными узорами - *шайдои*[2].

В долине Хуфа шапочки *пакол* применялись реже, чем тюбетейки. Они были больше распространены в Шугнане и более высокогорных районах. М. С. Андреев считал, что их первые образцы сюда завезли из Читрара[3]. К слову, сегодня традиция ношения вязаных шапок сохранилась у таджиков северного Афганистана.

В долине Хуфа имела применение короткая кисейная чалма *дастор*. Ее малая длина была определена тем, что население было очень бедным. Длинную чалму носили только по праздникам и очень берегли. Носили долго - до двадцати лет. Некоторые взамен чалмы наматывали на голову шерстяной поясной платок *менд* красного цвета[4].

А. П. Шишов пишет, что зимой в горах многие покрывали голову шапкой *телпак*. Ее кроили из сукна или меха горного козла. Оторочку делали меховой[5]. Но в Шугнане, по словам А. Серебренникова, традиция пользования шапками была не особо распространена. Здесь изредка можно было встретить сарыкольские овчиные шапки[6]. Однако по этой информации нельзя выяснить что конкретно имел ввиду А. Серебренников - шапки, завозимые из Сарыколя или особый тип шапок, которые шили в самом Шугнане.

М. С. Андреев писал об использовании в Хуфе овчиных шапок местного изготовления, в которых мех располагался внутри. Шкура была не целой,

---

[1] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно. – № 13.

[2] Саидов А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). - С. 369.

[3] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 250.

[4] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 250.

[5] Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 126.

[6] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 75.

состояла из нескольких сшиваемых вместе кусков. Ее обшивали поверх сплошь тканью[1].

В период, непосредственно перед революцией 1920 года, в долину Бартанга привозили «тюбетейки обычного сартовского типа» из Бухары или Ферганы. Вышивку производили иногда на месте, т.е. в горах. Не имевшие тюбетейку носили чалму, для чего использовались те же платки, которые служили и поясами[2].

Капитан Д. В. Путята в 1883 г. писал, что в Вахане многие мужчины за неимением тюбетейки голову повязывали платком[3]. На степень использования местными жителями того или иного вида головного убора обратил внимание и начальник Памирского пограничного отряда А. Е. Снесарев. По его сведениям 1902 г., хотя в этом качестве служила тюбетейка, однако мужчины по большей части голову повязывали платком[4].

По данным Т. Э. Гордона, ваханские щеголи носили остроконечную цветную шапочку, вокруг которой наматывали белую или синюю короткую чалму[5]. Указанные цвета чалмы жителей Вахана отмечены также И. П. Минаевым[6]. Очевидно, речь идет о мягкой шапочке *арақчин*, широко распространенной и в равнинных районах проживания таджиков.

Многие покрывали голову мягкой вязаной шапочкой *пакол*. Ее мастерицы изготовляли по большей части из шерстяных нитей коричневого цвета, хотя также встречались хлопчатобумажные образцы летнего назначения[7]. Такая шапочка была с полами и имела форму берета с цилиндрическим основанием. *Паколь* вязали и в виде мешочка. Ее ширина выбиралась половине окружности

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. - С. 250.

[2] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 134, 135.

[3] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.

[4] Снесарев, А. Е. Религия и обычаи горцев западного Памира // Туркестанские ведомости. - 1904. - № 90.

[5] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.

[6] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). – С. 192.

[7] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 52-53.

головы, глубина составляла около 20 см. В теплый сезон полы загибали наружу и завертывали, в результате чего головной убор приобретал почти плоскую форму. Зимой ходили, опустив полы шапочки поверх ушей[1]. Два образца ваханских *паколей* Оле Олуфсен привез с собой в Данию[2]. В Вахане не было редкостью использование чалмы. Здесь она имела белый и синий цвета[3].

Обувь. Горцы носили сапоги, калоши, деревянные туфли, портянки, узорчатые вязаные чулки *джурабы*.

В Дарвазе применялись два вида сапог - *чорук* и *мукки*. Мягкие сапожки *чорук* шили из шкуры сурка мехом верх. *Мукки* шили из воловьей кожи, ее лодкообразная подошва расширялась впереди[4]. В верховьях Зеравшана для изготовления *чоруков* применялась воловья кожа[5]. Деревянные туфли *кафш* были на трех острых ножках. Их надевали на ноги поверх *чоруков*[6].

Летом почти все население Ванджа и Язгулема ходило босым. Обувь надевали только, если собирались куда-либо пойти. Местный тип обуви не делился на мужскую, женскую или детскую и отличался только по размеру.

Л. Ф. Моногарова отмечала, что в Язгулеме с джурабами носили мягкие сапоги *там* из кожи горного козла. Для их изготовляления кусок кожи складывали пополам и получишиеся слои сшивали на участке носков. Применялся и другой прием, когда для слоев использовались два куска кожи. Их соединяли вместе с помощью шнура. При изнашивании подошвы сюда подшивали подметку *хохлис*. На участок пятки пришивали петлю *буна бунт*, через которую проводили шнур. После обувания шнур навивали один или два раза вокруг ноги и завязывали узлом у щиколоток[7].

---

[1] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). - С. 192.
[2] Махмудова, М. М. Традиционный костюм памирцев в собрании Оле Олуфсена на Памир: Ваханская долина. - С. 408.
[3] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). – С. 194.
[4] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 29.
[5] Дынин В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана (Опыт экономического исследования). - Ташкент: Типография Я. П. Эдельмана, 1914. – С. 86.
[6] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 29.
[7] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

Осенью и зимой в Язгулеме поверх сапог носили деревянные башмаки *кафш* (сведения М. С. Андреева и Л. Ф. Моногаровой) или *кафши гирт* (сведения Н. А. Кислякова) на трех ножках с железными зубцами. В них было удобно ходить по скользкой каменнистой поверхности. Деревянная обувь язгулемцев и дарвазцев не отличалась между собой[1]. Н. А. Кисляков упоминает еще один вид язгулемской обуви - *шилак*, но к сожалению, не приводит ее описание[2].

Деревянные галоши *кафши чӯбин* применялись и в долине Ванджа. Здесь для их изготовления использовали ореховое дерево. Недостатка материала здесь быть не могло, так как Вандж славился изобилием рощ грецкого ореха[3].

Л. Ф. Моногарова описала еще и лыжи. В Язгулеме из рогов горных козлов вырезали лыжи для ходьбы *ват*. К нижней поверхности лыж прикрепляли четыре острых коротких спицы, а на верхней находились две железные петли - впереди и сзади. Они предназначались для удерживания на ногах, предварительно обутых в сапоги. В лыжах было удобно двигаться по снежным предгорьям. Ими пользовались по большей части охотники зимой[4]. В Язгулеме новые виды обуви стали распространяться после установления устойчивых связей с русскими. Мужчины стали предпочитать военные сапоги и рабочие ботинки горного типа[5].

Рушанские мужчины носили сапоги *пех* без каблука и подметок из прочной кожи козла или горного барана[6].

В Хуфе также готовили мягкие сапоги *пех* из сыромятной кожи *пехич*, которую иногда предварительно красили в красный цвет. Краску получали на основе дикой ивы *ван*. Для пошива использовались два куска сыромятины или

---

[1] Там же.
[2] Кисляков, Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк). - С. 368.
[3] Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча. - С. 394.
[4] Моногарова, Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.). - С. 96, расми 7.
[5] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.
[6] Баньковский В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно. – № 13.

один кусок, складываемый пополам. Их сшивали по краям узкой лентой из козлиной или телячьей кожи[1].

Чтобы предотвратить выпадение сапога из ноги, его обвязывали на участке выше ступни шнуром *пехбанд*.

Сапоги *сукле* из тонкой козлиной кожи внешне напоминали кожаные мешочки. Их не носили летом, так как их тонкая подошва быстро изнашивалась. Основное назначение *сукле* - обувание зимой под деревяными калошами. Другими словами, они выполняли функцию распространенных в равнинных районах ичигов.

Зимой *пехи* также носили внутри деревяных калош. В противном случае нужно было оснастить такие сапоги дополнительной подошвой, которая не была целой. Два куска кожи располагали раздельно между собой под передней и задними частями стопы так, чтобы ее серединная часть оставалась без дополнительной подошвы. Такие мягкие сапоги назывались *чор-паргай-пех*. Когда этот дополнительный элемент изнашивался, на этот раз пользовались новой, но уже целой, подошвой. Ее сшивали таким образом, чтобы края по бокам и спереди поднимались вверх и образовывали складки. Такую подошву называли *милахт-вушч*.

М. С. Андреев представил приемы ремонта и реставрации сапог. Так, он писал, что если невозможно было восстановить изношенную подошву, от сапог вырезали голенища и пришивали их к новым подошвам. Таким образом они служили поочередно с несколькими подошвами, и каждый раз становились короче. К тому же верхний край голенищ сгибали наружу и со временем они становились настолько короткими, что сапоги напоминали пехи лишь отдаленно. Теперь их называли *сандал*[2].

В Шугнане относительно состоятельные люди ходили в черных сапогах на каблуках, которые привозились из Ферганской долины[3]. Некоторые

---

[1] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 402.

[2] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – С. 246, рис. 50.

[3] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 75.

шугнанские таджики носили галоши афганского образца. В них носок был загнут наверх, а подошва была жесткой. Вся наружная поверхность подошвы с целью повышения износостойкости была сплошь покрыта головками железных гвоздей[1].

Для ходьбы в условиях грязи и снега служила деревянная обувь, которую в Хуфе почти всегда вырезали из орехового дерева и лишь изредка из дикорастущего дерева *термева* (букв. “черный фрукт”). В связи с тем, что ствол *термева* был тонким, вырезанная из него обувь подходила только для женщин и детей. Калоши не собирали из отдельных частей, их делали только из цельного куска дерева. Согласно собранным М. С. Андреевым сведения, в Хуфе первые образцы деревянной обуви появились в 1870-х годах. Их можно было встретить и в Шугнане, Рушане, Гороне, Бартанге, Язгулеме, Дарвазе. Хуфская деревянная обувь отличалась от дарвазских образцов, которые также можно было встретить на ногах у хуфцев[2]. Деревянную обувь носили поверх мягких сапог или джурабов.

В Рушане, Хуфе и Шугнане находила применение и деревянная обувь без голенищ *наълинг*. Она была, по сути, сандалиями. Как правило, под нее прикрепляли железные пластинки. Внизу было две кожаные ленты для надевания на ноги. Переднюю ленту проводили между большим и вторым пальцами ноги, вторая лента охватывала ступню сзади. Сандалии служили для использования в домашних условиях[3].

Несмотря на наличие нескольких видов обуви, летом почти все население высокогорий ходило босыми[4]. Это было связано с острым дефицитом обуви и желанием населения беречь ее. В 1886 году Г. Е. Грум-Гржимайло отмечал, что каждый житель Западного Памира имеет возможность пользоваться лишь деревянными туфлями. “О кожаной обуви ему остается только мечтать”, -

---

[1] Там же. - С. 75-76.

[2] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – С. 246-248, рис.50 (д).

[3] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 403, расми 50 (е, ж).

[4] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 76.

писал он[1]. М. А. Кирхгоф наблюдал, что в 1899 году местные жители ходили босиком даже через заснеженные переправы. По его словам, для них, “несмотря на суровый климат, теплая обувь - предмет роскоши”[2]. Профессор Варшавского университета Б. В. Станкевич, посетивший край в 1904 году, писал о жителях Рушана, что “обуви эти дети природы почти не знают”[3].

В Ишкашиме и Вахане деревянная обувь не находила применение. Причину М. С. Андреев видел в том, что она появилась на равнинах (с его слов, в XVII - XVIII вв.), и затем медленно волна за волной распространялась в горные районы. Пока обычай ее ношения через Рашт и Дарваз достиг Рушана и Шугнана, в равнинных районах деревянными калошами уже перестали пользоваться. До Вахана же они еще не успели дойти[4], когда здесь уже распространились разные виды фабричной обуви. В Вахане по большей части носили кожаные калоши[5] и ичиги из овечьей шкуры[6].

Прическа. Одним из составляющих костюмного комплекса является прическа. Наличие или отсутствие волос на голове, усов и бороды на лице, их форма оказывают большое влияние на облик человека.

До революции в местной традиции у мужчин Дарваза, Ванджа и Язгулема было принято сбривать волосы на голове[7]. Бритье головы выполняли так же часто, как принято было брить бороду, которую, однако, вообще не брили, ее только подстригивали[8]. В 1950-х этих обычаев придерживались лишь мужчины средних лет и пожилые. Но и они нередко предпочитали ношение коротких

---

[1] Грум-Гржимайло, Г. Е. Очерк Припамирских стран // ИРГО. - Т. 22. - 1886. - С. 103.

[2] Кирхгоф, М. А. Из поездки на Памиры // Известия Туркестанского отдела РГО. - 1900. - Т. 2, вып. 1. – С. 170.

[3] Станкевич, Б. В. По Памиру. – С. 464.

[4] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – С. 248, 259.

[5] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.

[6] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир Гордона. - С. 23.

[7] Семенов, А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 294 ; Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 127.

Липский, В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах: В 3 ч. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1902. - Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896. – С. 40.

усов и бороды. Молодые мужчины предпочитали прически городского типа, сбривая усы и бороду[1].

В Рушане и Шугнане во второй половине XIX в. мужчины, как правило, ходили с начисто бритой головой. Встречались, правда, некоторые с длинными волосами на манер афганцев. В 30-летнем возрасте все ходили с густыми усами и бородой. Молодежь носила баккенбарды[2].

Существовали установленные для стрижки и бритья дни. В Хуфе такими днями были четверг и пятница. Соблюдение этой нормы считалось богоугодным делом. Вместе с тем, мало кто соблюдал двухнедельный перерыв между очередными стрижками, допуская просрочку. Такое свое поведение было принято обосновать тем, что бритье приводит к заболеваниям кожи головы, что в какой-то степени было обоснованным. Жителям приходилось пользоваться бритвами с неострым лезвием и услугами парикмахеров с недостаточными навыками[3].

Не так часто брили волосы на голове и в долине Бартанга. В большинстве случаев за этим особенно не следили. В трауре по случаю смерти отца или матери волосы отпускали до плеч. Молодые мужчины помимо волос подстригали бороду и концы усов. Многие из них гладко выбривали подбородок[4]. Наличие бороды у пожилых людей было делом обыкновенным. Длинная окладистая придавала старикам особую величавость.

При стрижке детей оставляли по пучку волос *парчам* на висках. В 1929 г. М. С. Андрееву информаторы в лице пожилых хуфцев сообщили, что в прежние годы с такими кудрями ходили и во времена юношества и молодости. От этих волос было принято избавляться лишь во время церемонии бракосочетания[5]. По словам капитана Д. В. Путяты, обычай иметь пучки волос

[1] Широкова, З. А. Одежда. - С. 137.
[2] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 70.
[3] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2.– С. 250.
[4] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 137.
[5] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. - Вып. 2. - С. 254.

у висков имел место и в Шугнане, где брили волосы на голове в обязательном порядке[1].

Брили волосы на голове мужчины и в долине Бартанга, но не так часто. В большинстве случаев за этим особенно не следили. В трауре по случаю смерти отца или матери волосы отпускали до плеч. Молодые мужчины помимо волос подстригали бороду и концы усов. Многие из них гладко выбривали подбородок[2]. Мальчики и юноши до совершенолетия носили, как правило, длинные волосы[3].

Капитан Д. В. Путята отметил, что в конце асри XIX в. в Вахане мужчины не стригли голову и ходили с бородой, усами и короткими баккенбардами[4].

А. А. Бобринской указал, что мальчику первый раз стригли волосы по достижению им годовалого возраста. Не стригли только волосы, расположенные на висках. По этому случаю устраивался праздник с шумными гулянями, музыкой, песнями и танцами. Затем, когда волосы отрастали снова, волосы брили, но оставляли волосы опять же на висках, а также в нижней части затылка. На этих местах волосы отрастали длинными кудрями, которые не брили до достижения мальчиком совершенолетия, каковым считался возраст в 15 лет. После этого волосы на его голове сбривали начисто[5].

Украшение и косметика. И. И. Зарубин отмечал важность ношения горцами различных талисманов. Их подвешивали к шее или вшивали в одежду. Детям еще привязывали амулеты к волосам. В старину здесь немало мужчин носило серьги, но и они имели значение амулета. Серьги в виде серебряных или медных колец они получали от ишанов для оказания помощи против болезней и других неприятностей, которые могут доставить злые духи (девы)[6].

---

[1] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63, 73.
[2] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 137.
[3] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.
[4] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63, 73.
[5] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 95-96.
[6] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 138.

В Хуфе веки новорожденных красили сурьмой *чиртс* до наступления до достижения ими возраста в сорок дней. Считалось, что в результате этого глаза становятся большими и светлыми из-за очищения их от пыли. В начале XX такой обычай соблюдали и взрослые мужчины. Изредка встречались мужчины, которые красили в черный цвет седеющие волосы. Здесь также можно было видеть мужчин, которые по примеру женщин ходили с искусственной родинкой между бровьями[1].

Свадебная одежда. З. А. Широкова изучила развитие костюма дарвазского жениха во времени. Согласно ее утверждению, дореволюционный свадебный костюм жениха в своих общих чертах не отличался от повседневного за исключением того, что все его составные части были новыми. Соответственно, предметы свадебной одежды были из домотканых материй. По мере распространения фабричных тканей и появления в магазинах готовой одежды в костюме жениха происходили постепенные изменения. В 1950-х годах основу свадебной одежды жениха уже составлял бытующий среди молодежи наряд (фабричные пиджак и брюки), дополненный этнознаковыми элементами, в качестве которых выступали стеганый чапан из полушелковой ткани бекасаб, опоясанный шелковым или вышитым хлопчатобумажным платком. Голову жених покрывал тюбетейкой, которую обматывали другим платком или чалмой *саллаи пешовари*[2].

Состав свадебной одежды ванджского жениха перечислен А. З. Розенфельд, которая основывалась на местном фольклоре. Во время проведения ритуала переодевания жениха звучала одна из известных свадебных песен, в которой упоминаются предметы одежды: рубаха, чапан, тюбетейка, чалма, пояс, джурабы, чекмен. Отдельные элементы, в частности штаны и обувь, в этой песне не называются, но понятно, что они входили в этот перечень в обязательном порядке[3]. В целом, все перечисленные изделия составляли обыкновенный мужской костюмный комплекс, в том числе

[1] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. – Вып. 2.– С. 250.
[2] Широкова, З. А. Одежда. - С. 200-201.
[3] Розенфельд, А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. - С. 204.

повседневного назначения. Разница заключалась в том, что на свадьбе жениха одевали в новую одежду.

М. С. Андреев разобрал состав свадебного костюма хуфца. Он писал, что свадебную одежду жениха в долине Хуф шили из хлопчатобумажной домотканины *хивинч*, фабричных тканей *сон* (коленкор) белого цвета и красный ситец - *чит*, а также сукна домашнего изготовления - *гилем*. *Сон*, *чит* и *хивинч* шли на пошив рубах и штанов, из *гилема* изготовляли халат[1]. Во время свадебных церемоний его одежду составляли от двух то четырех комплектов рубах *яктах* и штанов *танбон* - из *хивинча* и фабричной материи, один или два пояса *менд* из хлопчатобумажной ткани красного или белого цвета длиной в 2 - 6 метров, завозимая из других районов тюбетейка, тюрбан *дастор* длиной около 8 м из красной хлопчатобумажной материи. Тюрбан украшался деталью *каркара* в виде эгрета за счет куска ткани опять же красного цвета. На ноги надевались 2 - 4 пары *джурабов*, портянки *пойпеч* и сапоги *пех*[2].

В состав свадебной одежды шугнанского жениха входил короткий камзол *воскат* без рукавов. В песне, которую исполняли во время ритуала бритья головы жениха, есть упоминание о наличии в его ушах серег - “дар гуши ша гушвор авезон”. Это означает, что в прошлом в числе свадебных украшений жениха были и серьги[3].

В Ишкашиме, Вахане в свадебном наряде жениха знаковыми были вязаные предметы: пестрые шерстяные джурабы *бурдж* и рукавицы с узором *синаи боз* (“грудь сокола”). Жених, как и невеста, держал в руках носовой платок из материи красного цвета, края которого имели плетения из белой нитки и подвески из бисера и *кнокача*. На платке вышивали надпись «Со свадьбой», «Будьте счастливы». Лицо жениха обмазывали куркумой (желтым имбирем), так как желтый цвет символизировал тепло. Глаза жениха подводили сурьмой.

Если свадьба происходила летом, жених не надевал рукавицы, а просто держал их в руках. Традиционно, в рукавицах и джурабах жениха и невесты

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. – С. 129.
[2] Там же. – С. 145.
[3] Там же. – С. 143-144.

должно быть больше красного цвета. Наличие в их орнаменте нитей черного цвета не приветствовалось.

Указанные выше знаковые цвета (белый с красным) характерны также для свадебного наряда таджикского жениха у сарыкольцев и ваханцев Китае, что в 2006 г. зафиксировал А. Саидов. По его словам, его одежды отличаются яркостью, на голову он надевает тюбетейку и шелковую чалму белого или красного цвета[1]. Данный факт указывает на общие корни и неразрывную культурную связь таджиков ГБАО и их собратьев, живущих на территории КНР.

Траурная и похоронная одежда. Для траурной церемонии выбирали соответствующую одежду с соблюдением консерватизма. До того, как приобрести статус траурных, отдельные предметы одежды сначала считались модными, их носили местные щеголи. По мере того, как ограничивалась сфера их применения, они становились и траурными с деталями савана. Культура траура требовала, чтобы траурная одежда не была яркой, а ее аксессуары (пуговицы, ремень и пр.) были скромными и не выделялись.

Мужчины Дарваза специальной траурной одежды не имели и лишь в дни траура не надевали новой одежды[2]. В Вандже и Язгулеме в вопросе траурной одежды поступали также, как в Дарвазе[3].

В Шугнане и долине Хуф прежде саван делали из шерстяной материи *рағза*. Лишь с середины XX в. для этого стали применять белую хлопчатобумажную миткалевую ткань *сон*. Выбор “правильной” ткани для савана считался богоугодным делом.

Согласно данным М. С. Андреева ва А. А. Половцева от 1902 - 1903 гг., в районах Ишкашима и Вахана траурная одежда была темных оттенков. Некоторые мужчины и вовсе одевались в старую и грязную одежду. Облачение в дни траура в чистую, новую или белую одежду считалось непозволительным.

---

[1] Саидов А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). - С. 361.
[2] Широкова, З. А. Одежда. – С. 201.
[3] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 83.

Траур продолжался одну, две недеди. В это время голову обматывали чалмой или платком, поверх одежды повязывали пояс соотвутствующего цвета. Правда, указанные этнографы не смогли точно выяснить конкретный траурный цвет, так как их информатор говорил о зеленом цвете, но показывал им темно-красный.

М. С. Андреев детально описал траурную одежду мужчин. Так, в Вахане мужчины во время похорон и траура голову повязывали синим платком. Траур соблюдали лишь по причине смерти близкого родственника: отца, матери, брата, сына, но не дочери. Муж уходил в траур по жене, если она была ему близка, но не соблюдал его по жене пожилого возраста. Во время траура нельзыя было стричься. Если в этот период сосед устраивал свадьбу, требовалось получить разрешение соблюдающего траур. Его приглашали на свадьбу, на его голову повязывали белую чалму. Затем он должен был взять в руки бубен, несколько раз ударить по нему и затем вернуться домой. После окончания срока траура в доме, где проходили похороны, собирались близкие и друзья, которые приносили с собой одежду и продукты. Они брили голову хозяина дома и переодевали его в новую одежду. Затем все вместе участвовали в угощении, что означало конец траура[1].

Самой первой одеждой для новорожденного служили старые штаны его матери или старая одежда престарелого старика, старухи, в которые завертывали младенца. Связано было с поверьем, что такая одежда способна была защитить ребенка от злых сил и способствовала его здоровому росту. Голову туго обвязывали полосой шириною около 4 см из сложенного вдвое куска хлопчатобумажной ткани. Завязанный узел располагался на затылке. Эту повязку окончательно снимали по истечении сорока дней.

Согласно М. С. Андрееву, каждый раз, когда ребенка вынимали из колыбели, на него надевали рубашечку *курта-буц* (по-хуфски). По достижению

[1] Андреев, М. С. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан / М. С. Андреев, А. А. Половцев. - СПб., 1911. - С. 18-19.

младенцем сорокодневия в Хуфе меняли его прежнюю рубаху *чилгай-пухок* на новый[1].

А. А. Семенов отметил, что первую рубашку на ребенка в Дарвазе надевали после того, как он начинал ходить. Ее шили длинной - до лодыжек. Смена этой рубашки производилась в зависимости от состоятельности семьи. Первую нарядную праздничную рубаху ребенок получал в три - четыре года. Ее шили из хлопчатобумажной ткани белого цвета и по краям деталей украшали перламутровыми кружками *садаф*[2].

Как правило, детям впервые коротко стригли волосы на голове на втором году жизни, когда они начинали ходить. Специальных церемоний по этому поводу не устраивали. Стрижку волос повторяли до достижения ими 7 - 10-летнего возраста, после чего следовало бритье головы[3].

В Вахане вышивкой украшали только детские рубахи. Вышитый узор располагался над плечами и по краям разреза ворота. Ее мастерицы выполняли красной нитью, воспроизводя звездочки, крест и некоторые другие простейшие фигуры[4].

Таким образом, в XX – начале XXI вв. исследователями собран достаточный материал, позволяющий проследить эволюцию мужского народного костюма таджиков ГБАО. Его уникальные качества ясно выражены как в костюме повседневном, так и праздничном, траурном.

3.2. Особенности женского костюма таджиков ГБАО в трудах исследователей XX – начала XXI вв.

Так сложилось, что у таджиков именно женщина является главным хранителем культурно-бытовых традиций, что ярко отражается в своеобразии народного костюма. Склонность таджичек пользоваться традиционной одеждой

---

[1] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. – С. 52, 67, 71-72.

[2] Семенов, А. А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. - М., 1899. - № 3. - С. 101-102, 104.

[3] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 85.

[4] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.

и придерживаться народных обычаев украшения, нередко расценивающаяся зачастую как проявление консерватизма, служит показателем бережного отношения к наследию предков и явилась залогом сохранения народного костюма.

Характерные типы, идеал красоты и границы свободы. Антропологический облик женщин равнинных районов в дореволюционный период был скрыт от чужого взора.

Относительная однотипность населения Дарваза способствовала формированию у жителей правильных и красивых черт лица, а также относительной белизны кожи, что было особенно выражено в облике местных женщин[1].

С. Д. Масловский особенно отметил красоту жителей восточной части Дарваза. Их он назвал образцами такой дивной красоты, которую он со своими путниками нигде больше не встречал. Путешественников очаровали такие их качества, как высокий рост, стройность с удивительными пропорциями телосложения, прямой классический профиль, роскошные шелковистые волосы иссиня-черного цвета. Их также поразили очень темные глаза, небольшой рот, нисходящие крутые дуги бровей с густыми волосами, а также молочной белизны кожа. Причем, эти женщины принадлежали к нескольким семьям и все они были настолько похожи друг на друга, если бы были сестрами. Существовала в этих местах легенда, что они являются потомками детей, появившихся на свет от брака святого Али с жившей в этих краях пэри[2].

Среди жителей Дарваза установка бухарских сановников и религиозных радикалов на ношение женщинами фаранджи не нашла поддержки. Исключение составили лишь женщины и девушки из семей проживавших здесь бухарских чиновников. Местные женщины свободно участвовали в праздниках

[1] Покотило, Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году. - С. 498.
[2] Масловский, С. Д. Гальча (первобытное население Туркестана). - С. 28-29.

и других общественных мероприятиях наравне с мужчинами. У себя дома не прятались от гостей мужского пола[1].

При всем том, они строго следовали восточному этикету. Так, при встрече на улице с незнакомцами они закрывали лицо большим платком[2]. Во время путешествия в другие районы дарвазская женщина набрасывала на лицо белую хлопчатобумажную или шелковую кисейную занавеску (вуаль), однако дома и в своем селении она категорически не допускала возможности прятать лицо[3].

В Вандже и Язгулеме положение женщины было, в целом, таким же, как и в Дарвазе. Так, женщины из низовьев реки Язгулем не считали необходимым закрывать свое лицо. Встретив на улице неизвестных мужчин, в частности, европейцев, они сначала прятались, но через какое-то время успокаивались и продолжали заниматься своими делами. Усаживание вместе с мужем женщины в одной комнате с зарубежными гостями и ее участие в беседе считалось позволительным. Более того, как отметил С. Д. Масловский, жена хозяина спала в одной комнате с ними[4].

Путешественники, побывавшие в Рушане и Шугнане, отмечали отсутствие здесь угнетения женщин. Одним из признаков такого их положения служило то, что среди горцев случаи многоженства встречались весьма редко. Соответственно, женщины пользовались значительным влиянием в своих семьях.

Местные женщины ходили с открытым лицом и отличались хорошими манерами и серьезностью[5]. Они наравне с мужчинами участовали в общих собраниях, устраиваемых по поводу какого-нибудь торжественного события. Если такие собрания посещали незнакомые мужчины, например чужеземцы,

---

[1] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). – С. 197.
[2] Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – С. 8.
[3] Иванов, Д. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. - № 6. - 1885. - С. 613- 659. - С. 648.
[4] Масловский, С. Гальча (Первобытное население Туркестана). - С. 22-23.
[5] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 73.

молодые женщины из застенчивости частично закрывали свои лица концами большого головного платка. Но перед своими соседями они так не поступали[1].

Однако во время свадебных и праздничных увеселений, а также других массовых мероприятий им не полагалось выходить на сцену и принимать участие в танцах[2]. На улице при появлении неизвестных мужчин они закрывали лицо[3]. Особенно в случаях, когда таким мужчиной был русский или другой иностранец[4].

Внешние качества шугнанских женщин подробно описал Д. Иванов, по словам которого, они высокого роста, с прямым и стройным станом, со смелой и более красивой, чем у местных мужчин, походкой. Он также отмечает сходство их лица с грузинками: длинный овал, острый подбородок, напряженные брови, выразительный острый нос. Выражение лица и глаз - довольно внимательное, а в старости - серьезное и сдержанное, что являлось показателем уверенности и твердой воли. Он отмечал, что, благодаря серьезному виду, шугнанки смотрелись привлекательными даже в лохмотьях[5]. Его замечание насчет лохмотьев исходит из того, что в то время (1983 г.) из-за бедности местное население испытывало затруднение с обеспечением бытовыми принадлежностями, немало людей пользовалось рваной и грязной одеждой.

А. Серебренников писал, что шугнанки в пору юности и молодости имели красивые черты лица и привлекательную форму тела, напоминая в этом грузинских девушек. Однако из-за жизненных трудностей в суровых условиях гор они со временем теряли былую красоту[6].

Женщины в Вахане, находясь в обществе мужчин, ощущали себя вполне непринужденно. И. П. Минаев счел необходимым обратить внимание на

---

[1] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. - С. 111.
[2] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно // Туркестанские ведомости. – 1894. – № 13.
[3] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича // Русский вестник. - 1904. - № 10. - С. 464.
[4] Эггерт, В. В. Очерк Памиров. - С. 17-18.
[5] Иванов, Д. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. - № 6. - 1885. - С. 613- 659. - С. 658.
[6] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 70-71.

нежное телосложение ваханок[1]. Для Т. Э. Гордона было совершенно неожиданным, что в Вахане, находящемся вдалеке от прогрессивного мира, встречаются женщины с изящной фигурой[2].

Капитан Д. В. Путята отметил приятные черты красивых смуглых лиц ваханок. Однако, по его словам, женщины из Вахана, участвуя во всех тяжелых работах наравне с мужчинами, старились рано и, по его словам, в годы совершенолетия уже приобретали болезненный вид[3]. В то же время, И. П. Минаев с А. А. Черкасовым вопреки Д. В. Путяте писали, что благодаря мужским заботам памирские таджички не выходили работать на поле[4], тяжелых работ не выполняли, а при далеких переездах на лошади сидела она, а не муж[5].

Как писал Т. Э. Гордон, в Вахане статус женщины в семье был более высоким, чем в других восточных странах, очевидно, имея ввиду прежде всего Бухарский эмират, Хивинское и бывшее Кокандское ханства, а также другие соседние с Припамирьем края. В Вахане женщина не окутывала себя в фаранджи. Ее высокий статус выражался и в том, что именно ее приглашали для получения из рук иностранных гостей подарков или плату за временное проживание[6].

Н. Л. Корженевский несколько сгущая краски писал, что среди ваханок, которые не закрывают лица, встречаются и красивые типы. Но в условиях бедности и ношении одежды не первой свежести встреча с ними не всегда могла доставить приятные впечатления[7]. Подобную характеристику дает Н. Л. Корженевский, например, применительно к женщинам из ваханского селения Лангар[8].

---

[1] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). - С. 193.
[2] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.
[3] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.
[4] Минаев, И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год). - С. 193.
[5] Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. - С. 111.
[6] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.
[7] Корженевский, Н. Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста). - С. 725.
[8] Пэтэрс, П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. - С. 24.

Автор также отмечал, что при встрече с неизвестными мужчинами, особенно иностранцами, жительницы Вахана пытаются тотчас же спрятаться. В противном случае их ждет суровое наказание от мужей[1]. Такому поведению женщин способствовало и влияние притеснений и истязаний, чинимых афганцами и и чиновниками Бухарского эмирата. Как следствие, во время приближения иностранцев ваханки бросали свою работу и немедленно обращались в бегство[2].

Материал и состав одежды. В Горном Бадахшане женщины дома ходили в длинной хлопчатобумажной или шерстяной рубахе и шальварах, которые довольно туго охватывали ноги у щиколотки. На голову надевали носили небольшую плоскую тюбетейку, поверх которой, особенно для выхода из дома, набрасывали платок различных размеров. Концы головного платка свешивались по спине, несколько прикрывая только затылок и косы.

М. С. Андреев указывал, что для этой территории был характерен наибольший объем выделки шерстяных тканей в пересчете на одного жителя региона. В горах вследствие особых природно-климатических условий шерстяная домотканина служила основным материалом для одежды местного населения. Более того, одеяние многих горцев состояло исключительно из шерстяных изделий[3].

В состав традиционной женской одежды Дарваза входили два-три платья, шальвары, головной платок или тюбетейка. Некоторые поверх платья носили короткую жилетку *камзулча*. В холодный период одежный комплекс дополнялся стеганым халатом и вязаными шерстяными чулками.

Согласно Б. Л. Громбчевскому, в Калаи Хумбе в теплое время года женщины одевались в рубаху и штаны из хлопчатобумажной материи

---

[1] [1] Пэтэрс, П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. - С. 24.
[2] Корженевский, Н. Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. - СПб., 1906. - С. 14.
[3] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. - Вып. 2. - С. 200-211.

кустарной выделки белого цвета. Белыми были и их головные платки, изготовленные из хлопчатобумажных материй кисея или *карбос*[1].

В Язгулеме женщины носили одежду как белую, так и цветную[2]. Здесь до середины 1940-х годов почти все виды одежды шили из хлопчатобумажной ткани местной кустарной выделки *карбос*[3].

В Рушане и Шугнане изготовление шерстяных тканей являлось наиболее развитой отраслью кустарного производства. Из шерсти вырабатывали материи разных сортов. Наиболее тонкие ткани предназначались для нижней мужской и женской одежды, ткани среднего качества – для шапок, кушаков и чалм, а для верхней одежды (чекменей) вырабатывались прочные и толстые сукна[4].

Большое распространение имели платья и халаты из разных сортов шерстяных домотканых материй - *гилем*, *рагза*, *катма*. Эти ткани не красили, одежда из них сохраняла цвет шерсти: белого, серого, темно-коричневого, черного.

Из пуха домашних и диких коз ткали мягкую материю *тибити* для мужских чалм. В Шугнане и окрестных районах также вырабатывали шелковую ткань *пиллаги*. Ее женщины орнаментировали краской способом перевязки *гулбаст* и применяли в качестве головного платка. Также существовало ткачество смешанной ткани *сандаки* из шерсти с шелком или шерсти с хлопком. Она употреблялась для пошива мужской, женской и детской одежды.

Тканей из хлопка было мало, поэтому они встречались только в женской одежде. В глаза бросались лишь хлопчатобумажные материи белого и серого

---

[1] Акрамов, Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. - С. 55.

[2] Масловский, С. Гальча (Первобытное население Туркестана). - С. 22-23

[3] Моногарова, Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.). - С. 99-100.

[4] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 84; Серебренников, А. Очерк Памира. – С. 73.

цветов. Увидеть платье ярких цветов было почти невозможно[1]. В долине Хуф ткали хлопчатобумажную материю *хивинч* для пошива платьев[2].

После того, как Бухарский эмират попал в вассальную зависимость от России, благодаря налаживанию путей сообщения с долинными районами жителям этого горного края ткани из хлопка стали доступны в достаточном количестве. Это не могло не отразиться и на ритуалах, например, свадебных. Так, согласно публикации от 1908 года, в Шугнане отец жениха из одной состоятельной семьи позволил себе подарить дяде невесты по материнской линии 9 кусков *карбоса* и 9 ситцевых рубах. Кроме того, он выплатил отцу невесты 5 кусков *карбоса* (а также одного быка)[3]. Как видим, уже в первые годы XX века при наличии средств местные жители не испытывали проблем с доступностью хлопчатобумажных материй.

Женщины в Вахане надевали платье и шальвары, поверх платья завязывали пояс, голову покрывали круглой шапочкой или куском хлопчатобумажной ткани[4]. Здесь одежду шили из хлопчатобумажных и шерстяных материй. Сукно завозили сюда из Шугнана[5].

Из шерсти в Вахане и Ишкашиме и других местах Горного Бадахшана изготавливали материи многих сортов. Наиболее тонкие ткани предназначались для нижней мужской и женской одежды, ткани среднего качества – для шапок, кушаков и чалм, а для верхней одежды вырабатывались прочные и толстые сукна[6]. Большое распространение имели платья и халаты из разных сортов шерстяных домотканых материй *гилем, рагза, катма*. Эти ткани не красили, одежда из них была естественного цвета шерсти, белого, серого, темно-коричневого, черного. Т. Э. Гордон описал женскую одежду ваханцев как

---

[1] Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно.

[2] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. - С. 200, 243; Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. – С. 366.

[3] Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 91.

[4] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.

[5] Пэтэрс, П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. - С. 24.

[6] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа. – С. 84; Серебренников, А. Очерк Памира. – С. 73.

хлопчатобумажную. Здесь, как и в Сарыколе, женщины носили белое платье, на голову повязывали узкий платок[1].

После присоединения Памира к России сюда стали завозить большое количество хлопчатобумажных материй разных видов. В зависимости от благосостояния население могло позволить себе приобрести ткани из хлопка разнообразных сортов. Так, в первые годы XX века калым, оплачиваемый со стороны жениха родителям невесты включал рубахи из ситца (*чит*), *карбоса* (маты), *хосы* (кисеи) и пестряди (*алачи*), причем каждой по девять штук. Во время свадебных празднований в доме жениха каждый из гостей приносил с собой один кусок *карбоса*, а родственники - несколько кусков *карбоса* или *ситца*. За счет этих подарков происходил частичный сбор калыма[2].

Платье. В отличие от равнинных районов, в Горном Бадахшане женщины носили традиционные платья малой ширины. Связано было это с тем, что в горах использование широких платьев было не комфортно, они мешали движению. С другой стороны, условия жизни в высокогорье заставляли экономить на всем, в том числе на покупку ткани, расходуемой на одежду.

З. А. Широкова отметила, что в Дарвазе носили и широкие, и узкие платья. Первые были предназначены, как правило, для пожилых женщин. Молодые зачастую ходили в узких, обтягивающих фигуру, платьях. Средняя ширина дарвазского женского платья составляла всего лишь 35-40 см. Встречались платья, в которых ширина стана составляла 30 см и даже чуть меньше. Для сравнения, укажем что в Бухаре и Кулябе этот показатель составлял 60-65 см, в Худжанде - 60 см, в Истаравшане и Исфаре - до 80 см.[3] К узкому стану пришивали с двух сторон боковые клинья узкие вверху и очень широкие у подола. Тем самым достигалась большая расклешенность платья книзу. Рукава

[1] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.

[2] Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 91-92.

[3] Широкова, З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. - С. 25.

также отличались значительной скошенностью. Они были очень широкими у основания и очень узкими у кисти[1].

Платья шили из гладких и узорчатых тканей. Среди гладких тканей особым спросом пользовались материи разных оттенков красного, розового, бордо и желтого цветов. Узорчатые материи (сатины и ситцы) подбирались так, чтобы в узоре сочетались яркие цвета на ярком же фоне.

Большой популярностью пользовались платья из белой ткани *куртачи*, на которые нашивали нагрудник *шоинак*, фигурно вырезанный кусок *карбоса* длиной 30 х 45 см, орнаментированный вышивкой. Внизу *шоинак* заканчивался треугольником или половиной шестигранника. На платье делали полукруглый вырез для шеи, соответственно которому делалась и форма верхней части нагрудника. От этого выреза слева вниз или вдоль плеча делали вертикальный надрез для надевания и снятия платья. Надрез обшивали кантом из цветного материала и оснащали завязками или застежкой на пуговицу.

В платьях с нашивным передом *шоинак* также нашивали вышитые полоски на концы рукавов. Ширина нашиваемого обшлага *сари остин* составляла 4-6 см. Кроме того, на участке между локтем и концом рукава нашивают поперечные вышитые полоски *чобик*. Изначально в этих местах, на расстоянии 20-25 см от конца рукава выполняли поперечный разрез, украшенный вышивкой. Через эти прорези, также называемые *чобик*, девушка продевала руки во время домашней работы. В последующем разрезы перестали делать, но сохранилась традиция украшать эти места вышивкой.

Нашивными передами украшали также платья с вертикальным разрезом ворота. Этот вид нагрудника *пешак* имеет треугольную форму. Он состоит из двух полосок вышитого *карбоса* (размер каждой примерно 45 х 8 см), которые сшиваются вместе и заканчиваюся кисточкой.

В Дарвазе для отделки вертикального разреза ворота использовали нашивную узорную тесьму *шероза*, *зияк*. Она представляет собой две

[1] Широкова, З.А., Шовалиева М.М. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 144.

параллельно идущие полосы тесьмы длиной 80-100 см и шириной 4-5 см каждая. Внизу эти полосы сшиты вместе на расстоянии примерно 40-50 см, после чего они разъединяются и идут вместе вверх, вдоль вертикального разреза ворота платья.

Среди замужных женщин существовала традиция вместо *шерозы* нашивать две полосы черной ткани такого же размера с пришитыми на них серебряными круглыми бляшками *ситора* и полумесяцами *каджак*, иногда в их сочетании с монетами. Стремление к ношению таких украшений на платье было вызвано тем, что в них находила отражение вера в оплодотворяющую силу небесных светил[1].

Шелковые платья шили из очень тонкой материи *казин*, затем уже сшитое платье орнаментировали окрашиванием способом перевязки – *гулбаст*. Повсеместно были распространены, кроме того, праздничные платья, украшенные вышивкой. Материю для них подбирали хлопчатобумажную, яркого красного или розового цвета. Украшали вышивкой, как правило, только рукава или их концы *саростин*, иногда вышивку наносили на концы рукавов и подол. Реже вышивали узор на переде платья. Иногда вышивку на перед платья наносили не сплошь, а только на его верхнюю часть. В этом случае платье напоминало рубаху с нашивным нагрудником *шоинак*. Вышитая полоса на конце рукава могла иметь различную ширину – от 12 то 30 см. Когда вышивали весь рукав, ширина декора составляла до 60 см и доходила до основания рукава. Когда вышивали концы рукавов и подол, ширина орнамента на обоих участках платья принималась одинаковой – около 30 см. Платья со сплошь вышитым передом были наиболее эффектными, их надевали в праздники и торжественные дни, например на свадьбах. Такие платья в обязательном порядке имели в своем свадебном гардеробе невесты.

Часто встречались платья, перед которых был оформлен вышитым узором. Более того, вышивка на подоле платья выполнялась не только в его передней части, а могла захватить и боковые клинья. Изредка можно было встретить

[1] Ишбулдина, К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии. - С. 239.

платья, украшенные вышивкой, как впереди, так и задней части. Декор мог быть, как растительным, так и геометрическим. Более того, в узорах преобладали геометрические мотивы. Например, главными композиционными элементами в нагруднике платья *шоинак*, были крупные ромбы, сплошь заполненные внутри одним цветом или с размещением там других фигур.

Встречаются образцы местных вышитых платьев *чакан*, на которых перед, концы рукавов и подол оформлены цепочками крупных разноцветных ромбов с богатой внутренней проработкой каждого из них. Ромб символизирует женское начало. Его изображение, как и растительных узоров, символизирует идею плодородия. Эти орнаменты несут охранную функцию и служат оберегом[1].

На многих платьях *дудомана* внизу, вдоль подола, делали складки шириной в 2-3 см, хотя число таких складок могло дойти до 5-6. Изначально их делали как запас на случай усадки ткани, но со временем традиция делать складки приобрела характер моды. Значительное число складок собирали на платьях из *карбоса*, достигая так эффекта гофре. Их получали путем механической и влажно-тепловой обработки без закрепления швом. Складки располагались на стане, на участке от груди до подола, а также по всей длине рукавов. После стирки приходилось делать складки заново[2].

Нижнее платье *куртаи тагпуши*, надеваемое под вышитое, шили из белой хлопчатобумажной ткани. Материал платья был гладким или с мелкими цветочками. Оно оснащалось преимущественно стоячим воротом, выступающим через вертикальный разрез ворота верхнего платья *куртаи пешчокак*. К концам рукавов нижнего платья пришивали концы *саростин* – кусок другой ткани, оформленные вышивкой. Рукав нижнего платья с *саростином* закрывал всю кисть руки. Перед стиркой *саростин* отсоединяли от рукава с целью предохранения линьки шелковых вышивальных нитей.

Рукава верхнего платья были короче рукавов нижнего. В старину женщины носили нижнее платье *куртаи китфак*, без воротника. В них от

[1] Ишбулдина, К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии. – С. 239.
[2] Широкова, З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 146.

выреза для шеи шел горизонтальный разрез вдоль правого плеча. По краям такой разрез ворота обшивался каймой *магзи* и завязывался на нитяные завязки.

Одновременно с распространением нижних платьев со стоячим воротником с оборкой и без него стали распространяться и отложные воротники *лабгардон*. К разрезу ворота верхнего платья воротник, как правило, не пришивали. Вместо этого, по краям разреза ворота подшивали снизу вставку из другой ткани. После присоединения Дарваза к Бухарскому эмирату в 1878 году и появления в Калаи-Хумбе бухарского бека в центральных дарвазских селениях начали распространяться платья широкого покроя. Платья же на кокетке здесь начали шить в 1950-х годах[1].

Женские платья язгулемцев *оврати каут* была по покрою похожа на дарвазскую и несколько отличалась от мужской рубахи. В частности, она была длинее (ниже колен), вертикальный разрез - *пас-қафо* горизонтальной горловины находился не с краю (у какого-либо плеча), а посередине. Края этого разреза окантовывали полосой из другой ткани и украшали вышивкой, где узор в виде буквы “Х” исполнялся цветными нитями. У шеи края ворота платья сводились вместе, как на мужских рубахах, тесемками. На некоторых платьях по периметру подола пришивали складчатую полосу *завг*. На спинку на участке между лопатками иногда нашивали прямоугольный кусок другой ткани, что служило для предупреждения истирания от постоянного соприкосновения с косами.

Покрой платьев в Язгулеме был одинаковым для всех возрастов, включая маленьких девочек и пожилых женщин. В этом заключалась их особенность, так как, к примеру, в соседнем Дарвазе платья имели возрастные отличия. Интересно, что даже в конце 1950-х годов, когда женскую одежду уже шили из фабричных материй, эта особенность туникообразного покроя язгулемских платьев домашнего пошива все еще сохранялась. Широко распространившиеся по всей Средней Азии платья городского покроя в магазинах Язгулема впервые

[1] Широкова, З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 145.

появились в 1947 - 1948 гг. Речь идет о широких платьях в большинстве своем шелковых, с кокеткой и отложным воротником. В таких платьях первыми стали ходить девушки и молодые женщины[1].

Как отметил, М. С. Андреев, до революции в Рушане и Шугнане женщины, подобно местным мужчинам, носили только шерстяную одежду. Платье из хлопчатобумажной ткани было редкостью, его надевали только невесты в дни свадьбы. Одним и тем же платьем пользовались несколько невест. Очередная невеста ходило в нем только три дня, после чего возвращала его хозяйке[2].

Хотя такое мнение М. С. Андреева не согласуется с заметкой С. И. Коржинского от 1898 г., который назвал материал рубахи и шальвар рушанских и шугнанских женщин “мата”, что в то время означало простейшую суровую ткань из хлопка *карбос* (бязь). Указывая на белый цвет этой ткани, он отмечал ее суровый оттенок, хотя из-за толстого слоя грязи она выглядела серым[3].

Эти сведения означают, что в конце XIX в Рушане и Шугнане хлопчатобумажная нательная одежда (платья и шальвары) была распространенной. Об изготовлении в Рушане одежды, причем исключительно женской, писал чуть раньше и В. А. Баньковский. Однако он делает замечание о том, что здесь многие жители понятия не имеют о существовании маты[4].

В 1885 году Д. Иванов зафиксировал в этих местах длинные женские платья без обшивки краев широкого разреза ворота, который располагался посередине передней части. При ношении платье не опоясывалось[5]. В тканях для одежды искусственными красителями и отбеливанием не пользовались, а естественный вид тканей выглядел разными оттенками естественного белого цвет[6].

---

[1] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36; Она же. Язгулемцы Западного Памира. - С. 100.

[2] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф. - Вып. 2. - С. 250.

[3] Коржинский, С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения // Сельское хозяйство и леса. - 1898. - Т. 189. - № 4. - С. 68.

[4] Баньковский, В. С Памиров. – 1894. - № 4.

[5] Иванов, Д. Л. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. – М., 1885. – Т. 3, кн. 6. - С. 657.

[6] Там же. - С. 648.

Под названием *курта* подразумевали хлопчатобумажное платье, которое до 1930 г. по крою не отличалось от шерстяной рубахи *гилем*. По материалам начала XX века, в Рушане и Шугнане женские платья шили из шерстяной домотканины и называли их *гилем* или *гилеминкурта*, по названию используемой материи. Примечателен тот факт, что в Средней Азии ношение женских платьев из шерстяной ткани было характерно только для таджиков Памира.

Узкий рукав длинного платья полностью закрывал кисть руки или был длиннее на 10-15 см. Разрез ворота на всех видах местных платьев был вертикальным *ростовгиребон*[1]. Особенность платьев местного образца - сильная расклешенность книзу. Например, ширина боковины вверху могла быть 25, внизу – 70 сантиметров[2]. Столь значительное расширение памирских женских платьев книзу связывают с влиянием культуры одежды Северной Индии[3].

Своеобразным оформлением отличались платья *чагчин*, содержащие поперечные складки по всей длине рукавов. Их делали, используя специальную форму, после чего рукава смазывали изнутри мучным клейстером. Такие мелкие складки делали и внизу, на подоле. Очевидно, расход ткани на пошив рубах со складками был значительный.

Кроме того, шили платья *миёнчин* со складками у подмышки. Для этого боковые клинья вверху делали более широкими, чем обычно. При зашивании их к стану образовывались складки, которые сшивали несколькими строчками. В результате платье получалось узким в верхней части и широкой у подола. Примечательно, что в Средней Азии платья со складками у подмышки шили только таджички Памира. До 1940-х годов эти платья носили только молодые женщины, а до 1960-х годов и пожилые женщины.

---

[1] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича. - С. 464.

[2] Бахтоваршоева, Л. Платья традиционного покроя таджичек Памира. – С. 145.

[3] Царева, Е. У подножия Крыши мира (рус., англ.) // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). - СПб., 2006. – С. 196.

В Хуфе все женщины носили туникообразную рубаху *гилем*, сшитую из белого сукна *рағза*. Ее покрой был таким же, как и в других местах. Прежде ее шили без ластовиц под подмышками. Дополнение рубахи этой деталью было заимствовано у шугнанских мастериц в конце 1920 - начале 1930-х годов. На рубахе с вертикальной горловиной - *куртаи тоқдор* с двух сторон разреза ворота делали отверстия, в которые вшивали концы тесемок - *тоқ*, чтобы закрыть горловину.

В нарядных платьях на края разреза ворота нашивали черные тесемки *шероз*. Две широкие тесемки, ширина каждой по 3-4 см, сплетенных из мягких шерстяных нитей, сходились внизу горловины платья вместе и оканчивались кисточкой. Каждую тесемку не плели такой широкой, ее получали расположением по соседству нескольких узких сплетеных шнуров пришиванием их друг к другу. В 1940-х годах на платьях помимо тесемок черного цвета можно было видеть также красные и пестрые (с красно-белыми полосками) *шерозы*.

К особенно нарядным тесемкам пришивали тонкие серебряные пластинки, которые чередовались с перламутровыми пуговицами. Такие *шерозы*, называемые *садафи гиребон*, были очень дорогими и встречались также в Дарвазе и Кулябе. По сведениям А. К. Писарчик, в обмен на пару таких тесемок предлагали быка и дойную корову. Они.

В начале XIX в. отдельные женщины, преимущественно жены ишанов, имели белые шелковые шальвары. Шелк в этих районах производили очень мало, только в Рушане и Шугнане. Ввоз разноцветных шелковых материй и полушелковых адрасов из Бухары начался лишь в конце указанного столетия.

Во времена шугнанских шахов из Кашгара в долину Хуфа привозили небольшое количество хлопчатобумажной домотканины *хивинч*. Из нее шили белые женские платья *курта*. В 1880-х гг. после нашествия афганцев в регион стали поступать фабричные ткани, по большей части белого цвета. Однако широкое распространение таких материй произошло после революции. До

этого времени в силу бедности населения почти все женщины пользовались лишь одной рубахой, естественно шерстяной, которую носили и летом и зимой.

В первой половине 1940-х годов стали распространяться платья нового покроя *куртаи чиндор*, которые шили из белой ткани со складками. Стоячий воротник обшивали цветным кантом, вертикальный разрез ворота - тесьмой. Концы рукавов оканчивались обшлагами, которые были украшены цветным кантом или скромной вышивкой. Такими платьями вначале стали пользоваться молодые женщины, преимущественно жены местных учителей и колхозницы. Постепено они стали весьма популярны. В это время в Рушане в одежде девочек можно было встретить платья, сшитые из комбинации двух тканей двух цветов - кофта была цветной, юбка - белой.

Ставшими широко популярными в равнинных районах платья *кукрак-бурма* на Памире можно было встретить лишь в областном центре Хороге. Их шили в артелях и продавали через магазины. Такие платья носили хорогские служащие (учительницы, медицинские работницы) и жены государственных служащих. Магазины также стали обеспечивать горцев скромными платьями со стоячим воротником, но ими в первой половине 1940-х годов пользовались лишь женщины пожилого возраста. В целом, это десятилетие было временем, когда артельная одежда интенсивно занимала место традиционной одежды[1].

По словам Т. Э. Гордона, в 1874 г., в Вахане женщины ходили в белых рубахах из суровой хлопчатобумажной ткани. По возможности они старались шить себе одежду из более раскошных материй, которые привозили из Яркенда[2]. Здесь платья носили без опояски[3].

В Ишкашиме шерстяные или хлопчатобумажные платья со сборками под мышками называли *шави* (в долине Хуфа - *миёнчин*). Праздничные и свадебные

---

[1] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 407-409.

[2] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир Гордона. - С. 23.

[3] Путята, Д. Очерк экспедиции г.-ш. капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. - С. 64.

платья *шави* украшали вышитыми тесемками по краям вертикального разреза ворота и на концах рукавов.

Поясная одежда. На большей части территории Горного Бадахшана шальвары называются *танбон*. В пределах Таджикистана данный термин встречается только здесь, хотя его широко употребляют для обозначения поясной одежды во всех регионах Ирана[1].

Шальвары в Дарвазе помимо *танбон* называли также *эзор* и *лозимӣ*[2]. Их шили из тканей двух видов. Верхняя часть одних *лифа* / *нифа* делалась из дешевой простой ткани, как правило, белого или серого *карбоса*. На нижнюю часть штанин *поча* для женщин в возрасте шли ткани темных расцветок – темно-синие или черные с мельким рисунком. Молодежь для этого пользовалась яркими материями желтого и красного цвета. В первые годы XX были распространены женские шальвары белого и красного цветов[3]. Они были очень длинными, у ступней образовывали большое число складок, а концы их оформляли кантом.

Если в конце XIX века шальвары шили из разных сортов кустарных хлопчатобумажных тканей, то со временем стали использовать фабричный ситец с цветочками или шелковые материи. Шальвары ы начали делать более узкими, а концы оформлять вышитой тесьмой. Укоротилась и их длина, достигая лишь до щиколоток.

Женские шальвары из Язгулема отличались от мужских тем, что были длинее, а у щиколоток сужались, что создавало складки. Их чаще шили из полосатой ткани алоча, но иногда из той же материи, что и платье[4].

В Рушане и Шугнане женские шальвары были как и язгулемские. Однако в Шугнане их верх и низ шили по большей части из одного материала.

---

[1] Люшкевич, Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. // Сборник МАЭ. – 1970. – Т. 26. – С. 299.

[2] Географически редкое для Таджикистана название штанов (распространено только в Горном Бадахшане) - *танбон* - повсеместно употребляется в Иране. См.: Люшкевич, Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. – С. 299

[3] Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 31.

[4] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

Наблюдалось стремление делать *танбон* по возможности длинее[1], так обилие складок в них считалось признаком красоты[2]. На поясе они удерживались с помощью завязываемого шнура *тарвиг*. Имелась ромбовидная ластовица *хиштак*, такая вытянутая, что конец доходил до низа штанины. Прежде шальвары шили из шерстяной материи рагза, а в 1940-х годах для этой цели стали пользоваться хлопчатобумажными (сатин, тик) и шелковыми тканями фабричного производства[3].

Распространенные в Ишкашиме и Вахане женские *танбон* не отличались от образцов, используемых в других районах Западного Памира. Сужение штанин книзу было настолько сильным, что они охватывали ноги у щиколоток довольно туго[4].

Верхняя одежда. Во всех районах Западного Памира женщины специальной зимней одежды не имели, так как большую часть времени они проводили у себя дома. При совершении более или менее длительных походов, они надевали две-три рубахи и тщательно укутывались платком[5].

В старину в Дарвазе только состоятельные семьи могли позволить себе шить стеганую верхнюю женскую одежду *джома* наподобие мужского теплого халата. Ее делали с боковинами, передними клиньями, без вырезной проймы. Во второй половине XX века утепленная верхняя женская одежда стала массовой.

Н. А. Кисляков лично наблюдал, что в 1930 - 1940-х годах в Вахио и Язгулеме зимой в снежный буран и суровые морозы женщины ходили в гости из одного селения в другой, одетые лишь в ситцевые платья с шальварами и головным платком[6]. В Язгулеме женщины стали носить верхнюю одежду в

---

[1] Иванов, Д. Л. Шугнан. Афганистанские очерки. - С. 657.

[2] Там же. - С. 658.

[3] Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А.К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф”. - С. 409.

[4] Бобринской, А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – С. 52.

[5] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 137.

[6] Кисляков, Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк). - С. 368; Кисляков, Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. - С. 126.

середине 1950-х годов, используя для этого хлопчатобумажные и шерстяные халаты мужского образца. То же касается и надеваемых зимой халатов девочками-школьницами[1].

Для защиты от холода зимой женщины Рушана и Шугнана поверх платья обматывали бедра куском сукна[2]. В сильный холод и то довольно редко одевались в шубу[3]. После появления фабричных тканей получил распространение стеганый халат *чапон*. А. А. Черкасов, имея в виду верхнюю одежду женщин, как Рушана и Шугнана, так и Ишкашима с Ваханом, писал, что их суконные халаты ничем ни отличались от мужского образца[4].

Головные уборы. В качестве женского головного убора на Памире повсеместно служили платки[5]. Хотя в Дарвазе в конце XIX – начале XX века летом немало женщин обходилось и без него, выставляя напоказ свои косы. В холодный период некоторые из них вместо платка пользовалдись меховой шапкой[6].

Женщины средних лет и пожилые носили платок *соба* из 6 м белой марли или кисейной ткани *шаши* или *борики* с цветными (красными, черными и желтыми) полосками на кайме. Необходимо было этим платком укрыть фигуру и грудь. Серединную его часть накидывали на голову, левый конец обматывали вокруг головы и забрасывали на спину. Правый конец свисал спереди и вдоль спины. *Собу* носили так, чтобы она достигал земли.

В Дарвазе в прошлом повсеместно носили вышитую налобную повязку *мандил* или *сарбандак* (ширина 6-8 см). Вышивку производили по *карбосу* или ткани *сатранжи*. Повязку начинали носить с 4-5-летнего возраста до замужества, но не всегда, а по праздникам и в день свадьбы. *Мандил* повязывали поверх распущенного головного платка.

---

[1] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.
[2] Иванов, Д. Шугнан. Афганистанские очерки. - С. 658.
[3] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 137.
[4] Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. - С. 111-112.
[5] Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича. - С. 464.
[6] Шишов, А. Таджики. Этнографическое исследование. – С. 126.

Во время свадьбы лицо невесты закрывали покрывалом *рубанд*, *чашмбанд* с сеточкой для глаз или тонким красным шелковым платком *казин* с узорами[1]. Женские тюбетейки, характерные для Дарваза, имели круглый околыш и богатую вышивку. Было принято украшать пестрым узором макушку и тесемку, нашиваемую на околыш.

Женщины и девушки из Ванджа и Язгулема покрывали голову платком *цил* из кисеи или белой домотканины - *хванг*. Платок носили таким образом, чтобы его концы свободно спускались на грудь или спину[2]. Появление в Язгулеме женских тюбетеек местного типа Л. Ф. Моногарова датирует началом 1940-х годом. Местные тюбетейки имели вертикальный околышек и плоский верх красного, зеленого или синего цветов. По ее словам, в этом регионе женские тюбетейки общетаджикского образца распространились в 1950-х годах[3].

Голову женщины и девушки в Рушане и Шугнане покрывали большим платком, не завязывая его концы. Иногда его придерживали налобной повязкой *сарбандак* с вышитым цветным узором. В старину под платок надевали на голову стеганую хлопчатобумажную шапочку *шабкулох* (Шугнан), *пакол* или *каллапушак* (Бартанг). Эти шапочки постепенно выходили из употребления, и к 1918 г., по словам И. И. Зарубина, лишь некоторые, по большей части старухи, все еще пользовались ими[4]. О ношении в Бартанге женских тюбетеек этот автор не упоминает, хотя согласно его описанию, здесь можно было встретить вышитые мужские тюбетейки.

Хуфские женщины носили головной платок *цил* длиной 1,5 - 2 м и шириной почти в 1 м из хлопчатобумажной ткани *хивинч* без вышивки. Один его конец набрасывали на голову таким образом, чтобы его углы свешивались поверх плеч и через спину. Зимой и в холодную погоду края платка обертывали вокруг шеи. Некоторые складывали платок по диагонали и обвязывали им

---

[1] Широкова, З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 150-152.

[2] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

[3] Моногарова, Л. Ф. Современные этнические процессы на Западном Памире. – С. 30.

[4] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 134–136.

голову так, чтобы узел располагался на затылке. Такой способ ношения платка назывался *қайтарма*.

Фабричные головные платки в Хуфе распространились в конце 1920-х годов. Они были преимущественно популярного на Памире красного цвета. В это время также распространились кисейные платки *дастор*.

Сложный по составу головной убор использовался в праздничные дни. Сначала голову охватывали кисейным платком *дастор* таким образом, чтобы его концы проходили под подбородком, оставляя открытым лишь лицо. Затем надевали шапочку *пакол* и вышитую налобную повязку *сарбандак*. После этого набрасывали на голову цветной шелковый платок *фидон*, который булавкой скрепляли с шапочкой[1].

О головных платках жителей Горного Бадахшана А. А. Черкасов писал, что они набрасывают на голову четырехугольный кусок ткани. Большая часть женщин в качестве такой ткани применяли *карбос*, а те, кто богаче - цветастый ситец[2]. В 1930-х годах в Шугнане и Рушане в праздники молодые женщины поверх платка обертывали вокруг головы узорную плетеную тесьму *кур*. Вместо нее могли также использовать вышитую шелком полосу ткани *сарбандак*.

Ваханские женщины голову повязывали узким хлопчатобумажным платком[3]. В Ишкашиме женщины надевали на голову стеганую шапочку *паспакол* с накосником, а также повязывали голову большим платком *дастор*, концы которого спускались почти до земли[4].

А. А. Бобринской в 1908 году отметил, что в верховьях Пянджа (Ишкашиме и Вахане) женщины носили небольшую плоскую тюбетейку. При выходе из дома поверх нее набрасывали на голову платок, концы которого спускались по спине. Тюбетейка эта, возможно, была вязаной. В таких же

---

[1] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. - Вып. 2. - С. 251.

[2] Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. - С. 111-112.

[3] Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир. - С. 23.

[4] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.

“обыкновенных тюбетейках”, по его словам, летом ходили и местные мужчины. А. А. Бобринской описал их как мелкие, плоские, вязаные из белой хлопчатобумажной пряжи. Зимой же мужчины закрывали голову шерстяной вязаной шапочкой *пакол*[1]. Как видим, речь здесь о цветных (красных, зеленых), вышитых тюбетейках не идет.

Обувь. До появления в горных районах фабричной обуви (1920-е годы) женщины носили те же виды обуви, что и мужчины, т.е. ее деления на женскую и мужскую не было[2].

В сезон ненастий женщины в Дарвазе на ноги надевали сапоги *мукки*, *чорук* или деревянные туфли *кафш*. Деревянную обувь носили поверх шерстяных чулок собственного изготовления. Традиция вязки чулок была особенно развитой в Дарвазе. Здесь их получали из нитей разных цветов с привлекательными узорами. Отметим, что богатство и глубокая символика орнамента дарвазских чулок (и лицевых покрывал) настолько впечатлила известного русского этнографа А. А. Бобринского, что этой теме он посвятил в 1898 году специальную книгу[3].

А. А. Семенов определил причину отсутствия в Дарвазе женской летней обуви. Здесь таджичка всю жизнь проводила в родном селении, а если появлялась надобность посещения другого селения, делалось это не пешком, а верхом на осле[4].

В Вандже и Язгулеме женщины носили те же виды обуви, что и мужчины - кожаные сапоги *там*, зимние туфли *кафш* и, под ними, орнаментрованные чулки - *джурабы*.[5]

В Рушане и Шугнане надевали на ноги шерстяные вязаные чулки *джураб* и обувались в сапоги *пех* с мягкой подошвой, которые перевязывали плетеными шнурками *пехбанд*. Неимущие поверх чулок обувались в деревянные галоши,

---

[1] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 52-53.
[2] Иванов, Д. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. - № 6. - 1885. - С. 613- 659. - С. 658.
[3] Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара). – М., 1900.
[4] Семенов, А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – С. 31.
[5] Моногарова, Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.). - С. 102.

подошва которых содержала три выступа с шипами. Летом женщины, подобно мужчинам и детям, ходили босыми[1].

В Вахане женщины носили обувь, аналогичную мужской, хотя большую часть года их можно было видеть босыми[2].

Прически. На свою прическу таджички обращали особое внимание во все времена. Основные виды причесок досоветского периода запечатлены на старинных фотоиллюстрациях, но показать их на улице у женщин не было никакой возможности. При выборе укладки волос обязательно учитывалась возрастная дифференциация. Этот обычай в его основных чертах соблюдается и в наши дни. Число видов женских причесок значительно увеличилось в советский период.

В Дарвазе волосы расчесывали прямым пробором *фарқ*. При редких волосах заплетали две косы *таҳ* / *тагак* / *гусӣ* за ушами. Каждая коса состояла, как правило, из трех прядей, хотя молодые женщины заплетали их и из пяти или семи прядей. При густых волосах плели еще несколько кос *торкокулак* / *сегак* / *пуча*, спускавшихся над ушами. Число таких кос составляло от двух до двадцати. Заплетая только две косы, молодые женщины иногда одну из них носили впереди, другую - сзади.

Существовал обычай заплетать надо лбом две тонкие косички *пича*. Девочкам и девушкам на затылке заплетали еще две косички *пасак* / *паскокулак*. Их можно было носить до рождения первого ребенка. Кроме того, у щек спускались локоны *зулф*.

Широко применялась практика приплетения к косам искусственных кос *кокул* / *ҷамолак* / *пичабанд* / *чура*. Их концы украшали кисточки *пупак* / *валашкак*. У девочек и отдельных девушек искусственные косы были красного цвета, а их кисточки декорировались в белый и красный цвет способом перевязки *гулбаст*.

---

[1] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 76.

[2] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.

З. А. Широкова подчеркивала, что при использовании прически со множеством косичек к ним внизу прикрепляли планку с подвешенными шнурами, оснащенными пуговицами, кисточками, бисером, цветными нитками[1].

О прическах в Вандже и Язгулеме писали Е. М. Пещерева и А. З. Розенфельд. В долине Ванджа в начале 1920-х годов молодые женщины всю поверхность головы покрывали искусно заплетенными в три или пять прядей косами, которые внизу сплетались в две. Характерной особенностью местной женской прически было ношение одной из двух кос спереди. Далее она проходила у подмышки и связывалась узлом со второй косой[2].

Самобытной была женская прическа, используемая в Вандже в середине XX в. Здесь подобно сопредельным районам волосы заплетали в две косы, однако их не спускали свободно, а удерживали особым образом (своеобразными узлами) у ушей[3].

Искусственные косы делали из черной или красной шерсти. Девушки и молодые женщины украшали их концы кисточками *полк*. К кисточкам подвешивали ключи. Искусственные косы пожилых женщин оканчивались узлом *полки гарс*.

Отдельные франтихи помимо двух основных кос в волосы вплетали по шесть дополнительных искусственных узких и коротких косичек *қуқа* с каждой стороны головы. По три косички опускались спереди уха, три - позади.

В Язгулеме косы было принято носить на спине. Их удлиняли вплетением в основные косы искусственных *калбиҷ*. Девушки и невесты в первые годы семейной жизни ходили с искусственными косами красного цвета. У висков спускались по 2-3 витых локона. После рождения первого ребенка или после двух лет замужества начинали пользоваться черными *калбиҷ*[4].

---

[1] Широкова, З. А. Одежда. - С. 177-182.

[2] Пещерева, Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 - 1935 гг.) // Сборник МАЭ. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. - Т. 17. - С. 49.

[3] Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча. - С. 397.

[4] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

И. И. Зарубин отмечал, что женщины в Бартанге расчесывали волосы пополам и заплетали две косы. Довольно густые волосы местных женщин не отличались длиной. Поэтому к косам приплетали длинные шерстяные косы с большими кистями или узлами на концах. Косоплетки делали из цветной, чаще красноватой шерсти. К концам кос привязывали мелкие украшения, ключи и всякие безделушки.

Такие особенности женского костюма, как расчесывание волос пополам и заплетение двух кос, ношение косоплеток с кисточками на концах и собранных ожерелий из разноцветного бисера, на Памире вошли в традицию еще до установления здесь советской власти. В частности, их бытованиев Бартанге в 1914 году зафиксировано И. И. Зарубиным[1].

Знаток культуры быта Хуфа М. С. Андреев отмечал, что здесь женщины и девушки волосы на голове расчесывали на прямой пробор и заплетали две косы. В них вплтетали четыре косички, которые спускались у висков и от затылка. В месте соединения косы с косичками в волосы вводились искусственные шерстяные косы *калбиц*, концы которых, как правило, достигали талии. Если вплетенные в натуральные волосы искусственные косы свешивались до подола платья, их называли *дароздумак* (“с длинным хвостом”) или *дарвозивор* (“наподобие дарвазских”). Очевидно, второе название указывает, откуда был заимствован обычай пользоваться очень длинными искусственными косами. *Калбиц* украшали кораллами, бусами, перламутровыми пуговицами и пр. При использовании таких нарядных кос франтихи опускали по щекам вьющиеся локоны *каҷак / крухак*. Иногда искусственно удлиняли и локоны, в этом случае их концы завязывали узлом, которые располагались чуть ниже висков. Как *калбиц*, так и *дароздумак* внизу соединялись вместе посредством плетенной тесемочки *калбицбанд*, что обеспечивало их гладкое расположение на спине. У девушек косы спускались на грудь, у замужных - на спину[2].

---

[1] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 137.
[2] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. - Вып. 2. - С. 251-253.

Волосы на голове девочек в трехлетнем возрасте стригли ножницами, зетем до достижения шестилетнего возраста их брили несколько раз бритвой, чтобы волосы росли более густыми. Во время бритья оставляли у висков пучки волос *зулф* / *парчам*[1].

Женщины в Вахане ходили с распущенными волосами или заплетали две косы[2]. Волосы маленьких девочек по большей части заплетали в несколько мелких косичек. Так поступали еще в досоветский период[3].

Косметика. Косметические процедуры женщин Памира были описаны рядом авторов XIX - XX вв.

Сведения о традиционных косметических приемах и материалах, которыми пользовались в Дарвазе, зафиксированы З. А. Широковой. Здесь *усму* применяли не только для окрашивания бровей и нанесения на лицо родинки, но и для нанесения на запястьях рук поперечных полосок, изображающих браслеты. Кроме того, растворив сок *усмы* в воде, поливали этим составом волосы, чтобы они стали темнее[4].

Язгулемки уделяли своему внешнему виду значительное внимание. Для улучшения цвета лица они смазывали его соком растения *хурича*, ресницы и веки красили сурьмой *чамржик* в черный цвет. Девочкам 10 - 12 лет прокалывали между бровями родинку. Для этого с помощью иглы прокалывали 2 - 3 отверстия, которые заполняли черной краской[5]. Лишние волосы на лице и бровях удаляли с помощью нитки.

В Хуфе брови и веки красили сурьмой *чирц*. В качестве инструмента применялся деревянный, костяной или каменный пруточек *бунч*. Добывали *чирц* в окрестных горах. Перед использованием его выдерживали несколько дней внутри простокваши или клали внутрь кизяка и обжигали в очаге. На одном конце стерженка *чирц* делали отверстие для продевания нитки. С ее

---

[1] Там же. - С. 253.
[2] Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. - С. 63.
[3] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.
[4] Широкова, З. А. Одежда. - С. 188-189.
[5] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.

помощью женщины носили графит на груди. Также применялся мешочек *бунҷхалта*, куда клали *чирҷ* и *бунч*. Такой мешочек опять же носили на груди, прикрепив к одежде булавкой.

Для окраски лица здесь женщины пользовались румянами *ришк* и пудрой *сафедгиноч*. Чтобы делать кожу лица мягкой и белой, летом пользовались соком растения *кирёпч*. В зимний период для этого находил применение сироп из сушенных фруктов указанного растения.

В долине Хуф одним из признаков женской красоты считалось наличие родинки. Большие искусственные родинки диаметром до 0,5 см наносили между бровями, на щеки и руки. На лице они располагались, как правило, по одной или две по середине каждой щеки. Кроме того, их наносили на подбородок и чуть ниже нижней губы. Запястье каждой руки украшали три-четыре родинки.

Искусственные родинки выполнялись как посредством *чиртс*, так и с помощью татуировки. В последнем случае нужный участок кололи иголкой и полученное отверстие мазали сажей или краской индиго. Естественно, детей украшали родинками только с помощью *чиртс*[1].

Украшения. Ювелирные изделия занимали важное место в костюмном комплексе женщин Памира.

По материалам З. А. Широковой, в Дарвазе женщины и особенно девушки пользовались широким набором украшений и амулетов. Встречалось много амулетов из ячменной соломы, когтей медведя, лодыжечных костей, резных пластин из дерева туг[2].

Язгулемки пользовались украшениями весьма охотно. Их особенно привлекали доставляемые из Дарваза ожерелья из бусин *сафч* и кораллов. В отдельных ожерельях бусы чередовались с монетами. Девушки предпочитали ожерелья из черных, белых и красных бус. Отдельные украшения состояли из

[1] Андреев, М.С. Таджики долины Хуф. - Вып. 2. - С. 253-254.
[2] Широкова, З. А. Одежда. - С. 182-187.

коралловых пуговиц. Такое ожерелье плотно охватывало шею и имитировало продолжение ворота платья.

Серьги с бусинами *гивони сафч* привозили в Язгулем из Дарваза или других мест. Серьги местного изготовления представляли собой нанизанный на нитку бисер с одной большой бусинкой или кораллом. Кольца *первахт* и браслеты *пердаст* не находили широкого применения. Аллюминиевые и бронзовые украшения такого вида, как правило, были привозными. Здесь больше предпочитали украшать запястье руки нанизанными на нитку круглыми бусами[1].

И. И. Зарубин отмечал, что в долине Бартанга чаще всего женщины украшали себя различными бусами и ожерельями. Бусы делали и из природных материалом, например ягод можжевельника, нанизанных на нитку. Подвески из сухой гвоздики носили на груди, используя их одновременно в качестве украшений и духов. Покупали у заезжих купцов бисер, разноцветные стекляные бусы, кораллы и сами собирали их в красивые ожерелья. Браслеты носили медные и серебряные местной работы, в виде незамкнутого обруча с утолщениями на концах. Кольца не пользовались особым спросом, хотя и их носили. Более востребованными были серьги, изготовляемые на месте, но из привозных материалов. Нередко они были очень длинными и тяжелыми, состояли из многих звеньев, включая подвесок[2].

В этих местах было принято обязательное ношение амулетов, что обясняется суевериями, пустившими глубокие корни. Их имели с собой почти все женщины, мужчины и дети. Амулет представлял собой тканый или кожаный мешочек с расположенным внутри благословением, написанным халифой. Его с помощью шнура, украшенного бисером, подвешивали на шею, преплечье или плечо или же вшивали к одежде изнутри. Нередко ходили сразу с несколькими амулетами[3].

---

[1] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 30-36.
[2] Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. – С. 138.
[3] Серебренников, А. Очерк Памира. - С. 83.

В Ишкашиме и Вахане также было принято иметь множество всяких амулетов, которые женщины навешивали на шею, привязывали к волосам, вшивали в одежду[1].

Свадебный костюм. Свадебный обряд с его сложной системой символов и большим количеством задействованных лиц, для любого народа является важнейшим элементом его культуры. Для таджиков свадьба молодоженов – это национально-общественная традиция, каждый символ которого имеет сакральное значение. Эта церемония собирает вместе родных, близких и соседей семей, принявших решение породниться. Таджикская свадьба в ее современном понимании – это синтез древних традиций и зародившихся в наше время инноваций. Сегодня отдельные свадебные ритуалы включают в себя элементы смешения разных культур.

Особое место в свадебном обряде придается свадебному костюму, каждая деталь которого имеет церемониальное значение. В центре всеобщего внимания собравшейся публики находятся жених и, особенно, невеста. Традиционная культура сформировала для нее несколько свадебных нарядов, каждый из которых предназначен для участия в определенном ритуале.

У таджиков женский свадебный костюм как производная национальной культуры имеет как черты, общие для всего народа, так и региональные признаки. Путешественники и ученые XIX - XX вв. уделили описанию свадебных торжеств на Памире особое внимание.

В Дарвазе на невесту надевали от четырех до шести, иногда до восьми платьев одновременно. Цель заключалась в том, чтобы она весь свой гардероб везла в новый дом на себе. Платья были белого и красного цветов и украшены вышивкой. Из этих платьев два были с горизонтальным воротом *китфак*, другие с вертикальным разрезом *пешчокак*. Начиная с середины XX века для

[1] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.

невесты стали шить до 15 платьев. Часть из них она везла в дом жениха уже в сундуке[1].

Во время свадьбы лицо невесты закрывали покрывалом *рубанд, чашмбанд* с сеточкой для глаз или тонким красным шелковым платком *казин* с узорами, полученными в технике *гулбаст*. Поверх этого покрывала или платка повязывали налобную повязку, к которой затем пришивали по кромке несколько больших платков *чодар*. Самый нижний платок был из белой марли. Этой традиции в костюме невесты придерживались до 1940-х годов. После этого, на голову невесты стали наматывать белую чалму из 3 м *карбоса* или *марли*. Конец чалмы с левого бока – *фаш* проводили под подбородком и затыкали на правой стороне в складки. Поверх чалмы привязывали лицевую занавеску *рубанд* в виде большого шелкового платка из ткани *казин*. Этот платок складывали прямоугольником или по диагонали и им закрывали лицо невесты. Затем накидывали на голову невесте по описанному выше примеру несколько распущенных платков[2].

В Вандже и Язгулеме составляющие комплекса одежды ванджской невесты перечислены в песне, под аккомпонент которой жених в кампании с друзьями торжественно входил в дом ее родителей. Там упоминаются платье, шальвары, головной платок *соба*, туфли, ожерелье *шадда* и др.[3] Иными словами, свадебная одежда невесты не отличалась от повседневной, хотя конечно, была новой и более нарядной.

Согласно материалам Л. Ф. Моногаровой второй половины 1950-х годов, на невесту поверх двух белых платьев надевали красное платье. На голове у нее была тюбетейка, поверх которой набрасывали красный, иногда белый, платок *ҷил*. В косы вплетали новые косоплетки *калбиҷ*. Во время отправки невесты в дом жениха ее лицо покрывали еще одним платком[4].

---

[1] Широкова, З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 147.

[2] Широкова, З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину. – С. 150-152.

[3] Розенфельд, А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. - С. 205.

[4] Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев. - С. 77.

После свадьбы невесты помимо основных кос заплетали несколько дополнительных косичек *торак*, число которых доходило до 5-6. Их плели от макушки из 3-5, иногда 10 прядей. Отдельные косички, начинающиеся на макушке, плели по направлению ушей и называли их *гесучаи пича*. Они проходили над налобными локонами *гулбури* / *пешак*.

А. З. Розенфельд сохранила сведения о торжествах в селении Козидех, расположенном в долине Горон. Здесь невеста облачалась в несколько платьев один поверх другого. Самое верхнее платье отличалось наличием богатой вышивки. Также поступали с головным убором, который состоял из 5-6 платков, наброшенных один на другой. Невесту обували в сапоги. Когда собирались в дом жениха, невесту сажали на лошадь и покрывали ее фигуру с головы до ног большой белой кисейной чадрой *суворчодир*, которая покрывала и фигуру лошади[1].

В долине Хуф приданое невесты включало следующие предметы одежды: от двух до шести хлопчатобмажных платьев из кустарных и фабричных (ситцевых) тканей, одни - три шальвары из тех же материй, такое же количество больших хлопчатобмажных головных платков *цил* (белого кисейного или красного платка *дастор*), пару красных искусственных кос *калбиц*, одну пару сапог *пех*, две пары *джурабов*[2].

М. С. Андреев особо отметил изменения в прически невесты из Хуфа. Ее причесывали уже не так, как она это делала прежде. Если до свадьбы она носила две короткие косы, спускающиеся по груди, теперь эти косы заплетали длинными, до пят. Удлинение производилось за счет вплетения искусственных кос красного цвета. Косы спускались по спине. Одежду составляли три рубахи, надетые одно над другим и двое шальвар. Ноги она обувала в сапоги поверх двух пар *джурабов*. Украшение составляли серьги, бусы, браслеты, кольца.

[1] Розенфельд, А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков. - С. 206.
[2] Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). – Вып. 1. – С. 130-131.

Глаза подводили сурьмой. На голову накидывали кисейный платок, лицо закрывали красным узорчатым покрывалом[1].

Т. С. Каландаров рассмотрел семантику отдельных деталей свадебного костюма. В Шугнане обращали особое внимание на то, чтобы в одежде невесты (и жениха также) обязательно присутствовал красный цвет[2]. Считалось, что ему присуще качество защищать владельца от воздействия темных сил[3].

Сложный головной убор входил в состав костюма шугнанской невесты. Сперва повязывали голову невесты белым платком *пирюрм*, поверх него надевали на лицо хлопчатобумажную вышитую занавеску *чашмбанд* или *рубанд*. В качестве лицевой занавески могли использоваться также окрашенные перевязкой тонкий шелковый платок *фидои* или кисейный хлопчатобумажный платок *дасторча*. Поверх лицевой занавески накидывали углом вперед большой узорчатый платок *шол*, обычно кашемировый, сверху – большое белое покрывало *сарчодар*. Это покрывало обвязывали сверху вокруг головы вышитой налобной повязкой *сарбандак*.

Глаза невесты (и жениха тоже) подкрашивали в черный цвет, причем краску получали из двух кусков сурьмы, что являлось олицетворением брака. Существовало поверье, что у черной змеи, олицетворявшей злые силы, есть устремление прикоснуться хвостом к глазам новобрачных, а черная краска обладает свойством помешать такому ее устремлению[4].

В современном праздничном наряде девушки из Горного Бадахшана главное место занимает сочетание красного, иногда зеленого, цвета с белым. Популярным является белое шелковое платье прямого силуэта длиной ниже колен, с треугольным вырезом ворота или плиссированным стоячим воротником. Длинные рукава умеренной ширины, равные по всей длине. Они

---

[1] Там же. – С. 158-159.

[2] Вера в защитные свойства красного цвета не вызывала никакого сомнения. Так, когда гроб с покойным носили у дома с новорожденным, хозяин дома на окно или стену подвешивал красную ткань.

[3] Каландаров, Т. С. Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев // Этнографическое обозрение. - М., 2001. - № 1. - С. 40-43.

[4] Там же.

оканчиваются широкими (5-10 см) манжетами, плотно облегающими запястье. Шальвары из той же ткани, относительно широкие внизу и также оканчиваются манжетами (ширина 3-5 см). Иногда манжеты имеют цвет, отличный от ткани самого предмета одежды.

На платье и шальварах иногда встречается вышивка, которой оформляют манжеты на рукавах и штанинах, а также подол по всей его длине. Узор геометрический, исполненный в сочетании синего цвета с красным. Хорошо прослеживается цепочка треугольников, основания которых располагаются на одной горизонтали и образуют прямую линию. К вершине каждого треугольника и образующим этот угол двум сторонам примыкают вершины трех более мелких треугольников. Возможно, это – стилизованная композиция, изображающая горные вершины с деревьями.

Верхнюю одежду – жилетку с широкой треугольной горловиной делают по цвету контрастным с платьем. Для белого платья выбирается красная жилетка. Вдоль краев выреза ворота и с двух сторон линии соприкосновения полубортов жилетки идет зигзагообразная вышивка белыми нитями по красному фону или наоборот.

Праздничный костюм дополняют головным убором, бисерным украшением и косоплетками. Круглую тюбетейку с плоской тульей из красного или зеленого бархата носят с большим платком или без него. Околыш тюбетейки наполовину высоты оформляется вышитой тесьмой с изображениями, напоминающими строчные буквы «ж» или «х», чередующиеся с какими-либо другими фигурами. Верхняя часть околыша и тулья прострачиваются частыми короткими стежками в цвет ткани, что придает тюбетейке рельеф в виде полос. На тулье стежки сходятся в срединной точке. Тулью тюбетейки, как правило, не вышивают. Однако встречаются и такие тюбетейки, макушка которых вышита бисером.

На месте соединения концов нашитой тесьмы из нитей образуют кисточку, которая по цвету одинакова с использованной тканью. Поверх тюбетейки на голову свободно набрасывают большой белый платок, сложенный по диагонали

пополам. Нередко в качестве головного платка используется красная узорчатая шаль с бахромой.

Не менее распространено праздничное платье красного цвета из ткани гладкой расцветки или с крупными и редкими растительными узорами черного или белого цвета. Рукава делаются узкими и короткими, до предплечья или ниже локтя. Концы рукавов и края треугольной горловины платья обшивают белой косой бейкой. Вместе с красным платьем носят тюбетейку такого же цвета. Головной платок в этом случае, если он используется, также подбирается в цвет платья.

Другой тип праздничного платья также белый с широким горизонтальным вырезом ворота. Платье отрезное по талии, длиной ниже колен. На месте соединения лифа с вшивной юбкой нижняя часть платья образует складки. На этом месте нашивается блестящая красная лента, а по краям горловины и по подолу нашита узорчатая косая бейка. Такая же лента украшает концы шальвар и края головной накидки из белой прозрачной ткани. Встречается также платье с прямоугольным вырезом ворота в передней части, по краям которой нашита вышитая тесьма. Точно такой же тесьмой украшают в этом случае концы коротких рукавов, низ штанин и околыш тюбетейки.

В праздничном костюме большое внимание уделяется украшениям из разноцветного бисера, располагающимся вокруг шеи или на груди, а нередко и там и здесь. Нагрудное украшение имитирует вышитые тесемки на платьях равнинных районов, охватывающие с двух сторон края выреза ворота и примыкающие друг к другу внизу горловины. Его делают длиной до талии или еще длиннее – до низа бедер. Свисающая нижняя часть украшения оканчивается симметричным острым углом. Нанизывание бисера выполняют так, чтобы образовались различные геометрические фигуры. В комплекте с такими украшениями носят серьги, также сделанные из бисера, которые имеют форму крупного ромба с внутренней проработкой, от которого отходят вниз прямые нанизки.

На праздники памирские девушки сплетают волосы в две косы. Впереди делается прямой пробор, от которого свисают на лицо с двух сторон локоны. В косы вплетают толстые красные шнуры, оканчивающиеся на концах кисточками из концов шелковых нитей и бисера. От каждой косоплетки отходят 4-6 кисточек разных цветов.

В Ишкашиме и Вахане костюм невесты отличался преобладанием красного цвета. Его было много как в материале предметов одежды, так и в декоративных деталях. В Ишкашиме на голову невесты надевали круглую тюбетейку *кулох* с плоским круглым верхом, на которую накидывали белое покрывало *дастор* из хлопчатобумажного *карбоса* или шерстяной *рагзы*. Углы хлопчатобумажного платка иногда украшали несложной вышивкой, иногда просто знаками[1]. Поражало изобилие украшений местной невесты., наличие которых, согласно поверью, предотвращало несчастья.

В Вахане из двух-трех пар вязаных чулок невесты одну следовало надеть обратной стороной наверх, чтобы уберечь новобрачную от дурного глаза. Невеста во время свадьбы надевала одно за другим от 9 до 11 платьев. Ее голову покрывали тюбетейкой, а лоб обхватывали повязкой *сарбанд* / *сарґуч*. Нитки для вышивания выдергивали из шелковой материи.

В число обязательных принадлежностей невесты входили мешочки *оинахалта* для сурьмы и зеркала, которые шили округлой формы и украшали вышивкой. Позже их стали делать шелковой - из канауса или атласа. К ним подвешивали или внутри них держали стручок перца, выполнявшего роль оберега.

А. Саидов отмечает некоторые особенности костюма современной невесты из числа сарыкольцев и ваханцев Китая. Так, они наряжаются на свадьбе в белое платье и пользуются различными украшениями (серьги, кольца, цепочки,

[1] Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). – С. 53.

браслеты и пр.), изготовленные из металла и дорогих камней. Кроме того, их головной убор богато украшается бижутерией[1].

В целом, исследователи заключили, что женский народный костюм таджиков ГБАО есть продукт культуры, сформировавшейся в данном конкретном регионе под воздействием местной природы, климата, исторического развития и социально-экономических факторов, а также влияния культуры соседних районов. Благодаря этому, народная одежда приобрела оптимальные практичность (удобство, защитные качества), конструктивность (простота кроя) и декоративность (цветовая гармония с природой).

[1] Саидов А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). - С. 370.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования были выявлены особенности изучения народного костюма таджиков ГБАО в хронологической последовательности в аспекте исторического, этнографического и культурологического содержания. Согласно содержанию выявленных сведений нами определены те приоритетные из них, которые отвечают выбранной нами проблематике. В диссертации отмечена значимость трудов путешественников, военных, научных исследователей по традиционной одежде таджиков ГБАО для современной науки.

В исторических исследованиях конца XIX – XXI вв. прослеживаются различные направления в изучении традиционного костюма. В исторической литературе, путевых заметках конца XIX - начала XX вв. он рассмотрен как часть событийной истории. В подобных публикациях доминирует стационарный или краеведческий метод, который также способствовал собиранию сведений о народной одежде таджиков. Наиболее важными трудами данного направления являются работы Оле Олуфсена, А. А. Бобринского, И. И. Зарубина, А. А. Семенова. Полезные сведения по данной теме зафиксированы в дневниках и путевых заметках Дж. Вуда, Т. Э. Гордона, И. П. Минаева, С. Масловского, Д. В. Путяты, М. А. Кирхгофа, Д. Иванова и др.

Метод непосредственного наблюдения являлся одним из основных при изучении материальной культуры регионов в XIX - начале XX вв. Данная информация весьма важна для реконструкции исторического костюма таджиков Памира, который в силу географической изолированности сохранил свои традиционный особенности до реформ советского периода. В качестве источников автором был изучен и визуальный материал, который подтверждает достоверность исторических сведений.

В своем исследовании мы рассмотрели костюм как важный исторический источник, который сохранил много значимых деталей для изучения исторического процесса в целом. В процессе исследования различных по характеру путевых заметок, исторических трудов можно сделать вывод, что

большая их часть представляет описания составных частей костюма. Вместе с тем вырабатывается система классификации основных составляющих народного костюма, современная методика описания одежды, планомерно собираются предметы одежды для музеев. Традиционный костюм стал рассматриваться не только как отдельный образец материальной культуры, но и как произведение народного, декоративно-прикладного искусства. Значительный вклад в изучение традиционного костюма таджиков ГБАО внесли этнографы советского периода М. С. Андреев, А. К. Писарчик, З. А. Широкова, Л. Бахтоваршоева, Л. Ф. Моногарова. Многие из их трудов стали базой для новых исследований и считаются классическими. Результатом многолетних исследований и систематизации полученных материалов стало появление крупных исследований З.А. Широковой, где классификация различных видов народной одежды в разных регионах Таджикистана принимает законченный вид.

Интерес к научному изучению традиционной материальной культуры таджиков ГБАО особенно возрос в годы независимости. В этот период авторы стали ставить перед собой новые исследовательские задачи, с учетом взаимосвязи костюма с географическими особенностями территории ГБАО, ее экономическим развитием, сложившейся системой социальных отношений. Работы нередко носят междисциплинарный характер и привлекают информацию из других наук: истории, археологии, лингвистики, географии.

Современные отечественные исследователи с целью проведения сравнительной характеристики изучают особенности бытовой культуры, частью которой выступал костюм, дореволюционного региона, советского и современного исторического периодов. Такой подход отличает ряд исследований Г. Майтдиновой, Л. Н. Додхудоевой, Н. Э. Юнусовой, М. Ф. Иброхимова, З. Юсуфбековой, М. Шовалиевой и др. В то же время появляются работы компилятивного характера, основанные на «цитировании» материалов исследований предыдущих десятилетий, которые в силу этого обстоятельства не отличаются научной новизной.

Следует выделить следующие главные характеристики народной одежды таджиков ГБАО: функциональность, конструктивность, декоративность. Его функциональность выражается в том, что она не сковывала движение, являлась теплым, могла защитить от непогоды. Удобная конструкция рубахи, платья, халата не требовала особо сложного кроя изделия. Мастерицы стремились экономить ткань, поэтому ее отходы оставались незначительными. Простота кроя и небольшое количество швов не требовали высокого мастерства и сокращали время пошива. В вопросе декоративности одежда была выразительная согласно тому, кому она предназначалась - мужчине или женщине. Элементы декора костюмного комплекса могли включать в себя комбинацию тканей разного цвета и текстуры, различные орнаменты, а также амулеты, предохраняющие его обладателя от злых сил.

В народной одежде населения ГБАО первостепенное место занимали изделия из шерсти, что связано с природно-климатическими условиями региона и господству скотоводства в хозяйственной деятельности. Некоторым исключением из этого правила выступали Дарваз, где было широко распространено собственное хлопчатобумажное производство, и Вахан, куда из более южных районов поступали хлопчатобумажные ткани.

В традиционной культуре жителей региона важное место занимало использование вязаных узорчатых чулок - джурабов, выполнявших как утилитарную (теплозащитную), так и эстетическую (декоративную) функции.

Одежда, особенно рубаха и шальвары, горянки была узкой, почти плотно облегавшей фигуру. Отказ от ношения широкой одежды был обусловлен и другими факторами - природно-географическими условиями региона и необходимостью экономить ткань в условиях бедности населения.

Вышивка платья в Дарвазе достигла наибольшей степени совершенства. По богатству узора и степени его стилизации и семантики, дарвазская вышивка не уступала знаменитым кулябским чаканам. Особенность чакана дарвазского образца - использование в равной мере в орнаменте растительных и

геометрических мотивов. В платьях ванджско-язгулемского образца вышивка применялась только для декора вертикального разреза у горловины.

Одно из уникальностей материальной культуры Рушано-Шугнанского района дореволюционной эпохи - ношение исключительно шерстяной одежды, в том числе женских платьев. Оригинальный покрой женского платья, используемого в высокогорьях Памира (Рушан, Шугнан, Ишкашим), имеющий местное происхождение - разработка платья со складками у подмышки. В пределах Средней Азии такие платья встречались только у памирских таджичек.

Знаковый предмет мужской и женской одежды памирского образца - тюбетейка с круглой тульей и плоской макушкой с богатым вышитым узором, характерным именно для этого региона. Уникальность и неповторимость ваханской тюбетейки получило признание и сделало брендом посредством ее изображения на водяном знаке национальной денежной купюры - банкноты в 20 сомони. Этнознаковые особенности народной одежды ГБАО нашли наиболее яркое отражение в свадебном костюме местного образца, колорит которого основан на использовании трех цветов: белого, красного, зеленого. Примечательно, что эти цвета преобладают в праздничных костюмах, характерных и для других регионов республики и не случайно, что именно они являются составляющими Государственного Флага Республики Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Источники

1. Арандаренко, Г. А. Досуги в Туркестане (1874-1889) / Г. А. Арандаренко. – С-Пб., 1889. – 666 с.

2. Баньковский, В. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно / В. А. Баньковский // Туркестанские ведомости. - 1894. - № 11-14.

3. Бируни, А. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Пер с араб. А. М. Беленицкого. - СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. - 600 с.

4. Борнс А. Путешествие в Бухару лейтенанта Ост - индийской компанейской службы Александра Бернса. М., 1848, 1850. Ч. II. 502 с.; Ч. III. 628 с.

5. Ванновский С. П. Извлечение из отчёта генштаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1883 г. / С. П. Ванновский // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 56. - СПб., 1894. - С. 73-125.

6. Гамильтон А. Афганистан (Гератская и Кандагарская провинции) / А. Гамильтон. С-Пб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1908. - 334 с.

7. Гордон, Т. Э. Путешествие на Памир Гордона. Несколько глав из книги The Roof of the World / Т. Э. Гордон, пер. М. И. Венюкова. - СПб.: Тип. В. Безобразова и К^{о}, 1877. - 37 с.

8. Кирхгоф, М. А. Из поездки на Памиры / М. А. Кирхгоф // Известия Туркестанского отдела РГО. - 1900. - Т. 2, вып. 1. - С. 169-170.

9. Корженевский, Н. Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. / Н. Л. Корженевский. - СПб., 1906. - 17 с.

10. Корженевский Н. Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста) / Н. Л. Корженевский // Исторический вестник. - № 2. - 1912. - С. 692- 733.

11. Масальский, В. И. Туркестанский край / В. И. Масальский. – СПб: Изд-е А. Ф. Девриена, 1913. - 861 с. (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т. 19).

12. Масловский, С. Гальча (Первобытное население Туркестана) / С. Масловский // Русский антропологический журнал. - М., 1901. - № 2. - С. 17-32.

13. Матвеев, П. П. Поездка Г.Ш. подполковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 году / П. П. Матвеев // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 5. - С. 1-57.

14. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (по 1878 год) / И. П. Минаев. - СПб.: Тип-я В. С. Балашева, 1879. - 270 с.

15. Покотило, Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году / Н. Н. Покотило // Известия ИРГО. - Т. 25, вып. 6. - СПБ., 1889. - С. 480-502.

16. Поло, Марко. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. / Марко Поло. - Алма-Ата: Наука КазахССР, 1990.

17. Путята, Д. Очерк экспедиции Г.-Ш. кап. Путята в Памир, Сариколь, Вахан и Шугнан в 1883 г. / Д. Путята // Сборник географических, топографических и и статистических материалов по Азии. - СПб.: Военная типография, 1884. - С. 1-88.

18. Семенов, А. А. Отношение к детям у горных таджиков / А. А. Семенов // Этнографическое обозрение. - М., 1899. - № 3. - С. 99-107.

19. Снесарев, А. Е. Докладная записка капитана генерального штаба А. Е. Снесарева о зякете в Западном Памире (Ноябрь 1903 г.) / Е. П. Снесарев // Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М.: Наука, 1975. - С. 82-91.

20. Снесарев, А. Е. Религия и обычаи горцев западного Памира / А. Е. Снесарев // Туркестанские ведомости. - 1904. - № 90.

21. Станкевич, Б. В. По Памиру. Путевые записки Б. В. Станкевича / Станкевич Б. В. // Русский вестник. - 1904. - № 8. - С. - 625-658; № 9. - С. 236-270; № 10. - С. 457-500; № 11. - С. 4-29.

22. Топинар, П. Антропология Топинара / Пер. с французского. - СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1879. - 518 с.

23. Черкасов, А. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. / А. А. Черкасов // Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. - М.: Наука, 1975. - С. 99-119.

2. Монографии, сборники научных трудов

24. Акрамов, Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского / Н. М. Акрамов. - Душанбе: Ирфон, 1974. - 131 с.

25. Акрамова, Х. Ф. Востоковед Михаил Степанович Андреев: научно-биографический очерк / Х. Ф. Акрамова, Н. М. Акрамов. - Душанбе: Ирфон, 1973. 225 с.

26. Андреев, М. С. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарьи). Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г. / М. С. Андреев. - Ташкент, 1926. - 17 с.

27. Андреев, М. С. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан / М. С. Андреев, А. А. Половцев. - СПб., 1911. - 43 с. - (Сборник МАЭ. Вып. 9).

28. Андреев, М. С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира / М. С. Андреев. - Ташкент: Типо-литография № 2 Казгиза, 1928. - 41 с.

29. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) / М. С. Андреев. - Сталинабад: Ин-тут истории, археологии и этнографии, АН Тадж. ССР. - Вып. 1. - 1953. - 250 с.; Вып. 2. - 1958. - 520 с.

30. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи) / М. С. Андреев. - Вып. 1-2. - Бишкек: ОсОО «Джем Кей Джи», 2020. - 794 с.

31. Бахтиёров М. История Рушана (тадж.) / М. Бахтиёров. - Душанбе: Илм, 2013. – 416 с.

32. Белинская, Н. А. Декоративное искусство горного Таджикистана: (Текстиль) / Н. А. Белинская. - Душанбе, 1965. - 90 с.

33. Бобринской, А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам / А. А. Бобринской. - М., 1908. - 150 с.

34. Бобринской, А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара) / А. А. Бобринской. - М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900. - 47 с.

35. Василенко, В. М. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X - XX вв. / В. М. Василенко. - М.: Советский художник, 1974. - 294 с.

36. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. - М.: Вече, 2006. - 528 с.

37. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя, средневековая и новая история (тадж.) / Б. Г. Гафуров. - Душанбе: Дониш, 2008. - 870 с.

38. Готфрид, Л. Красный флаг на крыше мира. Памирские очерки / Л. Готфрид, М. Гафиз. - Ташкент. Сталинабад, 1930. - 213 с.

39. Додхудоева, Л. Н. Ремесленное производство Таджикистана (по материалам полевых исследований 2013-2017 гг.) / Л. Н. Додхудоева, З. Юсуфбекова, М. Шовалиева. - Душанбе, 2019. - 192 с.

40. Дубовицкий В. В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1868-1917). - Душанбе, 2006. - 188 с.

41. Дынин В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана (Опыт экономического исследования) / В. Дынин. - Ташкент: Типография Я. П. Эдельмана, 1914. - 88 с.

42. Иброхимов, М. Ф. История таджикского костюма (конец XIX – начало XXI века) / М. Ф. Иброхимов, З. Н. Сафарова. - Душанбе, 2018. - 207 с.

43. Иброхимов, М.Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник / М. Ф. Иброхимов. - Душанбе: Ирфон, 2003. - 60 с.

44. Иброхимов М. Ф. Текстильные промыслы таджиков в конце XIX – начале XX в. / М. Ф. Иброхимов. - Душанбе: Ирфон, 2013. - 182 с.

45. Иброхимов М. Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология / М. Ф. Иброхимов. - Душанбе: Ирфон, 2006. - 210 с.

46. Иранский сборник: К 75-летию профессора И. И. Зарубина. - М.: Изд-во восточной литературы, 1963. - 254 с. - (АН СССР, Ин-т языкознания, Ин-т народов Азии).

47. Искандаров Б. И. Из истории проникновения, капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая пол. 19-го века) / Б. И. Искандаров. Душанбе: - Дониш, 1976. - 143 с.

48. Искандаров Б. И. История Памира / Б. И. Искандаров. - Хорог: Мерос, 1995. - 188 с.

49. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. / Б. И. Искандаров. - Душанбе: Андалеб, 2015. - 664 с.

50. Искусство Таджикского народа. – Душанбе (Сталинабад). - Вып. 1. - 1956. - 260 с.; Вып. 2. - 1960. - 377 с.; Вып. 3. - 1965. - 349 с.; Вып. 4. - 1979. - 214 с.

51. История таджикского народа: В 6 т. / Отв. ред. Р.М. Масов. - Душанбе, 1998-2013. - (АН Респ. Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша).

52. Каландаров, Т. С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование) / Т. С. Каландаров. - М., 2004. - 478 с.

53. Кароматов, Ф. Музыкальное искусство Памира / Ф. Кароматов, Н. Нурджанов, Б. Кабилова. - Кн. 1 - М., 1978; Кн. 2. - М., 1986; Кн. 3. - Бишкек, 2010; Кн. 4. - Бишкек, 2014; Кн. 5. - Бишкек, 2015.

54. Киматшоев, П. Wedhipch: падающая звезда или тайны узоров Памира / П. Киматшоев, В. Алидодов. - 2-е изд. - Хорог, 2011. - 28 с.

55. Кисляков, Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX - начало XX века) / Н. А. Кисляков. - Л., 1977. - 131 с.

56. Кисляков, Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло / Н. А. Кисляков. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - 160 с.

57. Кушкеки, Б. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения / Бурхан-уд-Дин-хан-и Кушкеки / Пер. с перс. Под ред. А. А. Семенова. - Ташкент, 1926. - 248 с., 31 л. карт.

58. Липский, В. И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах / В. И. Липский: В 3 ч. – СПб.: Типо-Литография «Герольд», 1902. - Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896. – 818 с.; Ч. 2. Гиссар. Хребет Петра Великого. Алай. 1897 г. – 541 с.; Ч. 3. Хребет Гиссарский и Восточная Бухара: хребет Дарвазский, Мазарский и Петра Великого. 1899. – 785 с.

59. Литвинский, Б. А. Александр Александрович Семенов / Б. А. Литвинский, Н. М. Акрамов. - М., 1971. - 180 с.

60. Майтдинова, Г. М. История таджикского костюма / Г. М. Майтдинова. – Душанбе, 2004. Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. 280 с.; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм. 254 с.

61. Майтдинова, Г. М. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи / Г. М. Майтдинова. Душанбе: Дониш, 1992. 266 с.

62. Майтдинова, Г. М. Раннесредневековые ткани Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1996. - 138 с.

63. Мамадамонова, С. Вязальное искусство жителей Бадахшана / С. Мамадамонова (тадж.). – Хорог, 2010. – 75 с.

64. Мирзо Сангмухаммади Бадахши. История Бадахшана (тадж.) / Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Мирзо Фазлалибеки Сурхафсар. Пер. Г. Гоибова и М. Ш. Холова. - Душанбе: Дониш, 2007. - 212 с.

65. Моногарова, Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей / Л. Ф. Моногарова. - М.: Наука, 1972. - 174 с.

66. Назаршоев, М. Н. Культурное строительство в Советском Бадахшане (тадж.) / М. Н. Назаршоев, Н. М. Назаршоев. - Душанбе: Ирфон, 1985. - 152 с.

67. Назаршоев, М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира / М. Назаршоев. - Душанбе, 1975. - 296 с.

68. Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки / Под общ. ред. С. П. Толстого. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 768 с. – (Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо–Маклая).

69. Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 27 ноября 2020 г.) / Сост. Л. Додхудоева, гл. ред. Н. К. Убайдуллоев. - Душанбе, 2021. - 271 с.

70. Одилбекова, Р. Социально-экономическая и культурная жизнь западных районов Памира (Рушан, Шугнан, Вахан) в конце XIX - начале XX века / Р. Одилбекова. - Душанбе, 1989. - 200 с.

71. Очерки по истории Советского Бадахшана / Отв. ред. Р.М. Масов. - Душанбе: Ирфон, 1981. – 384 с.

72. Пахалина Т. Н. Ваханский язык / Т. Н. Пахалина. - М.: Наука, 1975. - 344 с.

73. Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык / Т. Н. Пахалина. - М.: Наука, 1959. - 255 с.

74. Пирумшоев, Х. История Дарваза (тадж.) / Х. Пирумшоев. - Душанбе: Ирфон, 2008. - 704 с.

75. Пирумшоев, Х. Ванч. Научно-популярный очерк (тадж.) / Х. Пирумшоев. - М.: ФАРАС, 2004. - 611 с.

76. Пирумшоев, Х. Памир в русской историографии второй половины XIX - начала XX вв. / Х. Пирумшоев. - Душанбе, 2012. - 198 с.

77. Пирумшоев, Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX - начала XX вв / Х. Пирумшоев. - Душанбе: Дониш, 1992. - 130 с.

78. Писарчик, А. К. Народное прикладное искусство таджиков (тадж., рус., англ.) / А. К. Писарчик; Отв. ред. Н.Н. Ершов. – Душанбе: Дониш, 1987. – 46 с., 50 цв. табл.

79. Пэтэрс, П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского / П. Ф. Пэтэрс. - М.: Наука, 1998. - 54 с.

80. Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая география / Элизе Реклю. - Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. - СПб., 1896.

81. Рузиев, М. А. Декоративно-прикладное искусство таджиков / М. А. Рузиев. – Душанбе, 2003. – 185 с.

82. Рузиев, М. А. Искусство Памира. Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Фонд М. А. Рузиева. Ед. хр. № 122.

83. Рыбаков, Ю. А. Русское прикладное искусство X-XIII вв. / Ю. А. Рыбаков – Л.: Аврора, 1971. - 118 с.

84. Семенов, А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза / А. А. Семенов. - М., 1903. - 131 с.

85. Серебренников, А. Очерк Памира / А. Г. Серебренников. - СПб., 1900. - 97 с.

86. Серебренников, А. Очерки Шугнана / А. Г. Серебренников // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 70. - СПб, 1896. - С. 1-52.

87. Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. - Вып. 2 . – Душанбе, 1970. - 312 с.

88. Турсунов, Н. О. Из истории ремесла Северного Таджикистана (Ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX – начале XX вв.) /

Н. О. Турсунов. Отв. ред. З.Ш. Раджабов. – Душанбе: Дониш, 1974. – 207с. - (Душанбе. Пед. ин-т им. Т.Г. Шевченко).

89. Успенская, А. Зороастризм за 90 минут / А. Успенская. - М.: АСТ; СПб: Астрель-СПб, 2006. - 93 с.

90. Фрезер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Джеймс Джордж Фрезер. - М., 1986. - 704 с.

91. Хакимова, Н. История развития производства абровых тканей таджиков в Худжанде в конце XIX - XX веках / Н. Хакимова. Отв. ред. А. Раджабов и М. Ф. Иброхимов. - Душанбе, 2016. - 186 с.

92. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Джеймс Холл. - М.: Крон-Пресс, 1996. - 656 с.

93. Худоназаров, Д. Н. Памирские экспедиции графа А. А. Бобринского 1895 - 1901 годов / Д. Н. Худоназаров. - М.: Наука, 2013. - 323 с.

94. Чунакова, О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов / Чунакова О. М. - М.: Восточная литература, 2004. - 286 с.

95. Широкова, З. А. Альбом одежды таджиков / З. А. Широкова, Н. Н. Ершов. - Душанбе: Дониш, 1969. - 30 с., 47 отд. л. илл.

96. Широкова, З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. / З. А. Широкова. - Душанбе: Дониш, 1993. - 199 с.

97. Широкова, З. А. Традиционная и современная одежда женщин Горного Таджикистана / З. А. Широкова. - Душанбе: Дониш, 1976. - 206 с.

98. Широкова, З. А. Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. - Вып. 1. Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г. / З. А. Широкова. - Душанбе, 1956. - 48 с.

99. Шишов, А. П. Таджики. Этнографическое исследование / А. П. Шишов. - Алмааты, 2006. - 392 с.

100. Шугнон / Под ред. акад. М. Илолова и др. - Душанбе: Ирфон, 2014. – 704 с.

101. Шукуров, Ш. М. Искусство средневекового Ирана: Формирование принципов изобразительности / Ш. М. Шукуров. - М.: Наука, 1989. - С. 31-32.

102. Эльчибеков, К. Шугнан и Рушан в исторических источниках / К. Эльчибеков. - Душанбе; Хорог, 2017. - 188 с.

103. Юнусова, Н. Э. Народное искусство Памира / Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева (рус., англ.), ред. Р. М. Масов. - Душанбе, 2009. - 180 с. (Ин-тут истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ).

104. Юнусова, Н. Э. Народное искусство Таджикистана / Н. Э. Юнусова, Л. Н. Додхудоева (рус,.англ.), ред. Р. М. Масов. - Душанбе, 2011. - 316 с. (Ин-тут истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ).

105. Юсуфбекова, З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX - начало XX вв.) / З. Юсуфбекова. - Душанбе: Дониш, 2001. – 200 с.

3. Научные статьи

106. Андреев, М. С. К характеристике древних семейных отношений / М. С. Андреев // Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. – № 15. - 1949. – С. 3-19.

107. Андреев, М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения / М. С. Андреев // Таджикистан. Сборник статей. - Ташкент, 1925. - С. 151-178.

108. Андреев, М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. - Вып. 9. - СПб., 1911. - С. 1-43.

109. Бабаева, Н. Саван / Н. Бабаева, Л. Б. Бахтоваршоева // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 127-133.

110. Басилов, В. Н. Арвох / В. Н. Басилов // Мифологический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 59.

111. Басилов, В. Н. Биби-Сешанбе / В. Н. Басилов // Мифологический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 95-96.

112. Басилов, В. Н. Кампир / В. Н. Басилов // Мифологический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 272.

113. Басилов, В. Н. Момо / В. Н. Басилов, И. С. Брагинский // Мифы народов мира. - М.: Олимп, 1997.

114. Бахтоваршоева, Л. Б. Набедренная одежда таджиков Горного Бадахшана / Л. Б. Бахтоваршоева // Этнография в Таджикистане: Сб. статей. Душанбе, 1989. С. 165-185.

115. Бахтоваршоева, Л. Б. Платья традиционного покроя таджичек Памира / Л. Б. Бахтоваршоева // Памироведение: Сб. статей. - Душанбе, 1984. - Вып. 1. - С. 145-152.

116. Бахтоваршоева, Л. Б. Саван таджиков Шугнан и Хуфа / Л. Б. Бахтоваршоева // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974 - 1975 гг. (май 1976 г.). - Душанбе, 1976. - С. 191-193.

117. Бахтоваршоева, Л. Б. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX – начале XX в. (Материалы к «Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана») / Л. Б. Бахтоваршоева // СЭ. - М., 1973. - № 3. - С. 110-118.

118. Гафферберг, Э. Г. И. И. Зарубин – этнограф и музейный работник / Э. Г. Гафферберг, Н. А. Кисляков // Иранский сборник: К 75-летию профессора И. И. Зарубина. - М.: Изд-во восточной литературы, 1963. - С. 17-21.

119. Гинзбург, В. В. Таджики предгорий / В. В. Гинзбург // Сборник МАЭ. - Вып. 12. - 1949. - С. 277-332.

120. Грум-Гржимайло, Г. Е. Очерк Припамирских стран / Г. Е. Грум-Гржимайло // ИРГО. - Т. 22. - 1886.

121. Джураева Н. Таджикский национальный костюм в дневниковых записях З. А. Широковой / Н. Джураева // Муаррих. № 1-2(10)2017. Душанбе, 2017. С. 108-113.

122. Джураева Н. Роль М. С. Андреева в формировании этнографической науки в Таджикистане / Н. Джураева // Муаррих. № 14(10)2015. Душанбе, 2015. С. 108-113.

123. Дмитриев, С. В. Граф А. А. Бобринской, Н. В. Богоявленский, А. А. Семенов и и их путешествия на Памир на рубеже XIX - XX вв.: научные результаты и коллекции / С. В. Дмитриев, Д. Н. Худоназаров // Таджики: история, культура, общество. - СПб.: МАЭ РАН, 2014. - С. 119-145.

124. Додхудоева, Л. Н. Вклад этнографа Зинатмо Юсуфбековой в изучение духовной культуры и семейной обрядности таджиков / Л. Н. Додхудоева, М. С. Шовалиева, М. М. Махмудова // Муаррих. - № 1(21)2020. - Душанбе: Дониш, 2020. - С. 175-177.

125. Додхудоева, Л. Н. Народное искусство Вахана (полевые материалы профессора М. А. Рузиева) / Л. Н. Додхудоева // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. - М., 2020. - С. 354-365.

126. Додхудоева, Л. Н. Памирский костюм с крыши мира (англ.) / Л. Н. Додхудоева // Дискавери. - Алматы, 2017. - № 1. - С. 78-83.

127. Додхудоева, Л. Н. Ресурсы визуальной репрезентации полевых материалов (на примере «Альбома одежды таджиков» Н. Н. Ершова и З. А. Широковой) / Л. Н. Додхудоева // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества таджиков. Материалы международной научной конференции (г. Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2022. - С. 184-195.

128. Додхудоева, Л. Н. Экспедиции Оле Олуфсена на Памир: Ваханская долина / Л. Н. Додхудоева // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. - М., 2020. - С. 365-364.

129. Дьяконов, М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии / М. М. Дьяконов // Живопись древнего Пянджикента. - М., Изд-во АН СССР, 1954. - С. 83-158.

130. Ершов, Н. Н. Ткачество / Н. Н. Ершов // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 212-230.

131. Ёгибекова, Б. Т. Бадахшанские джурабы (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова // Материалы республиканской научно-теоретической конференции «Народное художественное творчество в контексте современного состояния и перспективах развития туризма и культурных традиций Таджикистана (ГИИИДТ, 26 апреля 2018 г.). - Душанбе, 2019. - С. 28-32.

132. Ёгибекова, Б. Т. Вклад А. А. Бобринского в изучение костюма и декора одежды горных таджиков / Б. Т. Ёгибекова // Бюллетень учебно-научной лаборатории этнокультурологии и социокультурных исследований. - Душанбе: ООО «Илм», 2022. - С. 111-117.

133. Ёгибекова, Б. Т. Вклад А. А. Семенова в развитие этнографической науки и воспитание научно-педагогических кадров Таджикистана / Б. Т. Ёгибекова // Национальная идентичность в таджикской культуре. Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающихся исследователей Александра Александровича Семенова и Михаила Степановича Андреева (Душанбе, 24 ноября 2023 г.). - Душанбе, 2024. - С. 153-158.

134. Ёгибекова, Б. Т. Вклад Л. Ф. Моногаровой в изучении костюма таджиков Горного Бадахшана (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова // Материалы Международной научной конференции «Традиционная культура таджиков в музейных собраниях», посвященной 40-летию создания Музея этнографии им. М. С. Андреева (19 ноября 2021 г.). - Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, 2021. - С. 128-135.

135. Ёгибекова, Б. Т. Вклад русского этнографа И. И. Зарубина в изучение особенностей дореволюционного костюма таджиков Бадахшана (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, М. Ф. Иброхимов // Научное наследие З. И. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша, 7 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 150-153.

136. Ёгибекова, Б. Т. Дореволюционная мужская одежда жителей Горного Бадахшана (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2021. - № 3(27). - С. 154-163.

137. Ёгибекова, Б. Т. Изучение этнографами Советской России традиционного костюма таджиков по музейным экспонатам / М. Ф. Иброхимов, Б. Т. Ёгибекова // Антропология и этнология таджикского народа: исследователи, проекты, экспедиции. Материалы Международной научной конференции (Душанбе, 23 июня 2023 г.). - Душанбе, 2024. - С. 154-159.

138. Ёгибекова, Б. Т. Историографические и источниковедческие аспекты изучения народного костюма таджиков ГБАО конца XIX - XXI вв. / Б. Т. Ёгибекова, М. Ф. Иброхимов // Муаррих. - Душанбе, 2023. - № 2(34)2023. - С. 118-124.

139. Ёгибекова, Б. Т. Национальная идентичность и символика узора в ваханской тюбетейке (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, М. Ф. Иброхимов // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2020. - № 1(21). - С. 99-106.

140. Ёгибекова, Б. Т. Некоторые аспекты материальной культуры жителей Горного Таджикистана в конце каменного века - бронзовом веке (на материалах Саразма) (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, М. Ф. Иброхимов // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2020. - № 3(23). - С. 48-52.

141. Ёгибекова, Б. Т. Некоторые сведения о дореволюционной женской одежде жителей Горного Бадахшана (тадж.) / Б. Т. Ёгибекова, С. Силмонова // Матер. республиканской научно-теоретической конференции «Вклад ГИИИДТ в изобразительное искусство Таджикистана (ГИИИДТ, 28 октября 2022 г.). - Душанбе, 2022. - С. 14-19.

142. Ёгибекова, Б. Т. Орнаментальная символика в декоре рукоделий традиционной одежды Горного Бадахшана / Б. Т. Ёгибекова // Муаррих. - Душанбе, 2022. - № 3(31). - С. 141-148.

143. Ёгибекова Б. Т. Традиции и инновации в женских платьях Памира в конце XIX - середине XX вв. / Б. Т. Ёгибекова // Вестник Педагогического университета. - № 5(100). - Душанбе, 2022. - С. 388-393.

144. Зарубин, И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник МАЭ. - Т. 5, вып. 1. - Петроград, 1918. - С. 97-148.

145. Зарубин, И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга / И. И. Зарубин // Сборник МАЭ. - Т. 3. Петроград, 1916. - С. 89-92.

146. Зарубин, И. И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. / И. И. Зарубин // Известия АН СССР. - Серия 6-8. - 1927. - № 5-6. - С. 351-360.

147. Иброхимов, М. Ф. Вклад ученого-этнографа И. И. Зарубина в изучение особенностей одежды дореволюционной одежды таджиков Бадахшана / М. Ф. Иброхимов, Б. Т. Ёгибекова (тадж.) // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Матер. международной научной конференции (Душанбе, 27 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 150-153.

148. Иброхимов, М. Ф. Истоки своеобразия, грани самобытности и оттенки преемственности традиций в таджикском народном костюме / М. Ф. Иброхимов // Муаррих («Историк»). - Душанбе, 2018. - № 2(14)2018. - С. 98-102.

149. Иброхимов, М. Ф. О традиционном вязании как самобытной отрасли ремесла горных таджичек (конец XIX – XX вв.) / М. Ф. Иброхимов, С. А. Содикова // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/6. - Душанбе, 2017. - С. 42-46.

150. Иброхимов, М. Ф. Семантика оригинальных образцов кроя в народной одежде ГБАО / М. Ф. Иброхимов, М. Хусравбекова // Мат. республ. научно-творческой конфер. “Народное художественное творчество в контексте истории, современного состояния и перспектив развития туризма и культурных традиций Таджикистана (Государственный институт изобразительного искусства и изайна Таджикистана, 26 апреля 2018 г.). - Душанбе, 2019. - С. 58-60.

151. Иброхимов, М. Ф. Текстильное производство в горных районах Таджикистана в конце XIX – начале XX в. / М. Ф. Иброхимов // Вестник Таджикского национального университета. - № 3/3(87). - Душанбе, 2012. - С. 23-25.

152. Иброхимов, М. Ф. Текстильные промыслы таджиков Припамирья и Западного Памира в конце XIX – начале XX века / М. Ф. Иброхимов // Матер. межд. научно-практической конфер. «Подготовка конкурентоспособных специалистов рынка труда в условиях интеграции высших учебных заведений зарубежных стран и Республики Таджикистан» (Кулябский филиал Технологического университета Таджикистана,17-18 мая 2013 г.). - Душанбе: Империал-Групп, 2013. - С. 77-80.

153. Иванов, Д. Л. Шугнан. Афганистанские очерки / Д. Л. Иванов // Вестник Европы. - М., 1885. - Т. 3, кн. 6. - С. 612-658; Т. 4, кн. 7. - С. 48-97.

154. Иерусалимская, А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде / А. А. Иерусалимская // Средняя Азия и Иран. - Л, 1972. - С. 5-56.

155. Икромов Н. А. Вопросы истории и культуры таджиков в ранних работах М. С. Андреева / Н. А. Икромов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Худжанд, 2014. № 2(58). С. 163-169.

156. Ишбулдина, К. Р. Магические функции женских украшений народов Средней Азии / К. Р. Ишбулдина // Лавровский сборник: Материалы 36-37-х Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ РАН, 2013. - С. 237-242.

157. Кагаров, Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх / Е. Г. Кагаров // Доклады АН СССР. - Серия В. - № 15. - М., 1928. - С. 331-335.

158. Каландаров, Т. С. Лидия Федоровна Моногарова (09.10.1921 - 16.10.2011) / Т. С. Каландаров // ЭО. - М., 2012. - № 4. - С. 188-190.

159. Каландаров, Т. С. Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев / Т. С. Каландаров // ЭО. - М., 2001. - № 1. - С. 39-53.

160. Каландаров, Т. С. Некоторые аспекты похоронной обрядности народов Западного Памира / Т. С. Каландаров, А. А. Шоинбеков // Вестник антропологии. - 2014. - № 1 (27). - С. 70-83.

161. Каширина, Т. В. Культурное строительство в Горно-Бадахшанской автономной области / Т. В. Каширина, Д. Давлатѐров // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе: Ирфон, 1981. - С. 242-280.

162. Кисляков, Н. А. К вопросу об этногенезе таджиков / Н. А. Кисляков // СЭ. - 1947. - Вып. 6-7. - С. 314-319.

163. Кисляков, Н. А. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков / Н. А. Кисляков // КСИЭ. - М., 1960. - Вып. 8. - С. 130-134.

164. Кисляков, Н. А. Свадебные лицевые занавески горных таджичек / Н. А. Кисляков // Сборник МАЭ. - Т. 15. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 291-316.

165. Кисляков, Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк) / Н. А. Кисляков // ИВГО. - 1948. - Т. 80, вып. 4. - С. 361-372.

166. Коржинский, С. Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения / С. И. Коржинский // Сельское хозяйство и леса. - 1898. - Т. 189. - № 4. - С. 62-69.

167. Лашкарбеков Б. Б. Рудименты язычества в топонимии Вахана / Б. Б. Лашкарбеков // Исследования по иранской филологии. - М., 1999. - Вып. 2. - С. 54-60.

168. Лашкарбеков Б. Б. Сказки народов Памира / Б. Б. Лашкарбеков // Совесткая этнография. - № 2. - С. 180.

169. Лашкариев, А. З. Поминальные обряды очищения дома и возжигания священной лампады у исмаилитов Западного Памира / А. З. Лашкариев // ЭО. - 2008. - № 1. - С. 9–109.

170. Люшкевич, Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Сборник МАЭ. – 1970. – Т. 26. – С. 283–312

171. Люшкевич, Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. / Ф. Д. Люшкевич // Сборник МАЭ. – Ленинград, 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 123-144.

172. Майтдинова, Г. М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) / Г. М. Майтдинова // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 52-53.

173. Майтдинова, Г. М. Костюм раннесредневекового Кумеда / Г. М. Майтдинова // Мероси ниёгон. – Душанбе, 1992. – Вып. 1. – С. 55-58.

174. Майтдинова, Г. М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья / Г. М. Майтдинова // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 114-132.

175. Майтдинова, Г. М. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей / Г. М. Майтдинова, А. К. Елкина // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1994. Вып. 25. С. 74-78.

176. Махмудова, М. М. Традиционный костюм памирцев в собрании Оле Олуфсена на Памир: Ваханская долина / М. М. Махмудова // Труды международной научной конференции «Иранское языкознание 2020». Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения. - М., 2020. - С. 402-410.

177. Михаил Степанович Андреев - исследователь культуры и быта народов Средней Азии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. - Л.-М., 1977. - С. 126-132.

178. Моногарова, Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев / Л. Ф. Моногарова // Среднеазиатский этнографический сборник. - Т. 2. - М., 1959. - С. 3-94.

179. Моногарова, Л. Ф. Об этнической принадлежности населения Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР / Л. Ф. Моногарова // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. - Нукус: Каракалпакстан, 1989. - С. 201-210.

180. Моногарова, Л. Ф. Современные этнические процессы на Западном Памире / Л. Ф. Моногарова // СЭ. - М., 1965. - № 6. - С. 23-33.

181. Моногарова, Л. Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР / Л. Ф. Моногарова // Страны и народы Востока. - Вып. 16. Памир. - М.: Наука, 1975. - С. 174-191.

182. Моногарова, Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира (По материалам 1947 - 1948 гг.) / Л. Ф. Моногарова // СЭ. - М., 1949. - № 3. - С. 89-108.

183. Мухитдинов, И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX - начало XX века) (Материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии) / И. Мухитдинов // СЭ. - М.: Наука, 1971. - № 5. - С. 118-1.27.

184. Неменова, Р. Л. Население / Р. Л. Неменова // Таджики Каратегина и Дарваза. - Вып. 1. - С. 47 - 107.

185. Пещерева, Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 - 1935 гг.) / Е. М. Пещерева // Сборник МАЭ. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. - Т. 17. - С. 22-94.

186. Пирумшоев, Х. Памир в первой половине XIX - начале XX вв. / Х. Пирумшоев // История Горно-Бадахшанской автономной области. - Душанбе, 2005. - Т. 1. - С. 282-378.

187. Писарчик, А. К. Примечания и дополнения А. К. Писарчик к монографии М. С. Андреева “Таджики долины Хуф” / А. К. Писарчик // Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). - Вып. 2. Сталинабад, 1958. - С. 277-486.

188. Писарчик, А. К. Припамирские таджики / А. К. Писарчик // Народы Средней Азии и Казахстана. - М.: Изд. АН СССР, 1962. - Вып. 1. - С. 657-682.

189. Рассудова, Р. Я. К истории развития одежды оседлого населения Ферганы, Зеравшана и Ташкентского региона / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1978. - Т. 34. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. - С. 154-174.

190. Рассудова, Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А. Л. Троицкой и Г. Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) / Р. Я. Рассудова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.

191. Рахимов, Р. Р. Иван Иванович Зарубин (1887-1964) / Р. Р. Рахимов // СЭ. - 1989. № 1. - С. 111-121.

192. Розенфельд, А. З. “Говораи ноз” - древний погребальный обряд на Вандже (Таджикская ССР) и траурные рубои / А. З. Розенфельд // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. - Л.: Наука, 1974. - С. 251-258.

193. Розенфельд, А. З. Дарвазо-Ванджский фольклор / А. З. Розенфельд // Страны и народы Востока. Вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. - Кн. 2. - М.: Наука, 1980. - С. 263-273.

194. Розенфельд, А. З. Дарвазский фольклор / А. З. Розенфельд // Страны и народы Востока. Вып. 10. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. - М.: Наука, 1971. - С. 208-217.

195. Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана / А. З. Розенфельд // СЭ. - 1970. - № 3. - С. 114-119.

196. Розенфельд, А. З. Материалы по этнографии и топонимике Ванча / А. З. Розенфельд // ИВГО. - 1953. - Т. 85, вып. 4. - С. 393-404.

197. Розенфельд, А. З. Личный фонд проф. И. И. Зарубина / А. З. Розенфельд // Страны и народы Востока. - Вып. 16. Памир. - М.: Наука, 1975. - С. 296-297.

198. Розенфельд, А. З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (В связи с легендой о “снежном человеке”) / А. З. Розенфельд // СЭ. - 1959. - № 4. - С. 55-66.

199. Розенфельд, А. З. Свадебный фольклор припамирских таджиков / А. З. Розенфельд // Фольклор и этнография. - Л.: Наука, 1970. - С. 202-211.

200. Розенфельд, А. З. Таджикоязычное население Советского Бадахшана (Материалы по этнографии и языку) / А. З. Розенфельд // СЭ. - 1963. - № 1. - С. 118-122.

201. Саидов, А. К истории и этнографии сарыкольцев и ваханцев Китая (по материалам экспедиции МИЦАИ в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) / А. Саидов // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. - Вып. 34. – М.: Наука, 2009. - С. 342-375.

202. Сайнаков, С. П. Заметки С. П. Ванновского по этнографии рушанцев / С.П. Сайнаков, Дж. М. Шоназар, Х. Ш. Дарвозиева // Вестник Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни. - Душанбе, 2021. - № 2(91). - С. 226-231.

203. Сайнаков, С. П. Исследование традиционной культуры и быта памирских таджиков дореволюционными русскими учеными-естествоиспытателями / С. П. Сайнаков // Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана: Материалы международной научной конференции 17 ноября 2017 г. - Душанбе, 2018. - С. 147-156.

204. Сайнаков, С. П. М. С. Андреев в научной перспективе: обзор книги “Таджики долины Хуф” / С. П. Сайнаков // Отдел культурного наследия и гуманитарных наук. Научный доклад - № 9. - 2020. - 26 с. (Университет Центральной Азии. Высшая школа развития).

205. Сайнаков, С. П. О вкладе В. Муханова в изучение этнографии Памира / С. П. Сайнаков, Дж. М. Шоназар // Доклады АН РТ. Отделение общественных наук. - Душанбе, 2019. - № 4(008). - С. 74-78.

206. Соболев, В. Г. Роль И. И. Зарубина в процессах национального размежевания в Средней Азии в 1920-е годы / В. Г. Соболев // Вестник СПбГУ. - Серия 6. - СПб., 2015. - Вып. 2. - С. 141-151.

207. Стеблин-Каменский, И. М. Первое путешествие И. И. Зарубина на Памир летом 1914 г. / И. М. Стеблин-Каменский // Кунсткамера. Этнографические тетради. - СПб., 1993. - Вып. 1. - С. 139-150.

208. Сухарева, О. А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков / О. А. Сухарева // Труды Академии наук ТаджССР. - Т. 120. - Сталинабад, 1960. - С. 195-207.

209. Сухарева, О. А. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции / О. А. Сухарева // Костюм народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1979. - С. 77-102.

210. Терехов, В. П. Из истории памироведения: три экспедиции графа А. А. Бобринского / В. П. Терехов // ЭО. - 2011. - № 2. - С. 27-43.

211. Терехов, В. П. Народы Западного Памира в научном творчестве А. К. Писарчик (к 100-летию со дня рождения) / В. П. Терехов // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006 - 2007. - СПб.: МАЭ РАН, 2007. - С. 13-17.

212. Терлецкий, Н. С. Вклад Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в этнографическое исследование Памира / Н. С. Терлецкий // Лавровский сборник: Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология. - СПб.: МАЭ, 2017. - С. 67-77.

213. Туйчиева, С. “Даст-и Фатима”как гендерный архетип Памира / С. Туйчиева // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. - Душанбе, 2009. - С. 65-73.

214. Худоназаров, Д. Н. Граф А. А. Бобринской - основоположник изучения духовной культуры таджиков Памира / Д. Н. Худоназаров // Религиоведение. - 2008. - № 3. - С. 132-154.

215. Худоназаров, Д. Н. Граф / Д. Н. Худоназаров // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова). - СПб., 2007. - С. 132-154.

216. Царева, Е. У подножия Крыши мира / Е. Царева (рус., англ.) // Грезы о Востоке (Русский авангард и шелка Бухары). - СПб., 2006. - С. 197-201.

217. Широкова, З. А. Костюмный комплекс таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину / З. А. Широкова, М. М. Шовалиева // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. - Т. 4. - Душанбе: Дониш, 2010. - С. 144-163.

218. Широкова, З. А. Одежда / З. А. Широкова // Таджики Каратегина и Дарваза. - Душанбе, 1970. - Вып. 2. - С. 116-202.

219. Широкова, З. А. Одежда таджиков Дарваза / З. А. Широкова // Известия АН Тадж. ССР. - Сталинабад, 1956. - № 10-11. - С. 111-124.

220. Широкова, З. А. Эволюция одежды таджиков, переселившихся в Вахшскую долину (Трансформация костюмного комплекса таджиков-переселенцев из ГБАО в Вахшскую долину) / З. А. Широкова, М. М. Шовалиева // Труды Маргианской археологической экспедиции. - М.: Старый сад, 2011. - С. 246-248.

221. Шоназар, Дж. М. Изделия мастериц Дарваза (по материалам полевых исследований) / Дж. М. Шоназар // Научное наследие З. А. Широковой и проблемы изучения народного творчества: Материалы международной научной конференции (Душанбе, 7 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 197-201.

222. Шоназар, Дж. М. Исторические этапы сложения ткацкого ремесла таджиков / Дж. М. Шоназар // Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе, 2018. - № 1. - С. 93-99.

223. Шоназар, Дж. М. О некоторых свадебных обрядах в Рушане и Шугнане (сопоставительный анализ) / Дж. М. Шоназар // Материалы Международной научной конференции «Роль молодых ученых в развитии науки, инноваций и технологий», посвященной 25-летию государственной независимости РТ (г. Душанбе, НАНТ, 19-20 мая 2016 г.). - Душанбе, 2016. - С. 321 - 323.

224. Шоназар, Дж. М. Тюбетейка как составная часть костюма таджиков / Дж. М. Шоназар // Вестник Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни. - Душанбе, 2018. - № 1(73). - С. 248-253.

225. Эггерт В. В. Очерк Памиров (Сведения, собранные в Памирском отряде с августа 1896 года по июль 1897 года) / В. В. Эггерт // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Вып. 76. - СПб., 1902. - С. 2-30.

226. Юнусова, Н. 3. Джурабы Памира (Ванч, Ишкашим) / Н. 3. Юнусова // Памироведение. - Вып. 2. - Душанбе, 1985. - С. 298-310.

3. Литература на иностранных языках

1. Atlas of Central Asian Artistic Crafts and trades. Tajikistan / Ed by L. Dodkhudoeva., A. Rajabov. - Samarqand; Bishkek, 2007. - V. 4. - 92 p.

2. Ole Olufsen. The second Danish Pamir-Expedition: old and new architecture in Khiva, Bokhara, and Turkestan / Ole Olufsen. - Copenhagen 1904.

3. Ole Olufsen. Through the unknown Pamirs. The second Danish Pamir-Expedition (Lieutenants of the Danish army and chief of the expedition). With maps and numerous illustration / Ole Olufsen. - London 1904. - 281 p.

4. Электронный ресурс

4. Джаббаров, А. Улица Шелковичная и почему базар в Ташкенте называется Алайским / А. Джаббаров. - Ташкент, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mytashkent.uz/2010/03/30. Дата обращения 21.10.2020.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

5. Давлатбеков, Н. Освещение религии и верований населения верховьев реки Пяндж в трудах русских дореволюционных исследователей: Дисс. … канд. ист. наук / Н. Давлатбеков. - Душанбе, 1986.

6. Джобиров, Р. Академик А. А. Семенов - исследователь истории и культуры таджикского народа: Дисс. … канд. ист. наук / Р. Джобиров. - Душанбе, 2016. - 171 с.

7. Раджабова, Д. К. Историческая эволюция верхней одежды таджиков и ее трансформация в народном костюме: Дисс. ... канд. ист. наук / Д. К. Раджабова. - Душанбе, 2016. - 169 с. + 58 с. илл.

8. Сайнаков, С. П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира): Дис. ... канд. ист. наук / С. П. Сайнаков. - Душанбе, 2015. - 206 с.

9. Саркоров, С. А. Этнолингвистическая характеристика рушанцев: по материалам архива И. И. Зарубина: Дис. ... канд. фил. наук / С. А. Саркоров. - СПб.: СПбГУ, 2006. - 153 с.

10. Содикова, С. А. История зарождения и совершенствования вязального дела таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.): Дис. ... канд. ист. наук / С. А. Содикова. - Душанбе, 2022. - 180 с.

11. Хакимова З. Г. История возникновения и развития косметики и парфюмерии таджиков (IV тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.): Дис. ... канд. ист. наук / З. Г. Хакимова. - Душанбе, 2022. - 202 с.

6. Беседы автора с информантами

12. Беседа автора с Давлатбахт Карамшоевой – жительницей села Барушон Рушанского района, 1960 г.р. Дата беседы – 12 ноября 2021 г.

13. Беседа автора с Бегим Шохоновой - жительницей Вахана, 75 лет. Дата беседы – 10 ноября 2021 г.

14. Беседа автора с покойной Гулбегим Ёгибековой - жительницей Вахана, 1971 г.р. Дата беседы – 4 марта 2021 г.

15. Беседа матери автора с покойной Гулбегим Наджимхоновой - жительницей селения Ямчун, 1914 г.р.

16. Беседа автора с Басхотун Хушмамадовой – жительницей села Барушон Рушанского района, 1937 г.р. Дата беседы – 17 ноября 2021 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПО НАРОДНОМУ КОСТЮМУ ГБАО

Аджин [Ajin]- слой хлопка внутри стеганого халата (Рушан - Шугнан).

Амбахчак [Ambakhchak] - узор “ёлочка”.

Аракчин [Araqchin] - остроконечная мягкая шапочка, вокруг которой наматывали чалму.

Бартанги [Bartangi] - (букв. “Бартангского происхождения”). Джурабы, связанные двухслойными.

Банд бунд [Band bund] пришиваемая к пятке обуви петля для шнура-обвязки.

Бунч [Bunch] - деревянный, костяной или каменный пруточек для косметического нанесения сурьмы (Рушан - Шугнан).

Бурдж [Burj] - мужские джурабы преимущественно черно-белого цвета (Вахан).

Ват [Vat] - лыжи, вырезаемые из рогов горного козла (Язгулем).

Вахеджгыл [Vaxejgul] - в значении «хикворгыл» (Рушан - Шугнан).

Видхич бид [Vidxij bid] - (букв. “след воробья”). Вид распространенного в вышивке и вязании узора (Рушан - Шугнан).

Вирбин [Virbin] - в значении «пустин» (Вандж).

Воскат [Voskat] - короткий камзол – безрукавка (Вахан).

Вурдж бидх [Vurj bidkh] - (букв. «след волка»). Узор в виде отпечатка стопы волка (Рушан - Шугнан).

Гарак [Garak] - вышитая декоративная строчка на краях ворота рубахи.

Гардовак [Gardovak] - мотив узора в виде буквы Z.

Гивони сафч [Givoni safch] - серьги с бусинами (Язгулем).

Гилем [Gilem] - нательный суконный халат (Рушан - Шугнан).

Гулбаст [Gulbast] - способ орнаментирования платья или головного платка окрашиванием способом перевязки (Дарваз).

Дастор [Dastor] - 1) кисейная чалма (Дарваз); 2) кисейный головной платок (Рушан - Шугнан)

Джураб [Jurab] - длинные шерстяные носки узорного вязания, чулки. Ручная выделка джурабов на Памире была распространена повсеместно. Это производство существует и поныне.

Джурабтанбон [Jurabtanbon] - вязаные штаны. Их мастерицы вязали крючком. Были черного цвета или с вывязаным узором. Их изготовляли и носили только на Западном Памире.

Дгӯри планг [Dguri plang] - (букв. «тигриная коготь») - вертикальные ряды элемента узора в виде летящей птицы с изогнутыми крыльями (Вахан).

Дорои [Doroi] - тонкая шелковая ткань, материал для платьев и головных платков, декорируемых способом гулбаст (Дарваз).

Драхтӯк [Draxtuk] - орнамент в виде деревца (Вахан).

Дудомана [Dudomana] - платье с горизонтальными складками у подола (Дарваз).

Завг [Zavg] - складчатая полоса, пришиваемая по периметру подола платья.

Зебоседз [Zebosedz] - вышитый узор на одежде.

Зоуб [Zoub] - рукав (Язгулем).

Зулф [Zulf] -локон, спускающийся у щеки.

Казин [Kazin] - в значении «дорои» (Дарваз).

Кайтарма [Kaytarma] - способ завязывания головного платка, сложенного по диагонали, при котором узел располагается на затылке (Рушан - Шугнан).

Калбиц [Kalbic] - в значении “пичабанд” (Язгулем).

Калбицбанд [Kalbicband] - плетеная тесьма для соединения искусственных кос.

Карбос [Karbos] - простейшая хлопчатобумажная ткань.

Катма [Qatma] - дорогое домотканое сукно естественного цвета шерсти.

Кафш [Kafsh] - деревянные туфли на трех острых ножках.

Коргилем [Korgilem] - рабочий халат.

Крошик [Kroshik] - название узора в виде горошков (Вахан).

Крухак [Kruxak] - в значении “зулф” (Язгулем).

Кулфак [Qulfak] - букв. «замочек». Ластовица, пришиваемая у подмышек.

Кур [Qur] - узорная плетеная тесьма (Рушан - Шугнан).

Куроб [Qurob] - боковые разрезы на халате (Шугнан).

Курта-буц [Kurta–buc**]** - рубашечка для младенца (Рушан).

Куртаи китфак [Kurtai kitfak] - рубаха с горизонтальным разрезом вдоль правого плеча.

Куртаи пешчокак [Kurtai peshchokak] - платье с вертикальным разрезом ворота.

Куртаи миёнчин [Kurtai miyonchin] - платье со складками у подмышки (Рушан - Шугнан).

Куртаи шавик [Kurtai shawik] - название платья “куртаи миёнчин” в Ишкашиме.

Куртаи чагчин [Kurtai chagchin] - платье, содержащее поперечные складки по всей длине рукавов (Рушан - Шугнан).

Куртачи [Kurtachi] - плательная ткань кустарной выделки белого цвета с рельефными полосками (Дарваз).

Кута хай [Kuta xay] - или «ктай». Название распашной рубахи (нижнего халата) в Язгулеме.

Ланги [Langi] - поясной платок.

Мандил [Mandil] - вышитая налобная повязка, повязываемая поверх распущенного головного платка (Дарваз).

Махорджак [Makhorjak] - название узора в виде горошков (Рушан - Шугнан).

Менд [Mend] - в значении «ланги» (Рушан - Шугнан).

Мингас пад [Mingaspad] - (букв. “след воробья”). Вид распространенного в вышивке и вязании узора (Вахан).

Мнаик [Mnaik] - в значении «ланги» (Язгулем).

Мукки [Mukki] - обувь из воловьей кожи, лодкообразная подошва которой расширялась кпереди.

Мутк [Mutk] - узор в виде фигуры лягушки (Вахан).

Наълинг [Na’ling] - домашние деревянные сандалии с кожаными лентами (Рушан - Шугнан).

Неджхиджак [Nedxijak] - (букв. «вертушка»). Орнаментальный мотив в виде лежащей буквы S (Рушан - Шугнан).

Нифа [Nifa] - верхняя часть штанов (Вахан).

Нрипук [Nripuk] - вид толстых джурабов с прямолинейными рядами стежков.

Нысха [Nuskha] - эскиз узора, составленные мастерицами-вязальщицами и вышивальщицами (Вахан).

Оврати каут [Ovrati kaut] - название женского платья в Язгулеме.

Ориёнситора [Oriyonsitora] - (букв. «арийская звезда). Орнаментальный мотив в виде свастики (Вахан).

Пакол [Pakol] - Рамужская вязаная шапочка с полами и в виде берета с цилиндрическим основанием (Рушан - Шугнан).

Парчам [Parcham] - пучки волос на висках, оставляемые у детей при стрижке (Рушан - Шугнан).

Паскокулак [Paskokulak] - косички, заплетаемые девушками на затылке.

Паспакол [Paspokol] - стеганая шапочка с накосником (Ишкашим - Вахан).

Первахт [Pervaxt] - кольцо (Язгулем).

Пердаст [Perdast] - браслет (Язгулем).

Пех [Pex] - сапоги без каблука и подметки, шитые из прочной кожи козла или горного барана (Рушан - Шугнан).

Пехбанд [Pexband] - шнур для обвязки сапог на участке выше ступни.

Пехидж [Pexij] - сыромятная кожа для пошива сапогов “пех”, окрашенная в красный цвет.

Пешак [Peshak] декоративный нашивной нагрудник треугольной формы на платье с вертикальным разрезом ворота (Дарваз); 2) термин, употребляемый в Язгулеме в значении «судра».

Пиродоман [Pirodoman] - передние или боковые клинья на рубахе или халате (Рушан - Шугнан).

Пироседз [Pirosedz] - вышитая строчка на воротнике, плечах и концах рукавов одежды.

Пирюрм [Piryurm] - нижний, белого цвета, головной платок невесты (Рушан – Шугнан).

Пича [Picha] - косички, заплетаемые надо лбом и спускающиеся над ушами (Вахан).

Пичабанд [Pichaband] - искусственная коса из черной или красной шерсти (Дарваз).

Пойпеч [Poypech] - портянки (Рушан - Шугнан).

Поча [Pocha] – штанина (Шугнан-Вахан).

Пустин [Pustin] - овчиный тулуп мехом внутр (Дарваз).

Рагза [Ragza] - плотная шерстяная домотканина шириной 25 - 27 см.

Ришк [Rishk] - румяна (Рушан - Шугнан).

Родз [Rodz] - название узора в виде колосьев пшеницы (Рушан - Шугнан).

Ростовгиребон [Rostogirebon] - вертикальный разрез ворота рубахи (Рушан - Шугнан).

Рубанд [Ruband] - вышитое лицевое покрывало невесты (Дарваз).

Руймоли гарди [Ruymoli gardi] - головной платок красного цвета.

Салаи мошоби [Salai moshobi] - чалма из полушерстяной домотканины (хлопчатобумажная основа, шерстяной уток).

Салаи тибити [Salai tibeti] - чалма из пуховой ткани.

Сарбандак [Sarbandak] - в значении «мандил».

Саргуч [Sarguch] - в значении «мандил» (Ишкашим - Вахан).

Саростин [Sarostin] - съемный нарукавник, украшенный вышивкой (Дарваз).

Сарчодар [Sarchodar] - в значении «суворчодир» (Рушан - Шугнан).

Сафедгиноч [Safedginoj] - пудра (Рушан - Шугнан).

Сафч [Sifch] - ожерелье из бусин (Язгулем).

Соба [Soba] - белый кисейный платок (Дарваз-Вандж).

Суворчодир [Suworchodir] - большая белая кисейная чадра невесты (Рушан - Шугнан).

Судра [Sudra] - кусок ткани - обманки, пришиваемый в мужском нижнем халате на участке груди изнутри для создания впечатления, что под этим халатом надета глухая рубаха с горизонтальной горловиной. Этим термином пользовались в Дарвазе.

Сукле [Sukle] - сапоги из тонкой козлиной кожи, надеваемые зимой под деревянными калошами “кафш” (Рушан - Шугнан).

Там [Tam] - кожаные сапоги (Язгулем).

Танбон [Tanbon] - в значении «эзор».

Тарвид [Tarvid] - поясной шнур штанов (Рушан - Шугнан).

Телпак [Telpak] - суконная шапка, отороченная мехом.

Тану [Tanu] - шнуры-завязки по краям горловины рубахи (Язгулем).

Товуспар [Towuspar] - узор “перо павлина” (Вахан).

Ток [Toq] - в значении «тану». Этот термин употреблялся в Рушане и Шугнане.

Токи [Toqi] - тюбетейка.

Токии миршоди [Toqii mirshodi] - тип тюбетейки с высокой тульей и широким околышем, декорированной рельефными полосками (вставленными фитильками).

Токии пилтаги [Toqii piltagi] - тюбетейка с рельефными полосками за счет вставленных фитильков.

Токии тавилбеги [Toqii tawilbegi] - в значении «токии пилтаги» (Дарваз).

Токии чамандагул [Toqii chamangul] - четырехгранная тюбетейка ферганского типа с вышитым растительным узором.

Токии чусти [Toqii chusti] - мужская четырехгранная тюбетейка с вышитым белым узором по черному, синему или зеленому фону.

Трехс [Trexs] - боковые клинья, пришиваемые по краям к нижней части рубахи (Язгулем).

Тумор [Tumor] - амулет, пришиваемый изнутри к разным частям одежды.

Фараджи [Faraji] - способ ношения халата в качестве накидки, т.е. без использования рукавов.

Фаш [Fash] - висящий конец чалмы.

Фидои [Fidoi] - шелковый головной платок, украшенный способом гулбаст (Рушан - Шугнан).

Халифа каут [Xalifa kaut] - название мужской туникообразной рубахи закрытого типа в Язгулеме.

Хафтон [Xafton] - название стеганого халата в Рушане - Шугнане.

Хванг [Xvang] - головной платок из “карбоса” (Язгулем).

Хетерджак [Xeterjak] - (букв. «звездочка»). Вид астрального узора (Рушан - Шугнан).

Хивинч [Xivinch] - в значении “карбос” (Рушан - Шугнан).

Хикворгыл [Xikworgul] - (букв. «ваханский узор»). Геометрический узор, контуры которого повторяют план (вид сверху) буддийской ступы (Вахан).

Хирбиджак [Xirbijak] - узор в виде фигуры лягушки (Рушан - Шугнан).

Хиштак [Xishtak] - ромбовидная ластовица, пришиваемая между штанинами.

Хохлис [Khokhlis] - подметка на обуви (Язгулем).

Хургиш [Xurgish] - название у ваханцев узора в виде гриба, изображаемого в виде спаренных наконечников стрелы (Вахан).

Хуфтин [Xufrin] - название хлопчатобумажной ткани “карбос” в Язгулеме.

Цавордзем [Caworzem] - (букв. “четырехглазый”). Узор, олицетворяющий собаку с черными или белыми пятнами над глазами (Рушан - Шугнан).

Цбырчужм [Cburchujm] - в значении “цавордзем” (Вахан).

Цил [Cill] - кисейный головной платок (Язгулем).

Чакман [Chakman] - зимний халат из шерстяной материи “рагза” черного или темно-серого цвета, подвергшейся декатировке.

Чамржик [Chamrijik] - косметическая сурьма (Язгулем).

Чамус [Chamus] - вид мягких сапог кустарного изготовления (Вахан).

Чапон [Chapon] - стеганый халат.

Чаппдӯзӣ [Chappduzi] - способ вышивки, когда узор воспроизводят на изнаночной стороне материи (Вахан).

Чирц [Chirc] - косметический материал сурьма (Рушан - Шугнан).

Чобик [Chobuk] - поперечная вышитая полоса, нашитая на участке между локтем и концом рукава платья (Дарваз).

Чорук [Choruq] - мягкие сапожки, сшитые из шкуры мехом верх.

Шаволак [Shawolak] - в значении “шорагза” (Рушан - Шугнан).

Шайдои [Shaydoi] - белая тюбетейка с вышитыми разноцветными узорами у таджиков-ваханцев и сарыкольцев, проживающих на территории Китая.

Шамшод [Shamshod] - узор в виде свастики.

Шапт пыд [Shapt Pud] - (букв. «след волка»). Узор в виде отпечатка стопы волка (Вахан).

Шероз [Sheroz] - пришивная декоративная гладкая или вышитая тесемка на тюбетейке, по краям одежды.

Шышк [Shushk] - в значении “чамус” (Вахан).

Шоинак [Shoinak] - нашивной нагрудник платья в виде фигурно вырезанного куска ткани карбос длиной 30 х 45 см, орнаментированного вышивкой (Дарваз).

Шол [Shol] - большой узорчатый платок (Рушан - Шугнан).

Шорагза [Shoragza] - верхние штаны из шерстяной домотканины “рагза”.

Эзор [Ezor] - штаны (Дарваз).

Яктах [Yaktax] - букв. «в один слой». Легкий хлопчатобумажный халат без подклада.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ АЛЬБОМ

Декор вязаных шерстяных чулок язгулемцев. Слева направо - родинка - *хол*, *қандун* (қлидук - ?), роза - *садбарг*, глаз павлина - *чашми партовус*, чинара - *чанор*. По Л. Ф. Моногаровой

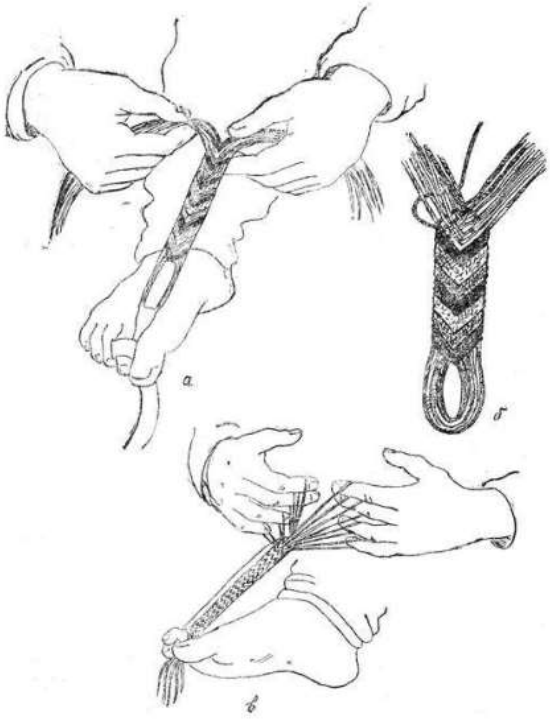
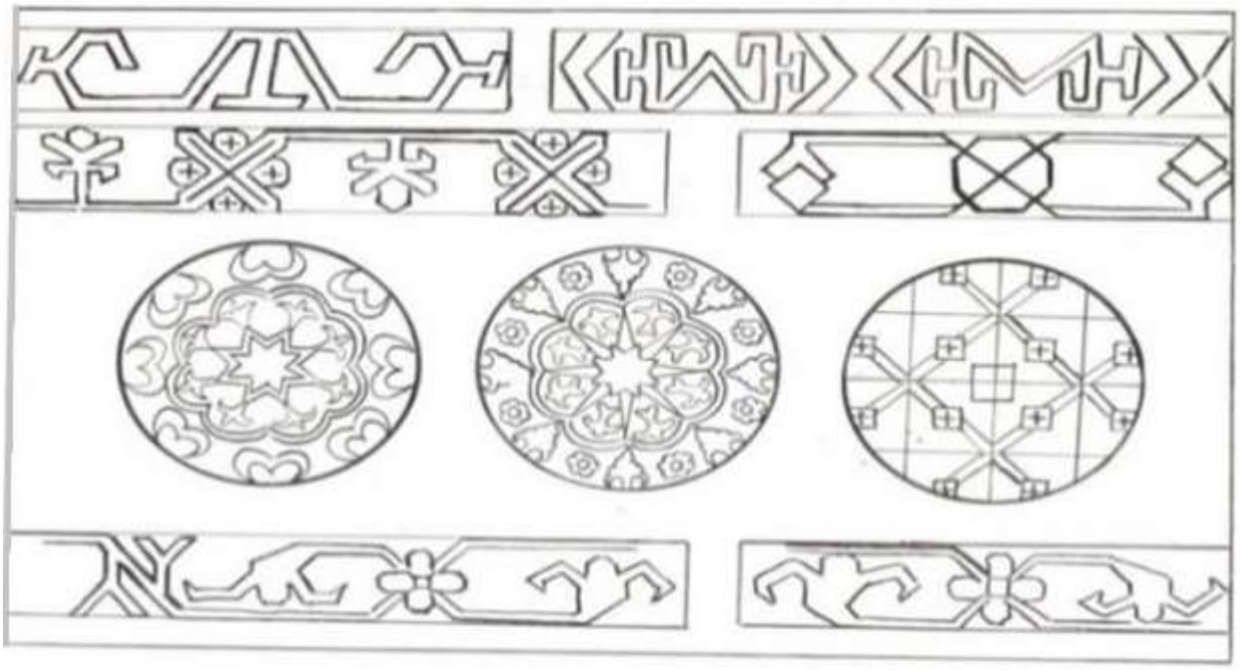


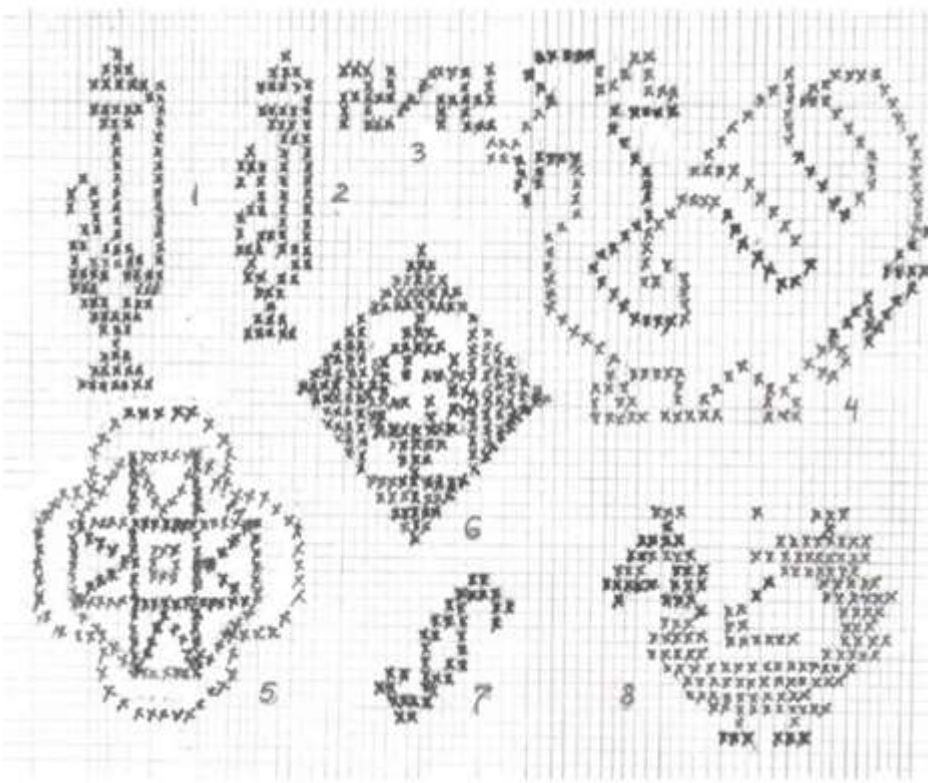
Рис. 82. Способы плетения тесьмы на руках.

По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

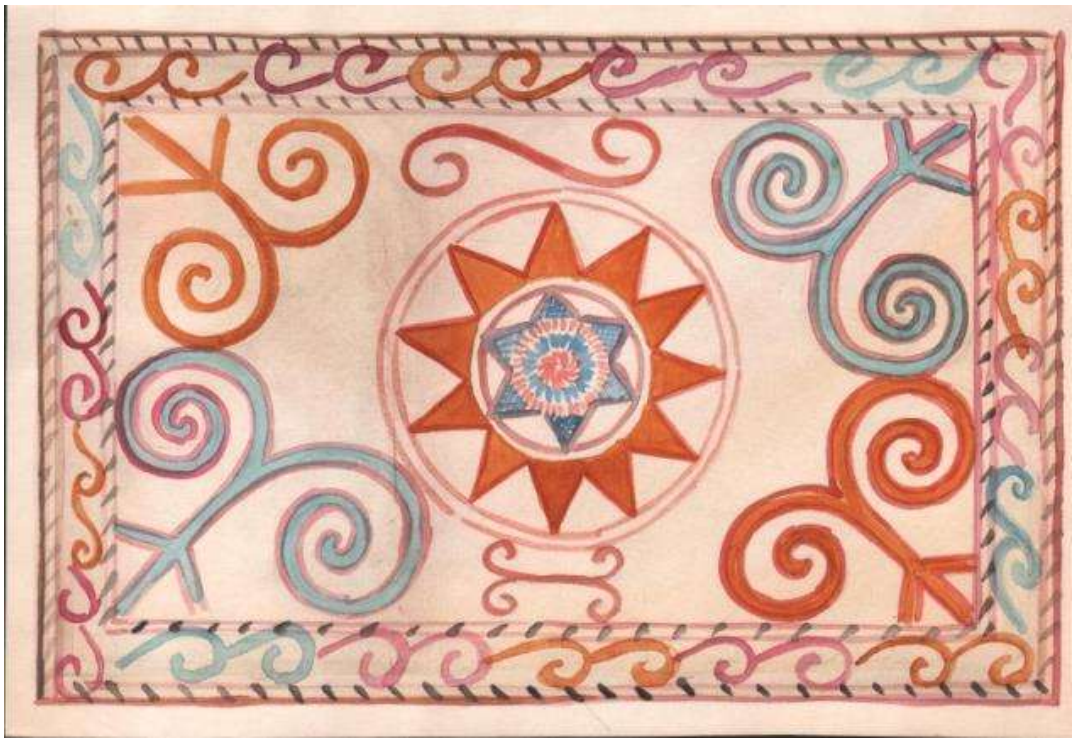
Образцы орнамента ишкашимских джурабов. Сел. Андароб. По М. Рузиеву



Мотивы орнамента на ваханских тюбетейках середины XX в. По М. Рузиеву

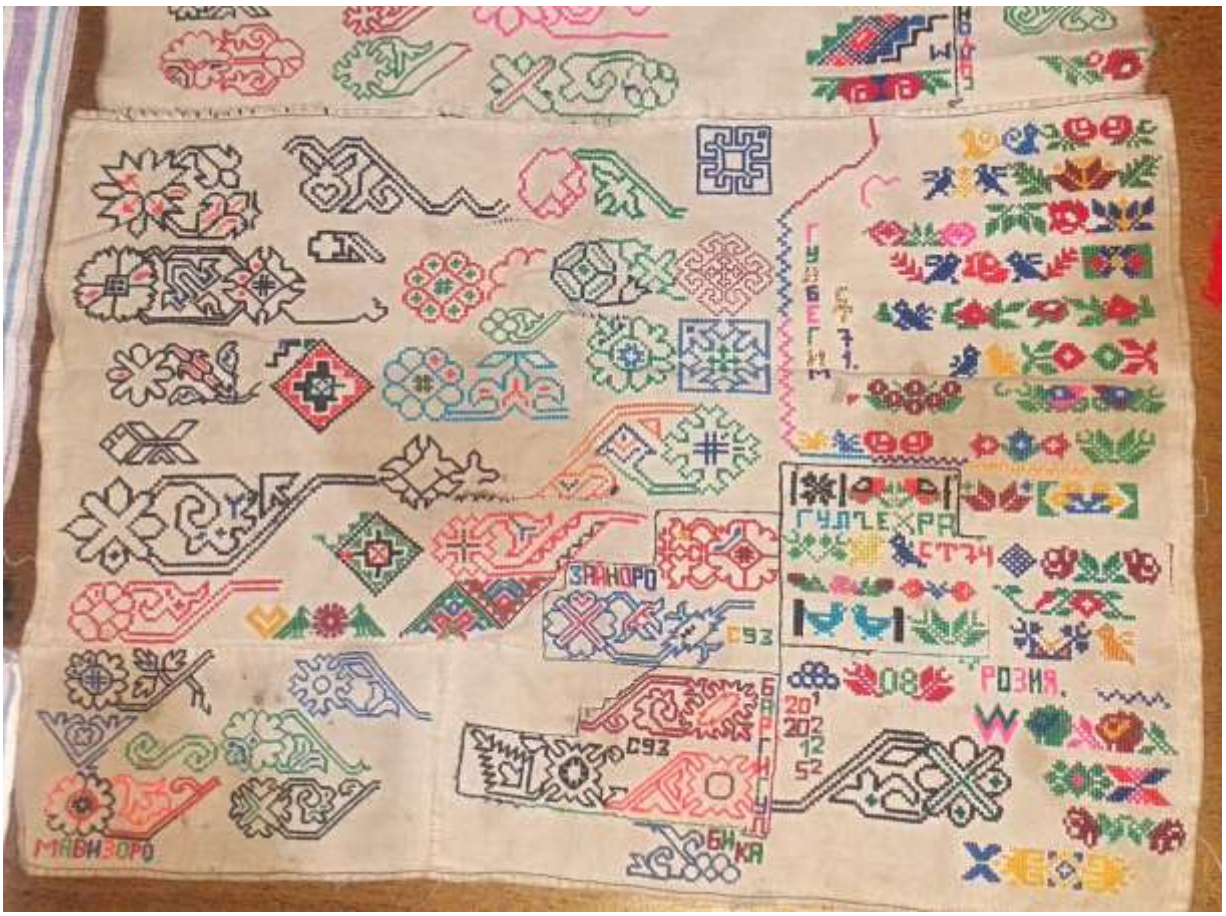


Орнаменты ваханской вышивки: 1, 2 - кувшин (офтоба-гевок); 3, 6 - свастика (гули шамшод); 4 - павлин (партовус); 5 - человекообразный мотив (одама-гул); 7 - паук (гули-гунда, гуши-рубоб); 8 - утка (мургоби). По М. Рузиеву



Декоративная композиция на войлочной сумке девушки из селения Рын в Ишкашиме. 1960 г. По М. Рузиеву

Шаблон узоров - нысха. Из сел. Исор в Вахане



Шаблон узоров - *нысха*. Из сел. Исор в Вахане. 1989 г.

Фрагмент для околыша детской тюбетейки в процессе вышивки. Работа мастерицы Гулбегим Ёгибековой (1971 г.р.) из сел. Исор в Вахане

Женская тюбетейка из Вахана. Работа мастерицы Гулшод Ошурова(1980 г.р.) из сел. Исор в Вахане

Вышитые нашивки на рубаху и готовая тюбетейка для мальчика. Работа мастерицы Шахриниссо Джонхоновой (1987 г.р.) из сел. Дашт в Ишкашиме

Вышитые нашивки на платье для невесты. Работа мастерицы Гулбегим Ёгибековой (1971 г.р.) из сел. Исор в Вахане

Налобная повязка - саргуч для невесты. Вышивка чапдузи. Сел. Ямчун в Вахане. Наследие от Гулбегим Наджимхоновой (1909)

Налобная повязка - саргуч для невесты. Сел. Ямчун в Вахане. Наследие от Гулбегим Ёгибековой (1971 г.р.) из сел. Исор в Вахане

Детали женской тюбетейки: тулья и околышь. Работа мастерицы Гулшод Ошурова (1980 г.р.) из сел. Исор в Вахане

Детали современной женской тюбетейки: тулья и околышь. Вахан

Околышь для тюбетейки шугнанского типа. Работа мастерицы Нозанин Ёгибековой (1976 г.р.)

Ваханские тюбетейки современного образца. На образце посередине имеется символ исмаилизма

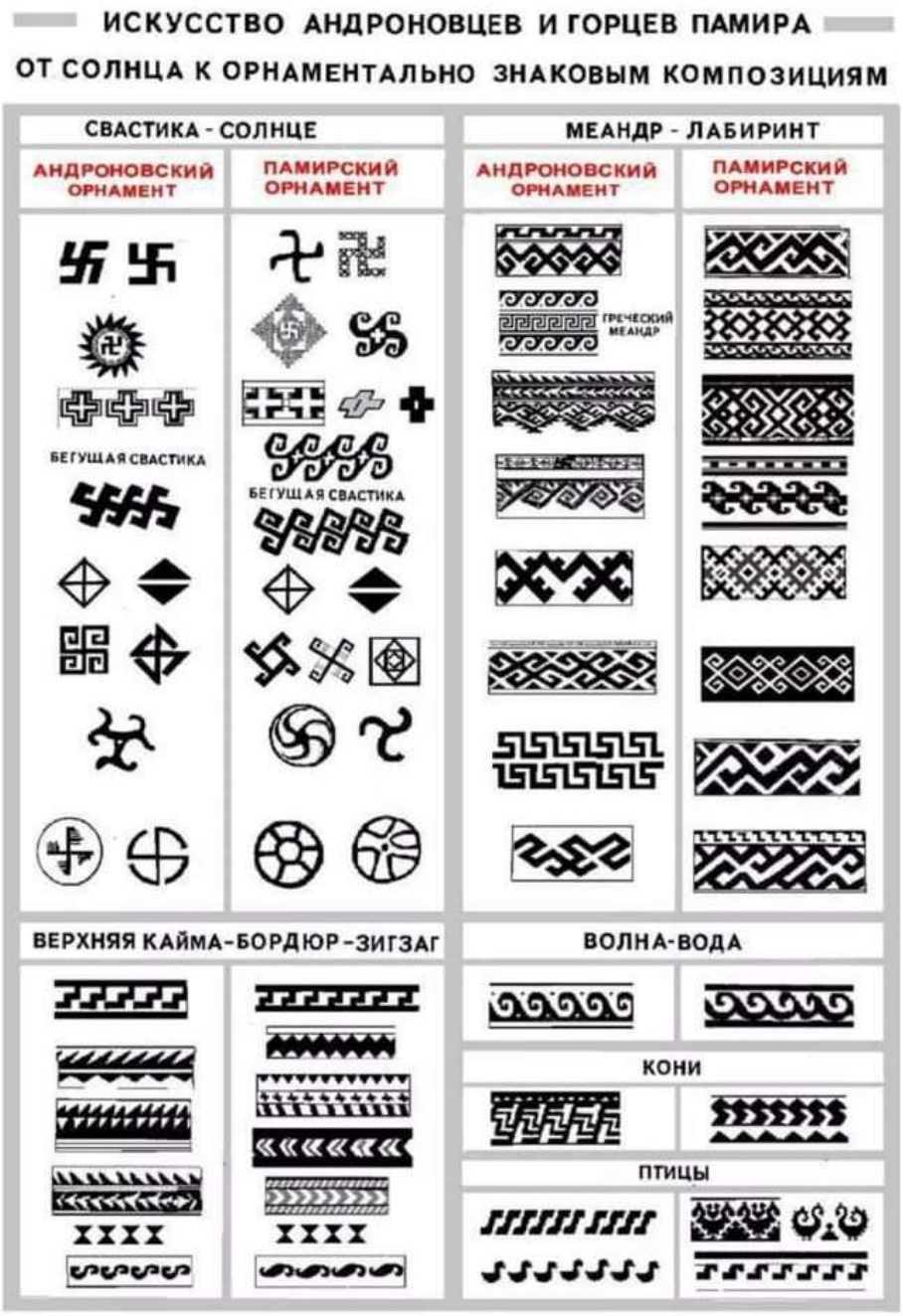
\

Образцы джурабов бартангского типа из Вахана. Работы мастерицы Гулшод ... (1980 г.р.) из сел. Исор в Вахане

Джурабы *нрипук* из Вахана. Работа мастерицы Нозанин Ёгибековой (1976 г.р.)

Типы памирских джурабов: *бартанги* (два образца слева), *бурдж* и *нрипук* (справа)

Вязаная сумочка современного образца. Работа мастерицы Наврузмо Давлатхоновой (г.р.) из сел . Зумудг в Вахане



Трансформация орнаментальных мотивов от искусства андроновцев до традиционного искусства горцев Памира. По М. Мамадназарову

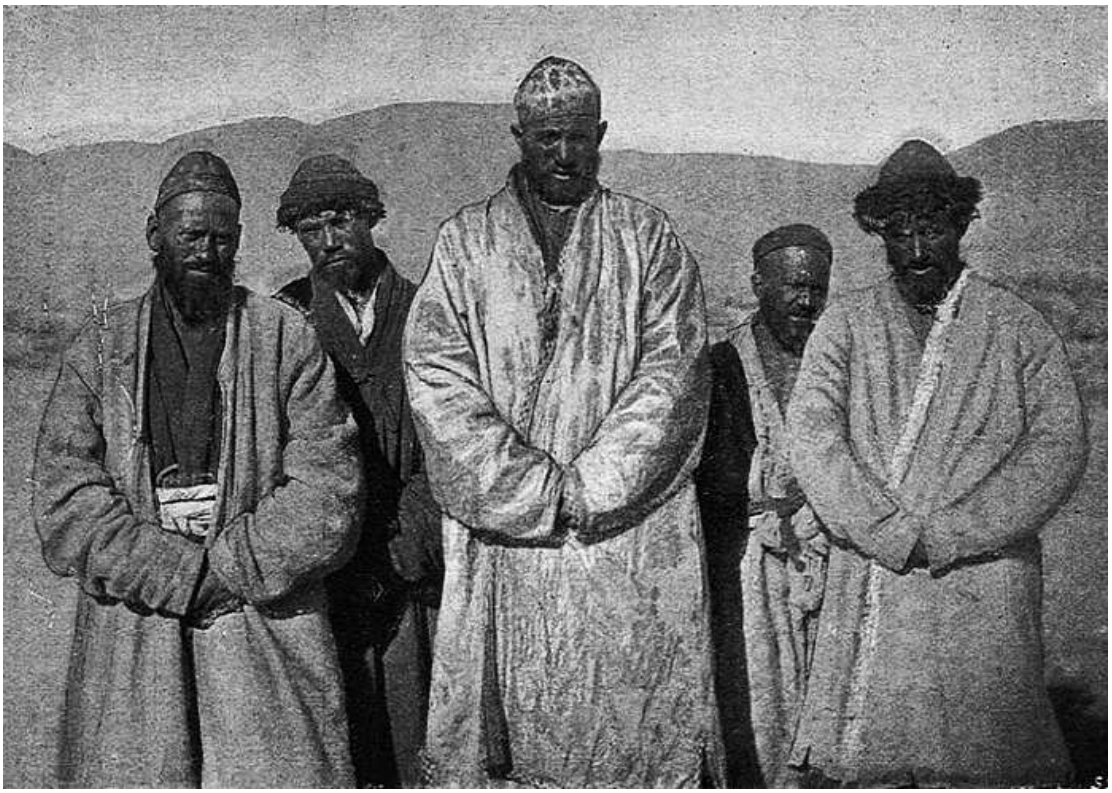
Группа мужчин с долины Бартанга. Рушан. Фото И. И. Зарубина. 1914 г.

Группа жителей долины Хуф. По О. Л. Орестову (в центре в шлеме). 1929 г.

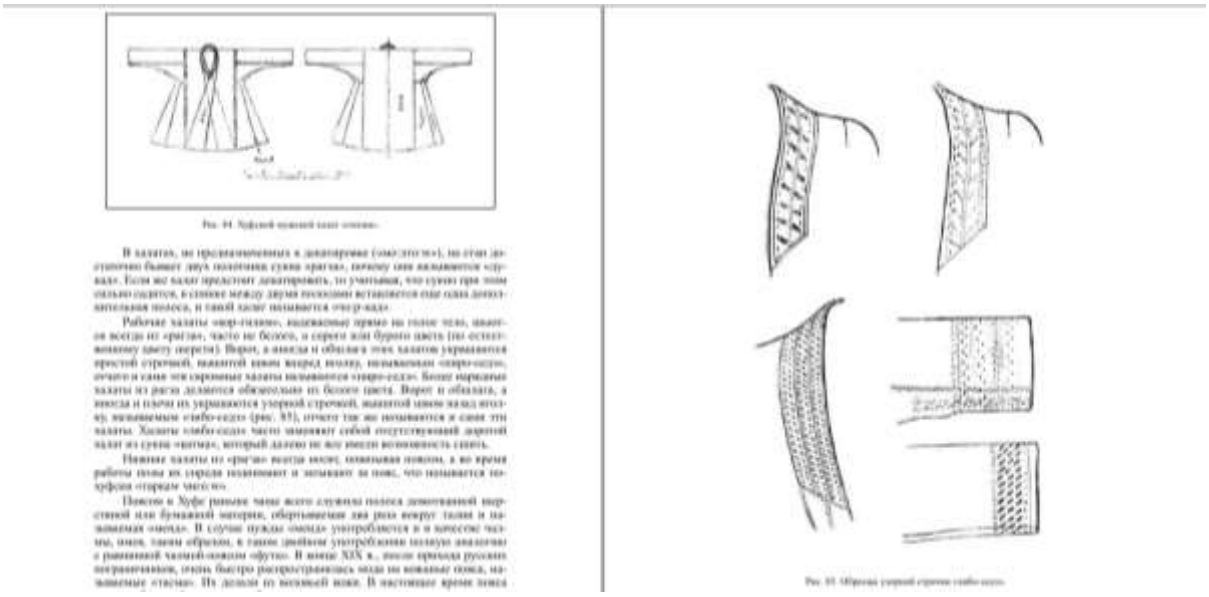
Группа таджиков-бедняков из сел. Пасбадж. Рушан, долина Бартанга. Фото И. И. Зарубина. 1914 г.

Группа таджиков из сел. Орошор в Бартанге. Фото И. И. Зарубина. 1916 г.

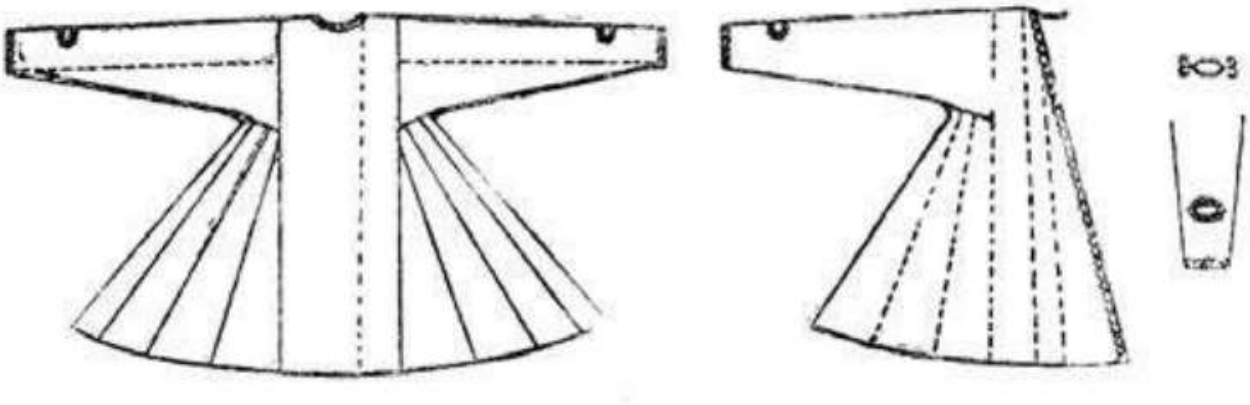
Аксакал Кабиль из сел. Барчридив. Долина Бартанга. Фото И. И. Зарубина. 1914 г.



Таджики Рушана. По Свену Гедину. 1893 - 1897 гг.



По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.



По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

Казий селения Намадгут у себя дома. Вахан. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Жители Вахана во во время отдыха. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Жители села на берегу Пянджа. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Жители правобережья Пянджа. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Казий из селения Лангар-киш. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Казий Худодод из Ишкашима. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Молодой ваханец. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Сын казия села Намадгут. Вахан. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Ваханские подростки. Фото Оле Олуфсена. 1897 - 1899 гг.

Группа жителей селения Вранг. Вахан. Фото М. А. Стейна. 1913 - 1916 гг.

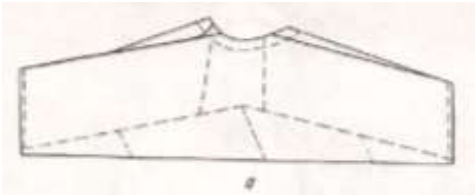
Сел. Рин, Вахан. По М. С. Андрееву и А. А. Половцеву. 1911 г.

Пир Вахана Ихсан Карим Али Шах. Сел. Внукут. Фото А. Стейна. 1915 г.

Группа ишкашимцев из сел. Нуд. Фото А. Стейна. 1913 -1916 гг.

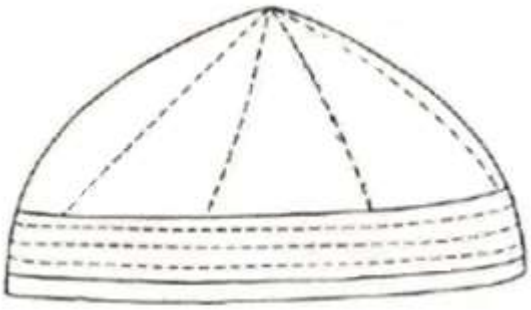
Молодой мужчина из Язгулема. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

Пожилой мужчина в халате *ктай* и с поясом *мнаик*. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

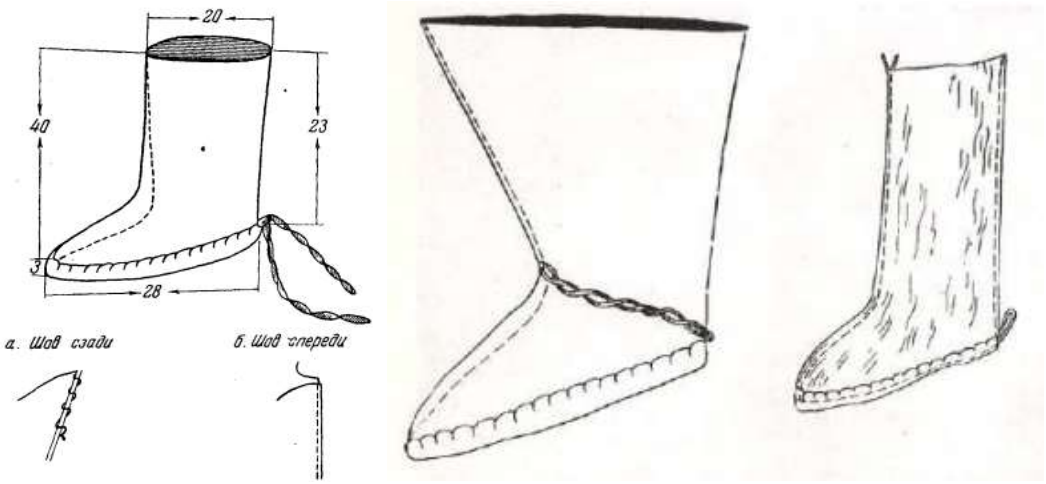


Мужские штаны - *тимбон* язгулемцев. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

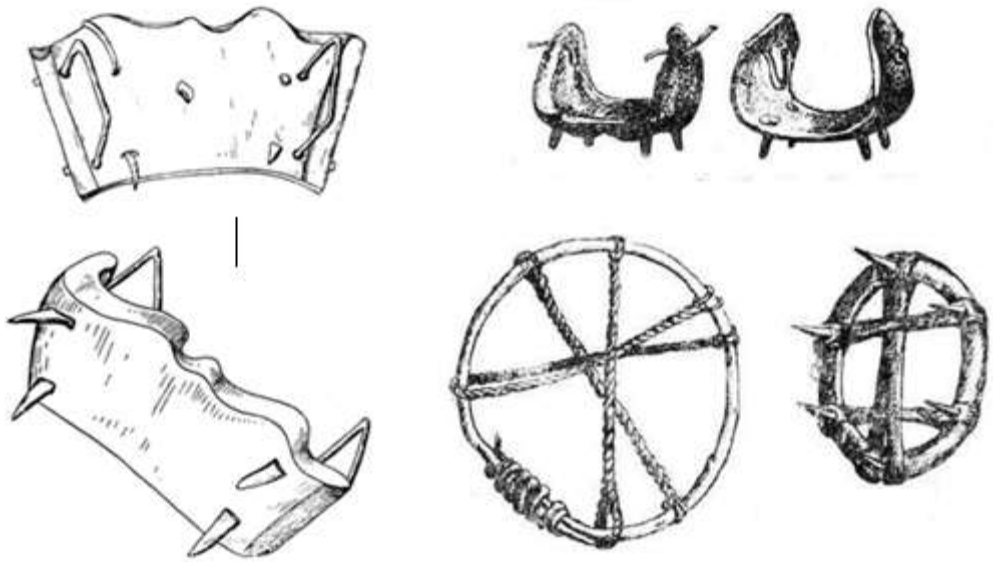
Шуба - *вирбин* язгулемцев. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.



Покрой тюбетейки старинной формы язгулемцев. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

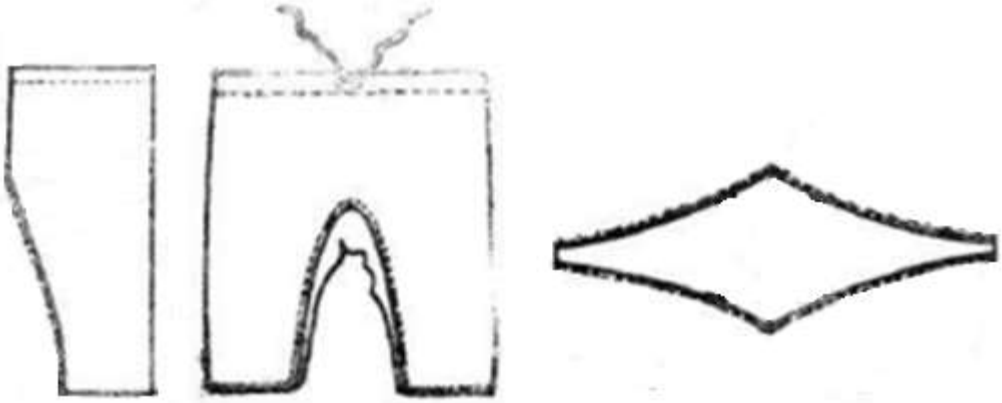


Мягкие сапоги - *там* язгулемцев. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.



Приспособления для ходбы по снегу. Слева - из Язгулема. Вид спереди и сбоку. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.; справа - лыжи из долины Хуф: цапки - *парном* (вверху) и лыжи - *чапар*. По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

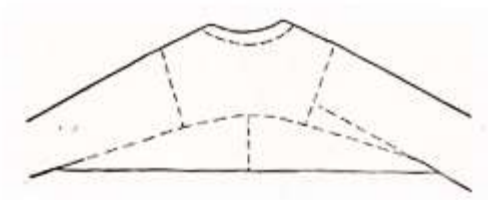
Хуфец Аловат из сел. Банай в халате и чалме. По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.



Покрой мужских штанов. По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

Школьник из Вахана в тюбетейке местного типа. По М. Рузиеву. 1960 г.

Молодая женщина из Язгулема. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.



Покрой женских штанов в язгулеме. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

Прически девушки и женщины средних лет. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

Шашейные украшения язгулемской девушки. По Л. Ф. Моногаровой. 1947 г.

Группа хуфских женщин на летовках. По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

Рис. 49. Мужские и женские штаны и шаровары.
а, б – мужские штаны; в – мотня мужских штанов («хих-так»);
з, д – женские шаровары.

По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

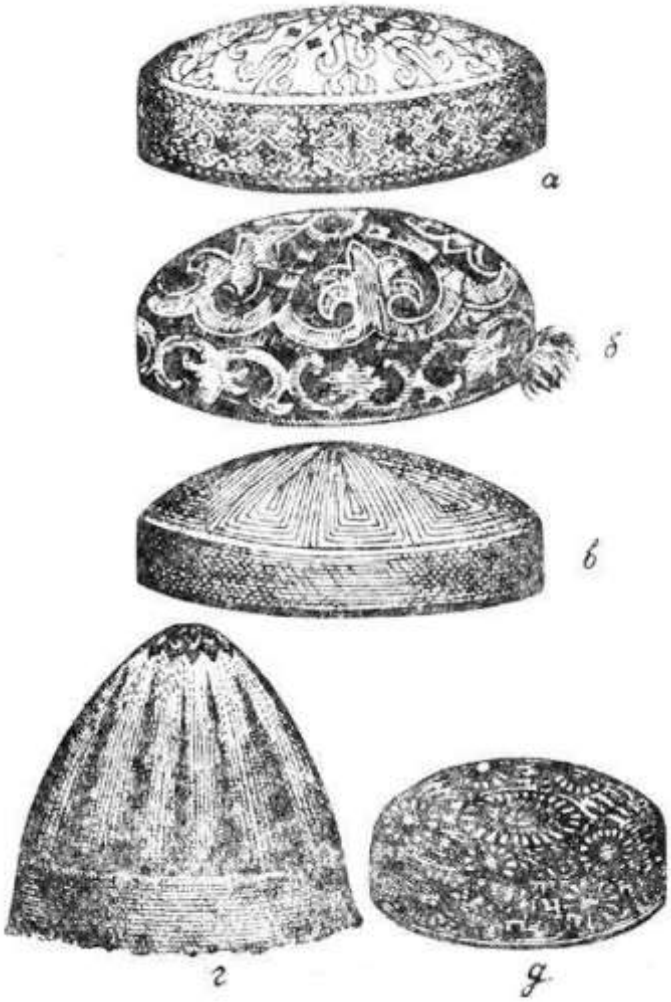
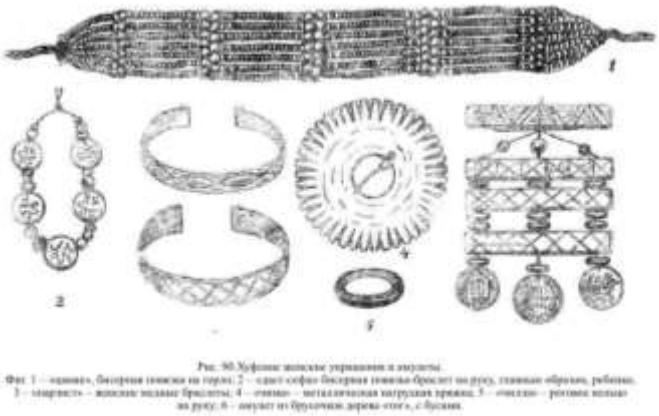


Рис. 86. Фиг. а – ваханская тюбетейка (1945 г.); б – вышитая тюбетейка из сел. Ба-Рушон (1943 г.); в – хуфская тюбетейка «токай» с узором из машинной строчки; г – старинная хуфская тюбетейка типа «миршои»; д – вышитая тюбетейка из Хорога (1943 г.)

По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.



По М. С. Андрееву и А. К. Писарчик. 1920-е гг.

Девушка из Хорога. Фото Л. Г. Абрамовича. 1937 г.